

Книга: Сигнал к капитуляции

Франсуаза Саган
Сигнал к капитуляции

[Купить книгу "Сигнал к капитуляции" у автора Саган Франсуаза](#)

Моим родителям

Предпринял я волшебный путь —

В ловушки счастья заглянуть.

Артур Рембо

Часть первая

Весна

Глава 1

Она открыла глаза. В комнату ворвался резкий, решительный ветер. Занавески на окне надулись, как паруса. Цветы в большой напольной вазе покорно поддались его напору. Ветер разворошил ее сон. То был весенний ветер: впервые в этом году пахло весной. Он принес с собой запахи земли и леса, пронесся по парижским предместьям, по улицам, пропитанным парами бензина. И вот, легкий и задиристый, впорхнул к ней в комнату, чтобы напомнить еще до пробуждения, что жизнь прекрасна.

Она снова зажмурилась, перевернулась на живот и, не отрывая лица от подушки, пошарила по полу у кровати в поисках часов. Наверно, опять где-то оставила. Вечно все забывает. Еще темно, ставни в доме напротив закрыты. Этот ветер определенно рехнулся — будить в такую рань! Она забралась обратно в постель, закуталась в простыни и несколько минут пыталась снова заснуть.

Ничего не получалось. Ветер разгуливал по комнате и выдувал сон, бесчинствовал среди податливо гнувшихся роз, бешено надувал занавески. Время от времени он проносился у нее над головой, обдавая запахами деревни, умолая: «Пюшли гулять, пройди со мной!» Разморенное сном ленивое тело отказывалось внимать его зову, обрывки снов еще трепыхались по окраинам сознания, но улыбка уже растягивала губы. Утро, сельское утро... Четыре платана у террасы. Контуры их огромных листьев на фоне светлеющего неба, цокот собачьих коготков по гравии. Вечное детство. Воспоминания ранних лет... Сколько раз на них обрушивались писатели и психоаналитики. Сколько довелось выслушать излияний на тему «когда я был ребенком...». Что придает этим воспоминаниям неистребимое очарование? Быть может, ностальгия по беззаботности, царственной и безоглядной, по безвозвратно утраченной беспечности? Но у нее была тайна: она беспечности так и не утратила и чувствовала себя совершенно беззаботной.

Мелькнувшие воспоминания побудили ее вскочить на ноги. Она поискала глазами халат и не нашла. Кто-то убрал его на место, но куда? Вздохнув, она открыла шкаф. Никогда она не привыкнет к этой комнате. Как, впрочем, и к любой другой. Обстановка всегда ее мало трогала. Правда, эта комната и впрямь весьма красива: высокие потолки, оба окна выходят на левый берег, на полу большой ковер в серо-голубых тонах. Он радует взгляд, и по нему приятно ходить босиком. Кровать точно остров в сопровождении двух рифов — тумбочки у изголовья и низкого стола в простенке между окон. Шарль сказал, что комната выдержана в превосходном стиле, а уж он-то разбирается. Ну, вот и нашелся злополучный халат — между прочим, шелковый. Что ж, роскошь и в самом деле весьма приятная штука.

Она вошла в комнату Шарля. Окна закрыты, ночник горит. Никакой ветер не тревожит его сон. На ночном столике аккуратно расположились снотворное, сигареты, зажигалка, бутылка минеральной воды. Будильник заведен ровно на восемь. Только недочитанный «Монд» валяется на полу. Она присела на край кровати и принялась разглядывать Шарля. Красивый пятидесятилетний мужчина. Черты лица кажутся несколько безвольными. Во сне он всегда выглядит несчастным, а нынче как-то особенно. Он богат, у него фирма по торговле недвижимостью. С людьми сходитесь трудно: мешают его вежливость и робость. Такое сочетание зачастую производит впечатление холодности. Они уже два года вместе, если можно называть совместной жизнь, когда люди обитают под одной крышей, вращаются в одном кругу и время от времени спят в одной постели... Он отвернулся к стене и слегка застонал. В который раз ей пришла мысль, что он несчастлив из-за нее. Впрочем, то же было бы при любой другой, если она моложе его на двадцать лет и помещена на собственной независимости. Стараясь не шуметь, она взяла с тумбочки сигарету, закурила и снова подняла глаза на Шарля. Волосы тронуты сединой, бескровные губы, на красивых руках проступают вены. В ней шевельнулась нежность. Такой добрый, умный и такой несчастный! Ей нечем ему помочь. Нельзя жалеть человека за то, что он родился на белый свет и что ему суждено умереть. Она слегка закашлялась. Зря закурила. Нельзя жарить чатовак. Впрочем, нельзя также много пить, слишком быстро водить машину, чересчур усердно заниматься любовью, перетруждать сердце, транжирить деньги. Ничего нельзя. Она зевнула и решила поехать прокатиться, отправиться за город в погоню за весенним ветром. Ведь ей не надо сегодня на службу. Ей вообще не надо работать — благодаря Шарлю у нее в этом нет нужды.

Полчаса спустя она уже была на дороге в Нанси. Включила приемник. Передавали концерт. Чья же это музыка — Грига, Шумана, Рахманинова? Во всяком случае, кто-то из романтиков. Она никак не могла понять, кто именно. Это и раздражало, и было приятно. Музыка всегда пробуждала в ней какие-нибудь воспоминания. «Сколько раз я слышала эту вещь в ту пору, когда была несчастна! Тогда она мне казалась навечно соединенной со страданием, точно намертво прилепленная на стекло переводная картинка». Уже не удавалось вспомнить, из-за чего или из-за кого она так страдала. «Наверное, начинаю стареть». Но эта мысль не принесла беспокойства. Она давно бросила копаться в себе, не стремилась посмотреть на себя со стороны, разобраться в чувствах. Просто жила сегодняшним днем, и этот день несли вместе с нею в порыве ветра.

Глава 2

Шум мотора во дворе разбудил Шарля. Потом он слышал, как Люсиль, напевая, закрывает гараж, и в недоумении глянул на часы. Было восемь утра. На миг мелькнула мысль, не стряслось ли с ней что, но голос звучал весело, и он успокоился. Ему захотелось открыть окно и окликнуть ее, но он поборол искушение. Он знал: такой счастливой она бывает только наедине с собой. Шарль на секунду прикрыл веки. Впервые за это утро ему пришлось сдерживать порыв. И на протяжении дня предстояло еще не раз делать это, чтобы не тревожить, не огорчать Люсиль. Лет пятнадцать назад он мог бы распахнуть окно, уверенно и просто позвать: «Люсиль, иди сюда, я проснулся». Она бы вернулась выпить с ним чашку чая. Сидела бы на краешке кровати, он бы плел что-нибудь смешное, и она б хохотала до слез. Он пожал плечами. Нет, и пятнадцать лет назад ему бы ее не рассмешить. Никогда он не был мастером развлекать, быть занятым. Лишь встретив Люсиль, он понял, что такое беззаботный человек. Учиться беззаботности долго и трудно, если не одарен ею от рождения.

Взгляд его упал на пепельницу. Оттуда нагло торчала погасшая сигарета. Неужели вчера перед сном он забыл вытряхнуть пепельницу в камин? Нет, исключено. Значит, Люсиль заходила покурить. На краю постели, где она сидела, чуть смята простыня. Сам он всегда спал на редкость спокойно, никогда не сбивал белье. Горничные просто нахвалиться не могли. И вообще все находили в нем вот эти достоинства: спокойствие, сдержанность, прекрасные манеры. Тогда как в других — обаяние. Как бы он хотел им обладать! Назови его кто-нибудь обаятельным, он бы распустил хвост, как павлин. Некоторые слова беспокоили и мучили его подобно ускользающему воспоминанию: обаяние, раскованность, непринужденность, беззаботность. И еще, Бог весть почему, слово «балкон».

Однажды он рассказал об этом Люсиль. Разумеется, о «балконе», а не об остальном. «Балкон? — удивленно переспросила Люсиль. — Почему балкон?» Она несколько раз повторила вслух это слово, потом поинтересовалась, что он при этом представляет — один балкон или несколько. Он сказал, что несколько. Тогда она спросила, не связаны ли у него т балконами какие-нибудь детские воспоминания. Он ответил, что нет. Люсиль взглянула на него с интересом. И как всякий раз, когда в ее взгляде появлялось что-нибудь помимо привычной доброжелательности, в нем проснулась безумная надежда. Но она пробормотала что-то насчет небесных балконов Бодлера, этим все и кончилось. То есть ничем, как всегда. А ведь он любил ее. Настолько, что не смел выказывать всю силу своей любви. И не из опасения, что она могла бы ею злоупотребить. Просто ее расстраивало, когда он об этом заговаривал, Шарль уже потерял надежду, что она с ним останется. Она соглашалась, чтобы он ее содержал, не более. И он знал, что деньги интересуют ее меньше всего на свете. По крайней мере, так ему казалось.

Шарль позвонил. Подбрав с пола «Монд», он попытался читать, но не мог сосредоточиться. Люсиль слишком быстро водит. Правда, спортивный автомобиль с откидным верхом, что он подарил ей на Рождество, весьма надежен. Он специально звонил приятелю из автомобильного еженедельника, чтобы выяснить, какая марка всего устойчивей и вообще лучше. А Люсиль сказал, что купил первую попавшуюся под руку и модель эту выбрал случайно. Так вот, между прочим, взял да и купил машину. Она была в восторге. Но если сейчас позвонят, что на дороге разбился темно-голубой автомобиль с молодой женщиной за рулем, чьи документы... Он встал. Определенно, у него начинается помешательство.

Вошла Полина с завтраком на подносе. Он улыбнулся:

— Как там на улице?

— Немного пасмурно. Но пахнет весной.

Полине было шестьдесят лет, десять из которых она служила у Шарля. До сих пор она не проявляла склонности к поэтическим наблюдениям.

— Весной? — машинально переспросил он.

— Да, так сказала мадемуазель Люсиль. Она заходила на кухню взять апельсин и сказала, что едет кататься и что на улице пахнет весной.

Экономка улыбнулась. Первое время Шарль опасался, что она возненавидит Люсиль. Месяца два Полина к ней присматривалась, а потом пришла к заключению, что у Люсиль мозги десятилетнего ребенка, да и мсье недалеко ушел. Поэтому он не может оградить ее от житейских неурядиц. Значит, этим должна заниматься она, Полина. И Полина с завидной энергией принялась следить за тем, чтобы Люсиль не забывала отдохнуть, вовремя ела, поменьше пила. Люсиль, судя по всему, подчинялась ей охотно. Это была одна из маленьких домашних загадок, вызывавших недоумение и восхищение Шарля.

— Она только взяла апельсин?

— Еще просила передать вам, чтоб, когда выйдете на улицу, обратили внимание на весенний запах.

Полина произнесла это ровным голосом. Понимает ли она, что Шарль выклянчивает послание от Люсиль? Иногда Полина избегала смотреть ему в глаза. Он знал, что она осуждает его не за любовь к Люсиль, а за то, как неистово, самозабвенно он любит. Кроме Полины об этом не догадывался ни один человек на свете. При своем здравомыслии, материнском и чуть снисходительном отношении к Люсиль, она не могла понять его болезненной, ненасытной любви. Она жалела бы Шарля, влюбись он не в «эту милую девушку», как она называла Люсиль, а в какую-нибудь «злую женщину». Ей было невдомек, что первое, может, еще хуже.

Глава 3

Клер Сантре обитала в роскошной квартире, доставшейся ей от покойного мужа. Правда, теперь апартаменты выглядела поскромней, чем в былые годы. Это проявлялось во множестве мелочей: мебели слегка поубавилось, голубые занавеси на окнах пережили уже не одну перекраску, приводящие официанты стали не такие вышколенные. К примеру, путались порой, какая из пяти дверей ведет из гостиной на кухню. И все же то была одна из лучших квартир на авеню Монтень, и приемы, которые давала Клер, считались весьма изысканными.

Клер Сантре была высокая, худощавая, подвижная блондинка, хотя с тем же успехом могла бы оказаться и брюнеткой. Ей было за пятьдесят, однако выглядела она моложе. О любви рассуждала с веселой непринужденностью. Создавалось впечатление, что лично ее это больше не касается, хотя у нее и сохранились на сей счет приятные воспоминания. Такое амплуа располагало к ней женщин. А мужчины добродушно и шутливо приударяли за ней. Клер входила в ту славную когорту пятидесятилетних дам, что умудряются не просто выдерживать парижский ритм жизни, но и оставаться в моде, а то и сами задают тон. На ее званные обеды помимо прочих обычно бывала приглашена парочка американцев и один-другой венесуэлец. Своих она заранее предупреждала, что новички ничем не примечательны и званы по деловым соображениям. За столом их усаживали возле кого-нибудь из модных женщин. Они с трудом следили за беседой, теряясь в загадках и недоговоренностях, весело улыбаясь непонятным для них шуткам, а по возвращении в Каракас с восторгом рассказывали об этом обеде. Благодаря чему Клер обладала эксклюзивным правом на ввоз во Францию венесуэльских тканей или наоборот и виски на ее приемах всегда имелось в изобилии. Кроме того, она была ловка и если уж о ком плохо отзывалась — значит, без этого никак нельзя было обойтись, не рискуя показаться смешной.

Добрых десять лет Шарль Блассан-Линьер оставался одним из столпов ее приемов. Он охотно одалживал деньги и никогда не напоминал о долге. Был богат, красив, говорил мало, но кстати. Время от времени он, по совету Клер, брал в любовницы одну из ее протеже. Обычно их отношения длились год, реже два. В августе он вывозил их в Италию; когда они изнемогали от парижской жары, отправлял в Сен-Тропе, а когда жаловались зимой на усталость — в Межев. Потом они получали дорогой подарок, и это служило знаком, что связь подошла к концу. Как правило, он не объяснял причин разрыва. А полгода спустя Клер снова брала его «под крыло». Но два года назад этот спокойный, рассудительный, практичный человек вышел из-под ее влияния. Он влюбился в Люсиль, а та была неуловима. Она оказалась остроумна, хорошо воспитана, умела держаться в обществе, но никогда ничего не рассказывала Клер ни о себе, ни о Шарле, ни про его планы. До знакомства с Шарлем она служила в одной из тех газет, что причисляют себя к левым, чтобы меньше платить своим сотрудникам — чем их прогрессивность и ограничивается. Работу она бросила, и никто не знал, что она делает целыми днями. Если у нее и был любовник, то не из их круга. Клер не раз подсыпала к ней своих «мушкетеров», но впустую. Не зная, с какой стороны подступиться, Клер как-то предложила ей авантюру в бальзаковском духе — из тех, какими не гнушаются парижские светские львицы. Это обещало Люсиль норковое мантио плюс прощальный чек от Шарля примерно на ту же сумму.

— Мне не нужны деньги, — ответила Люсиль. — И я не занимаюсь такими вещами.

Она произнесла это весьма сухо, глядя в сторону. На секунду Клер поддалась панике, но тут же нашлась — вот такие-то озарения и помогли ей сделать блестящую карьеру в свете. Она взяла Люсиль за руки.

— Спасибо, дорогуща, спасибо. Я ведь люблю Шарля как брата, а вас совсем не знаю. Простите мне, я проверяла вас. Если бы вы согласились, мне было бы страшно за Шарля, вот и все.

Люсиль засмеялась, и Клер, в глубине души ожидавшая сцены умиления, пребывала в тревоге до следующего совместного обеда. Но Шарль не выказывал ничего необычного, и они успокоилась. Люсиль умела держать язык за зубами. Или умела забывать.

Весенний сезон начался не особенно удачно. Клер мрачно просматривала список приглашенных. Первым, как водится, приехал Джонни — она его держала на подхвате. До сорока пяти лет Джонни был педерастом. Но теперь он уже не чувствовал сил для полных свиданий с предметами своей любви после рабочего дня и светского ужина. И довольствовался мечтательными взглядами на красивых молодых мужчин во время приемов. Светскость убивает все, даже пороки. Да зачтется же ей! Тогда-то Джонни стал при Клер чем-то, вроде пажа. Он сопровождал ее на премьеры и званые обеды. Иногда принимал и своих гостей в ее доме, впрочем, с великим тактом. Вообще-то его звали Жан, но друзья сочли, что Джонни звучит веселее. Он не возражал. А лет через двадцать даже приобрел легкий англо-саксонский акцент.

— О чем вы задумались, дорогая? Вас что-то тревожит?

— Я тут размышляла о Шарле. И еще о Диане. Нынче она приедет со своим хахалем. Как-то я его видела. Боюсь, он не украсит приема. Не понимаю, как можно в тридцать лет и с такой внешностью быть столь мрачным.

— Диана зря увлеклась интеллектуалами. Ей это не к лицу.

— Интеллектуалы тоже порой бывают ого-го, — снисходительно возразила Клер. — Но Антуан не такой уж интеллектуал. Заведует отделом в издательстве «Ренуар». Ну что там за деньги платят? Гроши, сами знаете. А Диана, слава Богу, достаточно богата, чтоб...

— Он не показался мне таким корыстным, — заступился Джонни, которому Антуан очень понравился.

— Он к этому придет, — устало возразила Клер. Ее утомленный тон свидетельствовал о большом жизненном опыте. — Диане сорок, и у нее миллионы, а он в свои тридцать зарабатывает тысяч двести в месяц. Чего тут долго сомневаться.

Джонни засмеялся, но тут же оборвал свой смех. Он наложил на лицо крем от морщин, порекомендованный ему Пьером-Андре. Крем, верно, еще не впитался. До половины девятого следовало избегать всякой мимики. Впрочем, уже полдевятого. Джонни снова засмеялся, и Клер взглянула на него с сожалением. Джонни, конечно, ангел, но, видно, дают себя знать ранения, полученные в сорок втором, когда он геройствовал в британской королевской авиации. Похоже, боши вышибли из него последние мозги. Странная штука жизнь. Глядя на эти тонкие красивые пальцы, бережно поправляющие цветы в вазе, разве поверишь, что эти же руки сжимали автомат, давили на гашетку, несли гибель вражеским самолетам в ночном небе... В людях столько неожиданного. Потому-то Клер никогда не бывает скучно. Она вздохнула с облегчением и тут же грудной клеткой ощутила тиски корсета. Карден все-таки перегибает палку, ну не силфида же она, в конце концов.

Люсиль едва сдерживала зевоту. Чтoб не зевнуть, надо вдыхать воздух уголком рта, а выдыхать через передние зубы. Немного похоже на жующего кролика, зато хоть слезы на глазах не выступают. Когда же кончится этот нудный ужин! Ее усадили между Джонни, который все похлопывал себя нервно по щекам, и красивым молодым мужчиной. Сказали, что он любовник Дианы Мербель. Неразговорчивость соседей оказалась весьма кстати. Сегодня у нее ни малейшего настроения кокетничать. Ей хотелось спать — слишком рано встала. Люсиль попыталась вспомнить запах этого чертова ветра и на секунду зажмурилась. Открыв глаза, она ощутила на себе тяжелый, мрачный взгляд Дианы и удивилась. Неужто так влюблена в своего блондина? Или ревнует? Люсиль повнимательней пригляделась к нему. Очень светлые, почти пепельные волосы, волевой подбородок. Он катал хлебные шарики, их уже собралась целая горка возле тарелки. Разговор за столом зашел о театре. Клер была в восторге от пьесы, вызвавшей у Дианы отвращение, и это придавало беседе некоторую пикантность. Люсиль сделала над собой усилие и повернулась к молодому человеку:

— Вы эту пьесу видели?

— Я не хожу в театр. А вы?

— Страшно редко. Последний раз смотрела в «Ателье» очень милую английскую комедию. В главной роли еще была та актриса, что после гибели в автомобильной аварии, не помню имени.

— Сара, — очень тихо отозвался он и положил ладони на скатерть.

Его лицо испугало Люсиль. «Боже, как он несчастен», — мелькнуло в голове.

— Простите меня, — попросила она.

Он обернулся и тусклым голосом переспросил «что?», глядя как бы сквозь нее и прерывисто дыша, точно после удара под дых. Мысль, что это она, пусть невольно, его ударила, показалась Люсиль невыносимой. Она не любила бывать невежливой, а уж тем более жестокой.

— О чем задумались, Антуан? — Голос Дианы прозвучал резко. Повисла тишина.

— Да он просто замечтался, — засмеялась Клер. — Антуан, Антуан!

Никакой реакции. И гробовое молчание за столом. Гости замерли с вилками в руках, повернув лица в сторону бледного молодого человека, вперившегося пустыми глазами в графин на середине стола.

Люсиль тронула его за рукав, он очнулся.

— Что вы сказали?

— Я спросила, о чем вы задумались, — сухо повторила Диана, — только и всего. Или мой вопрос нескромен?

— Такие вопросы всегда нескромны, — заметил Шарль. Теперь он смотрел на Антуана с интересом, как, впрочем, и все остальные. Антуан был приглашен в роли любовника Дианы, пригетого ею из каприза. А теперь внезапно превратился в мечтающего молодого человека. Над скатертью пролетел ветерок зависти и ностальгии по прожитым годам, Клер же не на шутку разозлилась. Как это прикажете понимать? Тут собрался цвет общества, известные, блестящие, остроумные люди, знающие все и вся. Мальчишке слушать бы их, разинув рот, смеяться вовремя да благодарить судьбу, что попал в такую компанию, а не корчиться ив себя невеста что. А если у тебя в башке свидание с какой-нибудь пигалицей в Латинском квартале, то какого черта ты связался с Дианой, одной из извещнейших и очаровательнейших женщин Парижа? И выглядит она в свои сорок пять просто чудесно. Правда, не сегодня: что-то бледна и встревожена. Не знай ее Клер так хорошо, решила бы, что та несчастна. Клер вмешалась:

— Держу пари, вы мечтали о «Феррари». Кстати, Карлос на днях купил последнюю модель и пригласил меня прокатиться. Ощущение было такое, что пришел мой последний час, хотя он прекрасно водит.

В ее голосе прозвучало удивление: Карлос был наследником какого-то престола и Клер не переставала восхищаться его способностью иметь еще какие-то интересы помимо того, чтобы, сложа руки, ожидать реставрации своей монархии.

Антуан с улыбкой повернулся к Люсиль. У него были светло-карие, почти желтые глаза, крупный нос, красиво очерченный рот. В облике его сквозило что-то очень мужественное, что не вязалось с этой бледностью, с по-детски нежными волосами.

— Простите меня, — тихо произнес он, — наверное, я показался вам грубым.

Он смотрел ей прямо в лицо, и, когда говорил, глаза не блуждали рассеянно по скатерти или по плечам, как это часто бывает. Казалось, все остальные для него просто не существуют.

— Мы сказали друг другу три фразы, две из них были извинения, — ответила Люсиль.

— Мы начинаем с конца, — весело подхватил он. — Обычно мужчина и женщина говорят это друг другу в конце, по крайней мере, один из них. «Прости, я тебя разлюбил».

— Это еще не худший случай. Меня просто бесит откровенная манера, эдакая прямота: «Извини, я думал, что люблю тебя, но ошибался. Считаю долгом тебе сказать».

— Навряд такое с вами часто случалось.

— Премного благодарна.

— Я имел в виду, что вы, верно, всегда опережаете мужчин. Пока они соберутся с таким признанием, ваш чемодан уже в багажнике такси.

— Тем более, что мой багаж — пара свитеров да зубная щетка, — засмеялась Люсиль.

Немного помолчав, он заметил:

— Вот как? А я полагал, что вы женщина Блассан-Линьера.

«Какая досада, — подумала Люсиль. — Он было показался мне умницей». По ее понятиям, беспричинная жестокость не могла сочетаться с умом.

— Да, — ответила она, — вы правы. Сейчас я уезжала бы в собственном автомобиле и с чемоданом, набитым шмотками. Шарль очень щедр.

Она произнесла это очень спокойным тоном, но Антуан опустил глаза.

— Простите меня. Сам не знаю, чего несу. Не по себе мне среди этой публики.

— Так не ходите сюда. Да в вашем возрасте это и опасно.

— Ну, знаете, детка, я ведь постарше вас, — оскорблено заявил он.

Она засмеялась. Диана и Шарль посмотрели на них. Они сидели рядом, напротив своих протеев. Дети по одну сторону, взрослые по другую. Старые тридцатилетние дети, никак не желающие взрослеть. Люсиль умолкла. Она подумала о себе: ничем в жизни не занимается, никого не любит. Смешно. Не люби она жизнь саму по себе, давно бы покончила с собой.

Антуан смеялся. Диана страдала. Она видела его смеющимся с другой. С ней он не смеялся никогда. Ей легче было бы видеть, как он целует другую, чем с нею смеется. Ужасно, ужасно смеется. Ужас как помолодел от этого смеха. Она взглянула на Шарля, тот выглядел растроганным. Рехнулся, что ли! Люсиль, конечно, привлекательна и — превосходно держится, но в ней ни настоящей красоты, ни изюминки. Как, впрочем, и в Антуане. Без ума от нее бывали мужчины куда красивее. Только беда в том, что она полюбила Антуана. Она любила его и желала, чтобы он любил ее. Наступит день, и он окажется в ее власти. Позабудет свою погибшую актрису, для него будет существовать лишь она, Диана. Сара, Сара... Сколько раз она слышала это имя. Вначале он часто о ней рассказывал. Однажды Диана не удержалась и в сердцах брякнула, что Сара ему изменяла, что все об этом знали. Больше они о Саре не говорили, но во сне он шептал ее имя. Ничего, скоро... скоро он будет звать во сне ее, Диану. Она почувствовала, как слезы набегают на глаза. И чтобы скрыть их, закашлялась. Шарль легонько похлопал ее по спине. Ужин казался ей бесконечным. Клер Сантре выпила лишку. В последнее время это случалось с ней все чаще. Она рассуждала о живописи с апломбом явно не по познаниям. Для Джонни, действительно понимавшего в искусстве, ее разглагольствования были пыткой.

— Так вот, когда тот юноша мне это принес, — продолжала Клер, — я посмотрела картину при свете, и мне показалось, что у меня не в порядке со зрением. И знаете, что я ему сказала?

Гости вяло симулировали интерес к ее остротам.

— Я сказала: «Мсье, я полагала, глаза мне даны, чтоб видеть. Вероятно, я ошибалась. На вашей картине, мсье, я не вижу ровным счетом ничего».

Дабы наглядней продемонстрировать, сколь пустой была картина, Клер перевернула рюмку, вино вылилось на скатерть. Все поспешили воспользоваться суматохой, чтобы покинуть свои места. Люсиль с Антуаном душил смех, они встали из-за стола с опущенными головами, пряча смеющиеся лица.

Глава 4

Смех вдвоем — сколько в нем прелести и каверз! Не переоценить его могущества. Любовь и дружба, желание и отчаяние — ничему без него не обойтись. Антуан и Люсиль смеялись, как школьники. Оба они. были любимы, желанны, опекаемы серьезными людьми. Оба знали, что так или иначе будут наказаны за этот смех, и все же безудержно хохотали в углу гостиной.

Парижский этикет требует, чтоб на приемах любовники сидели за столом врозь, но в перерывах они обычно сходятся посплетничать об окружающих, шепнуть друг другу слова любви или нежные упрёки. Диана ждала, что Антуан подойдет к ней, и Шарль уже направился к Люсиль. Но та отвернулась к окну, от смеха глаза наполнились слезами. Антуан стоял возле. Всякий раз, встречаясь с ним взглядом, она поспешно отворачивалась, а он прикрывал лицо носовым платком. Клер было собралась не обращать на них внимания. Но зависть и даже злоба уже витали по гостиной, и она решила принять меры. Кивком она отправила к ним Джонни. Это значило: «Скажите этим детям, чтоб вели себя прилично, а то их больше не позовут». Увы, Антуан заметил этот жест и снова зашелся смехом. Джонни подошел к ним и весело обратился к Люсиль:

— Ради Бога, Люсиль, расскажите и мне, я умираю от любопытства. Что случилось?

— Ничего, абсолютно ничего, то-то и ужасно.

— Ужасно, — подхватил Антуан. Он был взлохмачен, выглядел помолодевшим и счастливым. На секунду Джонни охватило острое желание. В этот миг подошла Диана. В ней клокотала ярость, и ярость красила ее. Гордая осанка, зеленые глаза, стройная фигура придавали ей облик прекрасной боевой лошади.

— Над чем это вы так потешаетесь? — резко осведомилась она. В голосе ее звучала подозрительность и снисходительность разом. Подозрительность преобладала.

— Мы? Да ни над чем, просто так, — невинно отозвался Антуан. Он никогда не говорил «мы» про себя с Дианой. Это ее доканало.

— Ну так и ведите себя как воспитанные люди. Недостает собственного остроумия, соблюдайте хоть приличия.

На секунду воцарилась тишина. Люсиль отнюдь не находила странным, что Диана решила одернуть своего любовника. Но замечание относилось к ним обоим, и это показалось обидным.

— Вы забываетесь, — вспикела она. — Вы не можете запретить мне смеяться.

— Мне тоже, — твердо добавил Антуан.

— Прошу меня извинить, я очень устала. До свидания, — выговорила Диана. — Шарль, вы меня проводите? — обернулась она к несчастному Шарлю, как раз подошедшему, на свою беду. — У меня разболелась голова.

Шарль поклонился, и Люсиль улыбнулась ему:

— Встретимся дома.

В гостиной поднялась оживленная суматоха — обычное дело после публичных скандалов. Минуты три все говорили о чем-то своем, а затем принялись обсуждать происшествие. Люсиль с Антуаном остались вдвоем. Задумчиво взглянув на него, Люсиль оперлась на перила балкона. Антуан спокойно курил.

— Мне чертовски жаль, — сказала она. — Я погорячилась.

— Пойдемте отсюда, — предложил он, — я провожу вас. Лучше смыться, пока не грянул гром.

Клер пожала им руки, как сообщница. Им бы следовало сейчас разойтись по домам, но она хорошо помнила, что такое молодость. Какая прекрасная пара! Она могла бы им помочь... Хотя нет, а как же тогда Шарль... Что-то нынче вечером голова

совсем не варит.

За порогом их поджидал ночной Париж, блестящий, будто покрытый черным лаком, манящий своими огнями. Когда за лукавой физиономией Клер захлопнулась дверь, оба испытали облегчение. Его сменило желание либо поскорее расстаться, либо узнать друг друга лучше. В любом случае этот странный вечер не мог закончиться просто так, ему не доставало точки. Люсиль не хотелось ни минуты играть ту роль, что подразумевали направленные на нее взгляды гостей, — роль молодой женщины, бросающей престарелого покровителя ради молодого любовника. Об этом не могло быть и речи. Когда-то она обещала Шарлю: «Быть может, я сделаю вас несчастным, но смешным никогда». И действительно, в тех редких случаях, когда она ему изменяла, Шарль ничего даже не подозревал. А сегодня... Как она очутилась на улице наедине с чужим мужчиной? Люсиль повернулась к нему, он улыбнулся:

— Не хмурьтесь. Может, заглянем по дороге в какой-нибудь бар?

Однако одного бара оказалось маловато. Они побывали в пяти, а еще два пропустили: Люсиль почудилось, что они напоминают Антуану о Саре и ему невыносимо заходить туда с кем-либо другим. Всю дорогу они болтали без умолку. Они переходили с одного берега Сены на другой, по улице Риволи дошли до площади Согласия, зашли в «Харрис-бар» и отправились бродить дальше. Снова поднялся тот самый утренний ветер. Люсиль едва держалась на ногах от усталости, от напряжения, от виски.

— Она изменяла мне, — сбивчиво рассказывал Антуан. — Понимаете, она, бедняжка, считала, что положено спать с режиссерами и журналистами... Она постоянно лгала мне... и я презирал ее... строил из себя гордеца, моралиста... изводил своей иронией... осуждал... Какое право, о Господи, какое право я имел судить ее! Ведь она, понимаете, она любила меня... я точно знаю, что она меня любила... В тот вечер, накануне своей смерти, она почти умоляла не отпускать ее в Довиль. Но я ответил: «Поезжай, раз тебе так нравится». Каким же я был кретином, да еще с претензией!

Они шли по мосту. Он попросил Люсиль рассказать о себе.

— Я отродясь ничего не умела, — начала она. — В юности все в жизни представлялось понятным, логичным. Я собиралась учиться в Париже. Я мечтала. Покинув родительский дом, я во всех ищу родителей: и в любовниках, и в друзьях. Мне кажется, у меня нет ничего своего, ни цели, ни забот. И мне нравится такая жизнь. Может я урод, но отчего-то, едва проснусь, какой-то внутренний камертон сразу настраивает меня на жизнь. И я не сумею измениться. Да и зачем? Что я могу? Работать? Что-то не тянет. Вот если б я полюбила, как вы, например... Антуан, а что связывает вас с Дианой?

— Она любит меня, — сказал Антуан. — А мне нравятся высокие и стройные женщины вроде нее. А Сара была маленькая и толстенькая, я чуть не плакал от умиления. Понимаете? И еще она как никто умела мучить меня...

Усталость была ему к лицу. Они снова оказались на улице Бак и не сговариваясь завернули в полутемный бар. Они смотрели друг другу в лицо серьезно и просто. Музыкальный автомат играл старый штраусовский вальс. Какой-то пьяница пытался танцевать, ухватившись за стойку бара и рискуя грохнуться в любой момент. «Уже поздно, уже очень поздно, — нашептывал Люсиль внутренний голос. — Наверное, Шарль беспокоится. Этот мальчик тебе даже не нравится, возвращайся!»

Внезапно она почувствовала, что ее щека прижата к пиджаку Антуана. Одной рукой он притянул ее к себе. Зарывшись подбородком в ее волосы, он молча обнимал ее. И она ощутила, как некое странное спокойствие нисходит на Них. Полутемный бар, бармен, алкоголь, музыка — все это существовало всегда. А может, она сама никогда не существовала. Голова шла кругом. Он довез ее до дому на такси, они вежливо попрощались, так и не обменявшись телефонами.

Глава 5

Но им не дали долгой передышки. Диана закатила жуткий скандал. Теперь каждая из женщин, присутствовавших на том ужине, считала своим долгом всякий раз приглашать Шарля туда, где будет Диана, — то есть Люсиль туда, где будет Антуан. Диана перешла в другой лагерь: добрых двадцать лет она красовалась среди палачей, теперь пополнила ряды жертв. Она ревновала и не смогла этого скрыть. Значит, она пропала. Париж будет заодно улюлюкать ей вслед. Как это часто бывает в том кругу, все перевернулось с ног на голову. То, что еще вчера составляло ее силу, ее гордость, обернулось против нее: красота — «уж не та, что в молодые годы». Драгоценности, ставшие вдруг «убогими», хотя неделю назад самая скромная из ее побрякушек казалась роскошной любой из приятельниц. Даже «ройс» — «уж он-то по крайней мере никуда от нее не денется». Бедная Диана. Оказалось, что зависть, как перчатку, можно вывернуть наизнанку. Ничто ее не спасет: напрасно будет она терзать лицо косметикой, скрывать сердечные раны под бриллиантами, вывозить пекинеса на прогулку в «ройсе». Участь ее достойна жалости.

Диана все это знала. Она знала цену светскому кругу. В тридцать лет ей посчастливилось побывать замужем за умным человеком. Он был писателем и раскрыл ей глаза на многие пружины этого хитрого механизма, прежде чем в ужасе бежал подальше от него. Диане никто б не мог отказать в мужестве. Возможно, тут сыграло роль ее ирландское происхождение, а может, жестокая няня в детстве. И конечно, ее состояние, достаточно большое, чтоб ни с кем не считаться. Что там ни говори, нужда пригибает к земле, и женщин это касается ничуть не меньше, чем мужчин. Женские горести обошли Диану стороной: она всегда замечала лишь тех мужчин, кто был в нее влюблен. Теперь она с ужасом осознала, что не в силах оторвать взгляд от Антуана. Она мучительно размышляла, чем, помимо физической близости, можно его удержать.

Чего он хочет от жизни? К деньгам равнодушен. В издательстве получает смехотворное жалованье и потому, когда не может ее пригласить, просто отказывается составить ей компанию. Все чаще ей случалось обедать с ним дома с глазу на глаз. Раньше ничего подобного ей бы и в голову не пришло. К счастью, существуют премьеры, ужины, приемы — бесплатные развлечения, которыми Париж так щедро дарит посвященных. Антуан как-то признался, что любит только книги и что рано или поздно сделает себе имя в своем издательстве. Действительно, на приемах он оживлялся, лишь, если рядом случался кто-то способный поддержать более или менее серьезный разговор о литературе. В этом году в моду вошли любовники-писатели. Диана с воодушевлением завела речь о Гонкуровской премии. Но он ответил, что не владеет пером, а писателю это, к сожалению, совершенно необходимо. Она пыталась настаивать: «Я уверена, если бы ты попробовал... Да возьми хотя бы этого мальышку Х...» — «Быть как Х?.. Ну, нет!» — взорвался Антуан, обычно редко повышавший голос. Уж лучше он навсегда останется читателем, будет получать в «Ренуаре» двести тысяч франков в месяц и еще полвека оплакивать Сару. Диане оставалось лишь смириться: она любила его.

После того ужина она провела бессонную ночь: Антуан объявился только на рассвете, судя по всему, навеселе. Притом поехал не к ней, а на свою квартиру. Она звонила ему каждый час. Ответь он, Диана повесила бы трубку. Ей просто хотелось знать, где он. В половине седьмого он подошел к телефону и буркнул: «Я хочу спать», даже не спросив, кто звонит. Наверное, всю ночь шатался по барам Сен-Жермена. И как бы не вместе с Люсилью. Но нельзя вспомнить о ней. Никогда не следует много думать о том, чего боишься. На следующий день Диана позвонила Клер извиниться за свой поспешный отъезд: у нее весь вечер раскалывалась голова.

— Вы и правда неважно выглядели, — с деланным участием подтвердила Клер.

— Что ж, я не становлюсь моложе, — холодно отрезала Диана. — К тому же от молодых так устаешь.

Клер понимающе хихикнула. Она обожала аллюзии, вернее, двусмысленности, интимные подробности. Никто не способен с таким знанием дела, так точно в двух-трех словах описать мужские достоинства любовника, как светская дама в разговоре с подругой. Впечатление, что все эмоции уходят на похвалы портным, а для любовников остаются лишь сухие технические характеристики. Последовал короткий комментарий относительно Антуана, пожалуй, лестный. Клер не терпелось услышать о

главном, так что пришлось взять инициативу в свои руки.

— Эта Люсиль временами ведет себя просто вызывающе. Что за дурацкий смех, как у пансионерки. А ведь ей лет тридцать, как по-вашему?

— У нее красивые серые глаза, и она нравится нашему милому Шарлю.

— Он живет с ней уже два года, для него это немалый срок, — вздохнула Клер.

— Для нее тоже, не забываете, дорогая.

Они посмеялись и закончили разговор, вполне довольные друг другом. Диане казалось, что удалось сгладить инцидент. А Клер могла теперь говорить, что своенравная Диана, всегда державшая себя как ей заблагорассудится, звонила, чтоб извиниться. Диана забыла главный закон Парижа: никогда не извиняйся; что бы ты ни натворил, делай это с улыбкой.

Джонни по просьбе Клер пригласил Шарля Блассан-Линьера на театральную премьеру, куда собиралась пойти Диана.

Решено было после спектакля вместе поужинать в тесном кругу («только свои»). Помимо возможности позабавиться, наблюдая за «этой парочкой» — Люсилью и Антуаном, Клер была уверена, что Шарль заплатит за ужин. Дело в том, что Джонни в тот момент сидел без гроша, а позволить платить Диане ей казалось неудобным. Пригласить кредитоспособного и щедрого мужчину про запас тоже не удалось. Эта разнородность в наше время вообще становится, чуть ли не реликтом. На действительно роскошное содержание могут рассчитывать только мужчины для мужчин. К тому же пьеса обещала быть интересной — постановка Вижу Дюбуа, а уж он-то смыслит в настоящем театре.

— Как хотите, я по горло сыта вашим авангардом, — заметила она Джонни в такси по дороге в «Ателье». — Когда актеры усаживаются в кресла и битый час разглагольствуют о смысле жизни, я умираю со скуки. По мне уж лучше бульварный балаган, — добавила она решительно. — Джонни, вы меня слышите?

Джонни, который слышал это по крайней мере десятый раз за сезон, кивнул. Клер конечно, очаровательна, но ее энергия утомляет. Ему вдруг захотелось выпрыгнуть из машины, слиться с толпой на бульваре Клиши, похрустеть на ходу жареным картофелем из пакетика, может даже попасть под горячую руку какому-нибудь хулигану. Интриги Клер всегда казались ему примитивными, и всякий раз, когда они удавались, он бывал искренне удивлен.

Приглашенные прогуливались по площади Данкур, здоровались, переговаривались. Все в голос твердили, что это лучший театр Парижа и что площадь выглядит трогательно провинциальной. Люсиль с Шарлем вышли из кафе и присели на скамейку. Она принялась за огромный сандвич. Сперва на нее косились, затем несколько человек последовали ее примеру. Бесшумно подъехавший «ройс» Дианы случайно остановился как раз напротив их скамейки. Антуан вышел первым и подал руку своей спутнице. Тут он увидел Люсиль, с набитым ртом, счастливыми глазами, и рядом с ней растерянного Шарля, вставшего, чтоб поздороваться с Дианой.

— Бог ты мой, вы решили устроить пикник? Восхитительная мысль, — бросила Диана.

Она быстро огляделась и заметила, что и Эдме де Ги, и Дуду Вильсон, и мадам Берт также жуют на соседних скамейках.

— Сейчас девять. Раньше чем через четверть часа не начнут. Антуан, будьте добры, сбегайте в кафе, я тоже проголодалась.

Антуан нерешительно помялся, взглянул на Диану, хотел что-то сказать, махнул рукой (будь что будет), с обреченным видом пересек улицу и толкнул дверь. Через стекло Люсиль увидела, как хозяин кафе сорвался с места ему навстречу, принялся сочувственно жать руку. К нему присоединился официант. Она видела Антуана со спины. Ей показалось, что он отступает, оседает, как под градом ударов. Она поняла: Сара. Тот же театр, то же кафе, где он поджидал ее во время репетиций. С тех пор он ни разу здесь не бывал.

— Ну где он там застрял? Решил, что ли выпить в одиночку? — выказала нетерпение Диана.

Она обернулась и увидела, как Антуан, пятась, отступает к выходу без всяких сандвичей. Подоспела еще и хозяйка с соболезнованиями. Наверно, раньше он с ней не раз болтал и смеялся в ожидании Сары. Во время репетиций в этих маленьких кафе у театров всегда бывает так весело!

— Да что с ним? — воскликнула Диана.

— Сара, — объяснила Люсиль, не в силах поднять глаз. Ей трудно было произнести это имя, но нельзя допустить, чтоб спросили самого Антуана, чтобы его сейчас дергали. Он подошел к ним с пустым, как у слепца, лицом. Диана все поняла и резко обернулась к Люсиль. Та даже отступила. Диане хотелось ударить ее, она себя еле сдерживала: так эта Девюнка тоже знает! Она не имеет права! Антуан принадлежит ей, Диане, его радости и печали — ее радости и печали. Это на ее плече он вспоминает Сару по ночам.

Память о Саре — это ее, Дианы, соперница. Раздался звонок. Она взяла Антуана под руку, он покорно последовал за ней с отсутствующим видом. Он вежливо здоровался с театральными критиками и с друзьями Дианы. Он помог ей сесть. После третьего звонка она нагнулась к нему:

— Милый мой, бедный мой...

Она взяла его за руку, он не сопротивлялся.

Глава 6

В антракте обе группы держались порознь. Люсиль с Антуаном издали обменялись улыбками и впервые друг другу понравились. Глядя, как она, рассеянно оперившись на массивное плечо Шарля, беседует с кем-то, он любовался изгибом ее шеи и складкой у рта, обозначающей, когда она смеялась. Ему захотелось раздвинуть толпу, пробраться к ней и поцеловать. Уже давно ему не случалось так сильно желать еле знакомую женщину. В этот миг она обернулась, заметила его и замерла. Она разгадала смысл его взгляда и смутилась. Только теперь, прочтя в его глазах желание, она заметила, что он очень красив. Впрочем, у нее так всегда бывало. То ли по счастливому совпадению, то ли из-за почти патологического страха потерпеть неудачу, она всю жизнь обращала внимание лишь на тех мужчин, которым сама нравилась. Повернувшись к нему спиной, Люсиль мысленно видела его красиво очерченный рот и золотистые глаза. И недоумевала, как же так вышло, что они не целовались в тот вечер. Почувствовав, что Люсиль от него отстранилась, Шарль взглянул ей в лицо. Он сразу узнал задумчивое, нежное, почти покорное выражение, появлявшееся у нее, когда ей кто-то нравился. Он обернулся и увидел Антуана.

После спектакля они опять собрались вместе. Клер была в восторге от пьесы, от бриллиантов присутствовавшей на премьере индийской принцессы, от теплого парижского вечера. Она блаженствовала. Долго не могли выбрать, в какой ресторан двинуться. Наконец остановились на «Марне», ибо совершенно ясно было, что именно ужин на свежем воздухе, среди зелени — то единственное, чего недостает Клер для полного счастья. Шофер уже отворил перед Дианой дверцу, как Шарль вдруг рванулся к ней:

— Диана, будьте так любезны, возьмите меня к себе. Мы с Люсилью приехали в ее машине без верха, а я простужен и вообще что-то чувствую себя сегодня старым. Пусть с ней едет Антуан.

Диана и бровью не повела. Зато у Клер от удивления отвисла челюсть.

— Ну разумеется, — кивнула Диана. — До скорого, Антуан, и не гоните слишком быстро.

Они вчетвером уехали в «ройс». Люсиль с Антуаном остались на тротуаре, слегка ошарашенные. Ни Шарль, ни Диана далее не обернулись, зато Клер заговорщицки подмигнула оставшейся парочке. Они сделали вид, что заметили ее ухмылки. Люсиль задумалась. Это вполне в характере Шарля — упиваться своим страданием. Но как он отгадал желание, возникшее у нее всего час назад? Неприятно. Правда, она несколько раз ему изменяла, но знала наверняка, что он никогда этих людей не увидит. Ей претила любовная связь за спиной третьего, неизбежные смешки любопытных, вроде Клер. Господи упаси от всего такого!

Антуан положил руку ей на плечо, и она тряхнула головой. В конце концов, жизнь проста, погода прекрасна, и этот мужчина ей нравится. «Поживем — увидим» — невозможно сосчитать, сколько раз ей доводилось утешать себя этой фразой. Она засмеялась.

— Чему вы смеетесь?

— Я смеялась над собой. Пойдемте, я оставила машину там, чуть дальше. Куда же подевались ключи? Вы водите?

Антуан сел за руль. Сперва они ехали молча, наслаждаясь ночной тишиной, не спеша. У площади Звезды он неожиданно спросил:

— Зачем Шарль это сделал?

— Не знаю.

И тут же оба поняли, что этими двумя фразами признали, подтвердили то, что промелькнуло во взгляде, украдкой брошенном в антракте. Теперь их что-то связывало и этого уже не изменить. Она могла бы ответить: «Что вы имеете в виду?» Поступок Шарля можно было представить вполне естественным для человека, замученного насморком. Но уже поздно. Произнеси теперь Антуан какую-нибудь вульгарность или выскази двусмысленность на сей счет, она б от него живо отделилась. Но Антуан промолчал. Они ехали через Булонский лес, вдоль Сены. И верно со стороны походили на влюбленную парочку из золотой молодежи. Она — дочь «Прядильных фабрик Дюпона», он — сын «Сахара Дюбуа», через неделю они поженятся с благословения обеих семей. Свадьбу устроят в «Шайо». У них родится двое детей.

— Вот еще один мост, — повернулся к ней Антуан, — по которому мы тогда гуляли вместе.

Они впервые заговорили о том вечере. Люсиль вспомнила, как они стояли, обнявшись, в маленьком кафе, и покраснела:

— Да, действительно...

Она сделала неопределенный жест рукой, он поймал ее на лету, нежно сжал. Они въехали в парк. «Он взял меня за руку, чтобы провести через лес, как в кино. Это просто весна. Не стоит волноваться, мне ж не шестнадцать лет», — думала Люсиль. Но сердце в груди колотилось все сильнее, ей показалось, что кровь отхлынула от лица, от рук и кинулась к горлу, душит, мешает дышать. Когда Антуан остановил машину, в голове не осталось ни единой связной мысли, Он охватил ее лицо руками, жадно приник к нему ртом. Она заметила, что и его трясет дрожь. На секунду он отстранился, они погрузились взглядами в глаза друг друга. Он снова притянул ее к себе. Теперь он целовал ее медленно, как-то серьезно, покрывая поцелуями виски, щеки и снова губы. Глядя на склоненное к ней лицо, спокойное и внушительное, она поняла, что ей суждено еще не раз увидеть его таким, и что она бессильна изменить что-либо. Она давно забыла, что можно так сильно желать. Все точно плыло во сне. Когда она последний раз такое переживала — два, три года назад? Она не могла припомнить лица...

— Что со мной, — взволнованно прошептал Антуан, — что со мной?

Люсиль улыбнулась, он ощутил движение ее щеки и тоже улыбнулся.

— Надо ехать, — тихо сказала Люсиль.

— Нет, еще нет, — покачал головой Антуан, но через миг разжал руку. И оба испытали мучительную боль, вновь оказавшись поодиночке.

Теперь они мчались на предельной скорости. По дороге Люсиль успела подмалевать глаза и губы. «Ройс» уже стоял у ресторана. Только тут им пришлось в голову, что в парке их могли заметить — словно ночных птиц, попавших в свет фар. Прежде об этом не подумалось. «Ройс» высился посреди маленькой площади как символ могущества и роскоши, как напоминание об их подчиненном положении. Возле него маленький спортивный автомобиль казался хрупким и смешным.

Люсиль смывала с лица косметику. Она страшно устала. Изучая в зеркале зарождающиеся у глаз морщинки, она раздумывала, откуда они берутся. Ведь живет она легко, без особых страстей, без забот. В чем же дело? Неужто спасения от них нет даже в легкомыслии и беспечности? На секунду ее охватил ужас. Она провела ладонью по лбу, словно пытаясь стереть эти глупые мысли. Последнее время на нее все чаще накатывало отвращение к себе. Надо показаться врачу, смерить давление. Доктор пропишет витамины, и снова можно будет спокойно прожигать (или просыпать) свою жизнь. Как бы со стороны она услышала собственный сердитый голос:

— Шарль... Зачем вы оставили меня с Антуаном?

Ей хотелось скандала, драмы, чего угодно, лишь бы взорвать это спокойное отвращение к себе, отделаться от него. Бедный Шарль, ему, как всегда, отдуваться. Ее пристрастие к крайностям вовсе не означает, что кто-то другой должен страдать. Но слово не воробей, оно уже вылетело. Слово копье, оно просвистело через комнату и воткнулось в Шарля, не спеша раздевавшегося в своей спальне. Он чувствовал себя таким измотанным, что на мгновение ему захотелось уклониться от разговора, сказать что-нибудь вроде: «Но я же простужен». Он знал, Люсиль бы не стала упорствовать: выпучивание истины, «русские штучки», было не в ее духе. Но ему самому захотелось ясности, в нем проснулся вкус к страданию. Двадцать лет он попросту игнорировал приключения своих любовниц. Однако, познакомившись с Люсилью, навсегда утратил блаженное чувство безопасности.

— Мне показалось, он вам понравился, — отозвался Шарль, не поворачивая головы от зеркала. И сам удивился, что не поbledнел.

— Вы что же, решили бросать меня на каждого мужчину, который мне приглянется?

— Не сердитесь, Люсиль. Ради Бога! Это весьма дурной признак.

Но она уже подскочила к нему и обвила его руками, бормоча бессвязные извинения. В зеркале он видел темные волосы Люсилы, одна прядь легла на его руку. Сердце сжалось от боли. «Никогда она не будет до конца моей. Она уйдет от меня». В эту минуту ничто на свете не казалось ему реальным, кроме этой пряди волос, кроме этой женщины. Неизбежность потери придавала его любви привкус горечи, воспаляла ее,

— Я не хотела так говорить, — прошептала Люсиль, — но мне не нравится, когда меня...

— Вам могло бы не понравиться, закрывая я глаза... Но это не так, поверьте. Просто мне захотелось проверить одну вещь, вот и все.

— И что же вы проверяли?

— Выражение вашего лица. Когда вы входили в ресторан... То, как вы смотрели на него, верней, избегали смотреть. Я знаю вас. Он вам нравится.

Люсиль отстранилась.

— Ну и что? Разве нельзя, чтоб, когда понравится один человек, не страдал другой? Неужели мне никогда не будет покоя? Почему так устроена жизнь? И это, по-вашему, свобода?

Она заикалась, запинаясь. Ей казалось, что ее не понимают, что ее никогда не смогут понять.

— Мы оба свободны, — с улыбкой возразил Шарль. — Просто я люблю вас. А вам нравится Антуан. Выйдет ли из этого что-нибудь, зависит только от вас. Буду ли я знать — тоже. И тут я ничего не могу поделать.

Не снимая халата, он лег. Люсиль стояла рядом. Он снова приподнялся и сел на край кровати.

— Это правда, — мечтательно произнесла она, — он мне нравится.

Они взглянули друг другу в глаза.

— Если б это случилось, вам было бы больно?

— Да. Зачем вы спросили?

— Ответь вы иначе, я бы от вас ушла, — объяснила Люсиль и, свернувшись калачиком, прикорнула на его постели. Через

две минуты она уже спала, и Шарль Блассан-Линьер не без труда поделил одеяло поровну.

Глава 7

На другое утро Антуан узнал у Джонни номер ее телефона и позвонил. В четыре часа они встретились в его квартирке на улице Пуатье. Жилище его представляло собой нечто среднее между логовом студента и кабинетом солидного человека. Но Люсиль лишь потом осмотрелась в ней. Сперва она не видела вокруг ничего кроме Антуана. Он сразу стал целовать ее, даже не поздоровавшись, словно они расстались в парке Сен-Клу минуту назад. Случилось то, что неизбежно бывает между мужчиной и женщиной, когда пламя жжет их обоих. Очень скоро из их памяти улетучились всякие воспоминания о мгновениях наслаждения, испытанных прежде, с кем-то иным; они уже не могли различить, где кончается собственное тело и начинается тело другого. Слова «стыд» и «бесстыдство» потеряли всякий смысл. Зато сама мысль, что через час или два придется расстаться, казалась верхом непристойности. Они уже знали: никакое движение одного отныне не покажется другому неуместным. Вспомнив язык юности, они шептали простые, неуклюжие, детские слова, слова плотской любви. Гордость за себя и за любовника, благодарность за это острое счастье снова и снова бросали их в объятия друг другу. И еще они знали, что подобное случается лишь раз в жизни и что не может быть ничего выше мига, когда ты нашел вторую половину себя, в то, что могло оказаться минутным увлечением, вмешалась телесная страсть, непредсказуемая и неумолимая, и теперь она превратит их встречу в историю любви.

Смеркалось, но они избегали смотреть на часы. Они курили, откинувшись на подушки. Их тела хранили запахи любви, любовной схватки, пота, и они вдыхали их, как два бойца, изнемогших в рукопашной, как два победителя. Простыни съехали на пол, рука Антуана отдыхала на бедре Люсиль.

— Теперь я всякий раз буду краснеть при встрече с тобой, — сказала Люсиль, — теперь мне всегда будет больно, когда ты уходишь, на людях я не смогу говорить с тобой, не опуская глаз.

Она приподнялась на локте, мельком оглядела комнату, скользнула взглядом по узкому окну, Антуан положил руку ей на плечо. У нее была очень прямая и очень гладкая спина. Между ней и Дианой десять лет разницы, десять лет и вся жизнь. Люсиль повернулась к нему, он крепко ее прижал, потом ослабил объятия и погладил по щеке. Глядя друг другу в глаза, они молча, лишь взглядом, обещали: что бы ни случилось, они проведут вместе еще тысячи таких часов.

Глава 8

— Не будьте таким мрачным, дружище, — сказал Джонни. — Мы ж на коктейле, а не на фильме ужасов.

Он протянул Антуану стакан. Тот машинально улыбнулся, не отрывая взгляда от двери. Он приехал сюда час назад. Он ждал Люсиль. Скоро девять, а ее все нет. Что могло случиться? Она обещала прийти. Он вспоминал, как уже на пороге она прошептала: «Завтра, завтра». И исчезла. А что, если все вчерашнее лишь ее минутная прихоть? В конце концов, теперь Люсиль содержит богатый покровитель, а молодых самцов вроде него сколько угодно на каждом углу. Уж не приснилось ли все это: сумерки, красный ночник, Люсиль в его постели? Что, если для нее их свидание было случайным эпизодом среди многих других? А он — просто самоуверенный глупец. К нему подошла Диана в обществе хозяина дома, американца, «обожавшего литературу».

— Уильям, вы знакомы с Антуаном, — произнесла Диана утвердительно — точно не зная, кто нынче ее любовник, было бы по крайней мере неприлично.

— Конечно, — подтвердил Уильям, окидывая Антуана оценивающим взглядом.

«Он бы еще приподнял мне губу, чтоб заглянуть в зубы», — с яростью подумал Антуан.

— Уильям рассказывает потрясающе интересные вещи про Скотта Фицджеральда, — продолжала Диана. — Тот дружил с его отцом. Антуан обожает Фицджеральда. Расскажите ему все, что вы мне говорили про...

Антуан не дослушал окончания фразы: вошла Люсиль. Ее ищущий взгляд побежал по гостиной, и Антуан понял, что имел в виду Джонни. На лице ее был написан ужас. Наверное, и он так выглядел еще пару минут назад. И тут она его заметила, остановилась, затем машинально шагнула к нему. У Антуана закружилась голова: «Сейчас я к ней подойду, прижму, поцелую в губы, а на остальное наплевать». Люсиль угадала его мысль по решительному выражению лица и едва не поддалась искушению. Ночь и день без него показались ей бесконечными. Шарля задержали дела, и она едва не умерла от страха, что придет слишком поздно. Они замерли, глядя друг на друга, как зачарованные. Потом Люсиль резко отвернулась — то был жест ожесточенного бессилия. Она не могла отважиться. Ей бы хотелось приписать свою нерешительность жалости к Шарлю, но в глубине души она знала, что просто боится.

К ней подошел Джонни. Он смотрел на нее с участливой улыбкой. Она улыбнулась в ответ, он взял ее под руку и повел к буфету.

— Вы меня напугали, — сказал он.

— Чем?

Она посмотрела ему прямо в глаза. Неужели уже начинается этот балаган: сообщники, друзья, посвященные, ухмылки за спиной. Только не это!

Джонни пожал плечами.

— Я хорошо к вам отношусь, — тихо произнес он. — Хотя вам это и все равно, я очень хорошо к вам отношусь.

Что-то в его голосе ее тронуло. Должно быть, он ужасно одинок.

— Почему вы решили, что мне это все равно?

— Ведь вы интересуетесь только теми, кто вам нравится. Остальные вам только мешают. Разве не так? Но в нашем маленьком кружке оно даже к лучшему. Сможете сохранить себя чуть дольше.

Она слушала его и не слышала. Антуан затерялся в толпе, в этом лесу. Где же он? «Где ты, мой дурачок, мой любимый, мой Антуан? Где ты, мой долговязый? На что тебе твои золотистые глаза, если ты меня не видишь? Я же тут, совсем близко, милый мой, мой дуралей». На нее волной накатила нежность. Как там сказал Джонни? Это правда, она замечает лишь тех, кто ей нравится, а нравится ей Антуан. Ей так редко случалось точно знать, чего она хочет от жизни.

Джонни смотрел на нее с завистью и грустью. Он и вправду относился к Люсиль с симпатией, ему нравилось, как она молчит, скучает, смеется. Теперь ему открылось ее новое лицо — помолодевшее, юное, почти свирепое; лицо, преображенное страстью. Он вспомнил, как когда-то, много лет назад, у него тоже был человек, значивший для него больше всего на свете. Его звали Роже. Когда Роже входил в гостиную, Джонни казалось, что он не то умирает, не то едва начинает жить. С любовью вечно так: никогда не знаешь, явь это или сон. А Антуан-то не терял времени даром! Он ведь только вчера попросил у него телефон Люсиль. Спокойно, как нечто само собой разумеющееся, — разговор мужчины с женщиной. Как ни странно, в их отношениях была своеобразная мужская солидарность. Поэтому Джонни и в голову не пришло рассказать про этот звонок Клер, хотя обычно он делился с ней всем, что могло ее заинтриговать. Были еще вещи, которых Джонни не делал, хотя видит Бог, жизнь трудная штука.

Порыва Антуана, к счастью, Диана не заметила. Как раз, когда Люсиль входила в гостиную, подол ее платья зацепился за круглый столик. Уильям недоумевал, отчего при упоминании о Фицджеральде этот молчаливый француз вдруг как-то дернулся. Но Антуан быстро совладал с собой, теперь он помогал Диане отцепить платье.

— У тебя руки дрожат, — сказала Диана громким шепотом.

Обычно на людях она обращалась к нему на «вы» — хотя бы для того, чтоб другой раз, как бы ненароком, сказать «ты». Последнее время такие «оговорки» случались все чаще, и это раздражало Антуана. Уже два дня его раздражало все: как она

спит, как говорит, как двигается. Ему претила ее элегантность. Он ставил ей в вину уже то, что она живет на свете. И что без нее ему не попасть туда, где бывает Люсиль. Еще он злился на себя самого, что вот уже два дня не может заставить себя притронуться к ней. Скоро она встревожится. Никогда раньше он не манкировал мужскими обязанностями.

Чувственность в сочетании с безразличием помогали ему всегда быть на высоте. Ему и в голову не приходило, что, избегая постели, он вселяет в Диану определенные надежды. А то порой молчаливая бесстрастность этого опытного, исправного любовника ее почти пугала — в ней было что-то механическое. Любовь же цепляется за любую соломинку, толкует в свою пользу даже то, что, казалось бы, против нее.

Антуан высматривал Люсиль. Он знал, что она где-то рядом, и, как и час назад, следил за дверью. Тогда он ждал ее — теперь боялся, что уйдет. Он вздрогнул, услышав за спиной голос Блассан-Линьера. Антуан обернулся, улыбаясь пожал руки Люсиль и Шарлю. Перед ним снова сияли ее счастливые глаза. Чтобы скрыть волнение, он закашлялся.

Блассан-Линьер обратился к Диане:

— Уильям приобрел ту картину Болдини, что я вам говорил. Уильям, вы должны нам ее показать.

На секунду взгляды Шарля и Антуана встретились. Затем Шарль удалился в сопровождении Дианы и Уильяма. Глаза у него были ясные, внимательные, абсолютно честные. Что это значит? Он просто несчастен или что-то почуял? Антуан еще не задавался этим вопросом. Пока его беспокоила только Диана, да и то не слишком. После гибели Сары он редко беспокоился о других. Теперь, оставшись с Люсилью, он спрашивал ее глазами, без слов: «Кто ты? Чего хочешь от меня? Что ты здесь делаешь? Зачем я тебе нужен?»

— Я уж боялась, мы никогда сюда не доберемся, — сказала Люсиль.

«Я ничего о нем не знаю, — подумала она. — Лишь то, как он занимается любовью. Почему наше чувство так неистово? Виноваты не мы, а те, что вокруг. Будь мы свободны, не на виду у всех, мы были бы спокойнее, кровь не кипела бы так». Ей вдруг захотелось уйти от него к тем, кто пошел смотреть картину. Что за судьба их ждет? Сколько лжи и суеты замусорит их путь? Она взяла предложенную Антуаном сигарету, он поднес ей спичку. Прикуривая, она дотронулась до его руки. Случайное прикосновение заставило ее дважды опустить веки, словно что-то самой себе подтверждая.

— Вы придете завтра? — поспешно спросил Антуан. — В то же время?

Ему казалось, что, пока он не будет точно знать, когда сможет снова сжать ее в объятиях, ему не будет ни минуты покоя. Она кивнула. И сразу наступило такое успокоение, что он усомнился, правда ли ему так нужно это свидание. Он много читал и знал из книг, что тревога еще сильнее ревности подстегивает страсть. А еще знал, что стоит ему здесь, посреди гостиной, обняв Люсиль, и разразится скандал, случится непоправимое. И эта уверенность заменяла само действие, доставляя незнакомое прежде жгучее удовольствие: радость сокрытия тайны.

— Как дела, детки? Где наши друзья?

Звонкий голос Клер Сантре заставил их вздрогнуть. Она обняла Люсиль за плечи и рассматривала Антуана, как если бы долго пыталась поставить себя на ее место и, наконец, это удалось. «Вот образчик женской солидарности», — подумала Люсиль, удивляясь, что это ее не раздражает. Антуану было очень к лицу его смущенно-решительное выражение. Вероятно, он слишком рассеян, чтоб долго лгать. Этот мужчина создан читать книги, гулять по Парижу, заниматься любовью, молчать; для чего угодно, только не для светской жизни. Он приспособлен к этому еще меньше, чем она. Ее безразличие и беззаботность все-таки довольно надежная броня.

— Уильям недавно купил Болдини, — он постарался изобразить светский тон, — Диана и Шарль пошли смотреть картину, Антуан впервые назвал Блассан-Линьера по имени и подумал: «Зачем обязательно фамильярничать с человеком, которого обманываешь?» Клер встрепенулась:

— Он купил Болдини? Где же он его раскопал? Я ничего не знала, — добавила она оскорблено, как и всякий раз, когда обнаруживалась брешь в ее системе информации. — Как пить дать, беднягу при этом обобрали. Только американец способен купить картину, не посоветовавшись с Сантосом.

Мысль о глупости и неосмотрительности бедняги Уильяма отчасти ее утешила, и она опять взялась за Люсиль. Не пора ли этой девочке поплатиться за скрытность и дерзость, за пренебрежение правилами игры? Не отрывая глаз от Антуана, Люсиль улыбалась спокойно и умиротворенно. Женщина может улыбаться так лишь мужчине, с которым побывала в постели. «Когда же они успели? — лихорадочно принялась вычислять Клер. — Три дня назад, на ужине, между ними еще ничего не было. Трахались наверняка днем. Теперь в Париже никто не занимается любовью по ночам — к вечеру все так устают. К тому же каждому из них и без того есть с кем спать. Может, сегодня?» Она вглядывалась в их лица, пытаясь отыскать на них следы любовных утех. Любопытство подстегивало ее азарт. Люсиль прочла это по ее физиономии и не удержалась — прыснула. Охотничья стойка Клер сменилась кротким выражением: «Я все понимаю, все принимаю». Но усилия ее, как ни печально, пропали втуне, похвальных стараний просто не заметили. Им было не до нее.

Глядя на Люсиль, Антуан смеялся вместе с нею. Он знал, после она объяснит свой неожиданный смех, — завтра, в его постели, в тот счастливый час, что следует за любовью. Он не спросил: «Чему вы смеетесь?» — и этим выдал себя. Так обнажаются многие тайные связи: незаданный вопрос, оставленная без внимания фраза, безобидные слова, служившие паролем для двоих, но сделавшиеся слишком приметными. И первый же свидетель их разговора, Клер, по этому смеху, по их счастливым лицам догадалась обо всем. Им же было все равно, они слишком радовались передышке, подаренной Болдини, — несколькими минутами, когда можно смотреть друг на друга и смеяться, не причиняя страданий двум другим. Присутствие Клер и остальных удваивало радость свидания, хотя они не признались бы в этом даже самим себе. Они были как два подростка в обществе взрослых, как люди, которым что-то запрещают, а они все равно делают и еще не наказаны.

Диана шла к ним, пробираясь через толпу. Ей поминутно приходилось останавливаться, отвечая на приветствия и комплименты своих галантных приятелей. Она прокляла все на свете. Когда ей целовали руку, она готова была ее отдернуть. И чуть не сквозь зубы отвечала на вопросы. Диана страдала. Она пробиралась через «Как дела, Диана?», «Вы прекрасно выглядите, Диана», как через дремучий лес, цепляющий ветками, мешающий идти. Она стремилась скорей вернуться на то проклятое место, где оставила любовника с нравящейся ему женщиной. В эти минуты она ненавидела Шарля, Болдини, Уильяма. Последнего — за бесконечный и путанный рассказ о том, как он покупал картину. Развез целую эпопею: ну, разумеется, он купил ее за гроши, продавец ни черта не смыслит в живописи. Диану всегда бесила страсть богатых выгадать на покупке, выцарапать скидку у знаменитых портных или у Картье. Слава Богу, она не из их числа. Ее смешили светские дамы, обхаживающие своих поставщиков ради скидки, без которой вполне могли обойтись. Надо будет рассказать об этом Антуану, это его рассмешит. Светская жизнь всегда забавляла его. По любому поводу он вспоминал Пруста. Диану это немного коробило — у нее было мало времени для чтения. А вот Люсиль наверняка читала Пруста, у нее на роже написано. Да уж, Шарль не перетруждает ее, можно и с книжкой поваляться. Диана спохватилась: «Господи, что я несу! Разве невозможно стареть, не впадая в вульгарность?» Диана страдала. Диана улыбалась. Диана даже подмигнула в ответ на подмигивание одного из гостей. Готовая всех смести на пути, Диана продолжала бесконечный бег с препятствиями. Скорей, скорей к Антуану. Она услышала, как он смеется своим низким голосом, и ей стало невыносимо больно. Диана сделала еще шаг и даже зажмурилась от облегчения: он смеялся с Клер, а Люсиль стояла к ним спиной.

Глава 9

— По-моему, прием получился какой-то сумбурный, — заметил Шарль. — Пить стали слишком много, что ли,

Автомобиль медленно катил по набережным. Моросил дождь. Люсиль по своей привычке высунула голову в окно, подставив щеки и лоб прохладным каплям. Она вдыхала запахи Парижа, апрельской ночи. Она вспоминала несчастное лицо Антуана, когда

они вежливо прощались полчаса назад, от этого воспоминания сладко щемило сердце.

— Людям становится все страшнее жить, — бодро заявила она. — Они всего боятся: боятся старости, боятся потерять то, что имеют, и не получить, чего хочется, боятся скуки и боятся казаться скучными. И психуют. Все из-за своей жадности как с ума посходили.

— Вас это забавляет?

— Порой забавляет, а порой злит. А вас?

— Я мало в этом смысле. Вы же знаете, я сроду не интересовался психологией. Просто замечаю, что все чаще незнакомые люди бросаются мне на шею, вижу все больше пьяных.

Не мог же он ей сказать: «Я интересуюсь только вами. Думая о вас, я целые часы провожу в дебрях психологии. Я тоже свихнулся. Я тоже, именно вот так, боюсь потерять, что имею, я тоже психую, я тоже алчу».

Люсиль подняла стекло и взглянула на Шарля. Внезапно ее залила щемящая нежность к нему. Ей захотелось разделить с ним то жгучее счастье, что пронзало ее при мысли о завтрашнем дне. «Сейчас одиннадцать вечера, через семнадцать часов я буду у Антуана. Если утром подольше поспать, ждать останется совсем немного». Она положила ладонь на руку Шарля. У него были красивые руки, породистые, ухоженные. На них уже появилось несколько коричневых старческих пятнышек.

— Как вам понравился Болдини?

«Она думает доставить мне этим удовольствие, — с горечью отметил Шарль. — Знает, что я люблю живопись. Но ей и в голову не приходит, что мне уже пятьдесят, и я несчастен как никто на свете».

— Довольно хорош. Работа его лучшего периода. Уильям купил ее за бесценок.

— Уильям вечно все покупает за бесценок, — усмехнулась Люсиль.

— То же самое сказала Диана, — заметил Шарль. Повисло молчание. «Ну что я замолкаю всякий раз, как речь заходит о Диане или об Антуане, это просто глупо, — подумала Люсиль. — Если б я могла сказать ему правду: да, Антуан мне нравится, мне хочется смеяться с ним, целовать его. Но ведь невозможно сказать такое мужчине, который тебя любит. Ему было бы легче узнать, что я с Антуаном сплю, чем видеть, как мы вместе хохочем. Для ревности всего страшней смех».

— Диана стала какая-то странная, — выдавила она. — Мы болтали с Клер и Антуаном, она вошла в гостиную, и у нее был такой взвинченный, такой потерянный вид, что мне стало за нее страшно.

Она натянута улыбнулась. Шарль повернулся к ней:

— Страшно? Вы хотели сказать — жалко?

— Да, — спокойно ответила она, — и жалко тоже. Для женщины приближение старости — тяжелая вещь.

— Для мужчины тоже, — вырвалось у Шарля, — я вас уверяю!

Они принужденно засмеялись, и от этого смеха обоим стало не по себе, «Пусть так, — закрыла глаза Люсиль. — Будем избегать опасных тем, будем шутить, сделаем все, как он хочет. Но завтра в четыре, что б ни случилось, я снова буду с Антуаном».

Люсиль всю жизнь ненавидела жестокость, но сейчас ничего не могла с собой поделать.

Ничто на свете, ни мольбы, ни слезы, не в силах остановить — ее. Завтра она вновь обретет Антуана, его тепло, его дыхание, его голос. Обычно планы ее зависели от погоды, от настроения. Сейчас она сама на себя дивилась. Она и не подозревала, что способна так страстно желать. Она любила всего раз, в двадцать лет, и любила несчастливо. С тех пор в душе ее засело настороженное отношение к любви. Почти так же она относилась к религии: растраченные впустую эмоции. И вот на ее жизнь обрушилась любовь во всем цвету, переполненная счастьем. Казалось, человеческое тело просто не в силах вместить столь огромное, бескрайнее, победительное чувство. Обычно она не замечала ход времени, дни незаметно пролетали мимо, и она смотрела им вслед без тени сожаления. Теперь она боялась: хватит ли всей ее жизни на любовь к Антуану.

— Люсиль, у меня дела в Нью-Йорке. Составите компанию?

Шарль произнес это очень спокойно, как если бы ее согласие подразумевалось. Вообще-то Люсиль любила путешествовать, и Шарль это знал. Она отозвалась не сразу:

— Почему бы и нет? А надолго? — «Невозможно, — лихорадочно стучало в висках, — невозможно. Я не выживу и десяти дней без Антуана. Шарль слишком поздно взялся ставить мне условия или слишком рано. И как ни крути, это чересчур жестоко. Я не променяю комнаты Антуана на все города мира, не надо мне других путешествий, других открытий, кроме тех, что мы совершим вдвоем в темноте его комнаты». Воспоминание взволновало ее, она снова отвернулась к окну.

— Дней десять — пятнадцать, — ответил Шарль. — Весной Нью-Йорк просто очарователен. Вы его видели только зимой. Помните, у вас от холода даже носик посинел. Вид был как у взъерошенного воробья, а в глазах упрек, точно это я нарочно устроил морозы.

Он засмеялся, в голосе слышались нотки нежности и ностальгии по тем счастливым временам. Люсиль вспомнила, что прошлой зимой в Нью-Йорке и правда была страшная холодыга, но никаких нежных воспоминаний у нее при этом не всплыло. Только мелькали какие-то бесконечные переезды на такси из отеля в ресторан и обратно. Всякие романтические, душещипательные воспоминания обычно приходились на долю Шарля. Вдруг ей стало стыдно: даже по части чувств она живет за его счет! Это смущало больше всего. Она не хотела, чтобы Шарль из-за нее страдал, не хотела лгать, не хотела говорить правду. Ей хотелось, чтоб он обо всем догадался сам, и ничего не надо было объяснять. Люсиль была чудовищно малодушна.

Они встречались два, иногда три раза в неделю. Антуан пускался на всякие ухищрения, чтобы сбежать с работы. Люсиль было проще: Шарль не имел привычки выпрашивать, как она проводит дни. Едва переступив порог его комнатухи, они, дрожа, погружались в темноту. У них почти не оставалось времени на разговоры. Тела их познавали друг друга с такой жадностью, что все вокруг словно исчезало. Расставшись, они тщетно пытались воссоздать в памяти подробности свидания, припомнить хоть слово, хоть один жест. Они покидали друг друга, как лунатики, почти рассеянно, но часа через два уже не в состоянии были думать ни о чем другом, кроме новой встречи — единственной истины, единственной реальности в мире. Все остальное — пустыня. Ради грядущего свидания она научилась следить за временем, только из-за него они замечали других людей — ведь те были препятствием на их пути. Собираясь к Антуану, Люсиль раз по шесть проверяла, не забыла ли ключи от машины, раз десять прокручивала в уме маршрут, раз сто смотрела на часы — это она-то, всегда относившаяся ко времени столь пренебрежительно. Антуан с утра твердил секретарше, что у него в четыре деловая встреча. Он выходил с работы без четверти четыре, хотя жил в пяти минутах ходьбы от издательства. Оба добирались до места едва живые от переживаний. Она — потому что по пути угодила в пробку. Он — из-за того, что еле отделился от назойливого автора. Со вздохом облегчения они бросались друг другу в объятия, как если бы избежали смертельной опасности. Все, чем они рисковали, — пятиминутное опоздание.

В миг наслаждения у них вырывалось: «Я люблю тебя», но только в эти миги. Иногда, в наступившей передышке, Антуан склонялся над Люсилью и, глядя по щеке, нежно шептал: «Ты мне нравишься». Она улыбалась, и он признавался ей, как бесит его эта улыбка, если она адресована другому. «Когда ты улыбаешься, у тебя такой беззащитный вид. Мне становится страшно», — объяснял он. «Обычно я просто думаю о чем-то своем, а улыбаюсь из вежливости. И вид у меня никакой не беззащитный, а отсутствующий». — «Кто тебя знает, о чем ты думаешь, — возражал он. — Иногда, кажется, будто ты что-то замышляешь или скрываешь, словно у тебя какой-то секрет». — «У меня действительно есть один секрет, Антуан...» Положив голову ему на плечо, она шептала: «Не надо много думать, нам так хорошо». И он замолкал. Он не решался сказать того, что мучило его, что без конца вертелось в мозгу бессонными ночами рядом с Дианой, притворившейся спящей. «Так больше не может продолжаться. Почему мы не вместе?» Беспечность Люсиль, ее умение отгораживаться от любых проблем порой его обескураживали. Она не желала говорить с ним о Шарле, не хотела строить планов. Неужели ее удерживает с Блассан-Линьером расчет? Но она казалась такой свободной. Она уклонялась от любых разговоров о деньгах. (Видит Бог, никто не говорит так

много о деньгах, как богачи.) Антуан не мог поверить, что она способна хоть на что-то из корысти. Она говорила: «Люблю жить налегке. Ненавижу собственнические инстинкты». Она говорила: «Я по тебе соскучилась». У Антуана в голове не укладывалось, как все это может сочетаться. В глубине души он надеялся, что все решится само собой. Например, их застукнут вместе и случай совершит мужской поступок за него. Он презирал себя за это — при всей своей беспечности и чувственности Антуан не был чужд морали.

Такого, как с Люсилью, он никогда прежде не испытывал, но увлечений пережил много. Запоздалое раскаяние окрасило его связь с Сарой в трагические тона. Он вообще легко становился жертвой самокопаний, был одинаково готов и к счастью, и к несчастью. Люсиль оставалась для него загадкой. Он не мог понять, что, в отличие от него, она любила лишь раз, десять лет назад, успела забыть это чувство, и их любовь кажется ей чудесным, неожиданным, хрупким подарком, что она не хочет загадывать о будущем из чувства, близкого к суеверию. Она любила ждать его, скучать по нему. Прятаться ей нравилось меньше, чем понравилось бы жить с ним открыто. Каждая минута счастья казалась самодостаточной. В последнее время ее стали умилять наивные песенки о любви, но, слушая их, она никогда не примеривала к себе звучавших там слов о «единственной» и «вечной» страсти. За главное жизненное правило она взяла никогда себя не обманывать. Ей даже казалось, что из-за этого она нередко впадает в цинизм. Будто способность трезво судить о своих чувствах непременно приводит к цинизму, а все эти любители романтики не передерживают и так уж держатся своих возвышенных правил в реальной жизни. Она любила Антуана, но была привязана к Шарлю. Антуан сделал ее счастливой, но ей не хотелось сделать несчастным Шарля. Она много думала о них двоих, а о себе слишком мало, чтобы почувствовать к себе презрение за неспособность сделать выбор. Она смутно понимала, что поступает жестоко, но счастье все равно переполняло ее.

Что она не утратила способности страдать, Люсиль обнаружила совершенно случайно.

Они с Антуаном не виделись уже три дня — перипетии светской жизни разнесли их по разным гостиницам. На четыре у них было назначено свидание. Люсиль пришла вовремя и удивилась, что Антуан не открыл ей дверь. Впервые она воспользовалась ключом, который он ей дал. Комната пуста, ставни открыты. На миг ей почудилось, что она не туда попала — Антуан всегда закрывал ставни и зажигал маленький ночник, освещавший только кровать и кусочек потолка. Она с любопытством прошла по комнате, такой знакомой и такой чужой, пробежала глазами по корешкам книг, подобрала с пола галстук, принялась рассматривать очаровательную и насмешливую картину начала века, которой прежде не замечала. У нее было чувство, будто она вторглась в квартиру чужого мужчины, неведомого молодого холостяка, живущего на скромную зарплату. Кто он, откуда, кто его родители? Был ли он счастлив в детстве? Она присела на кровать, вскочила, подошла к окну. Она казалась себе нескромной. Впервые она подумала об Антуане как о другом человеке. Она знала его руки, губы, глаза, его тело. Но этого ведь мало. Уже четверть пятого, они не виделись три дня. Его все не было, телефон молчал. Люсиль прошла по мрачной комнате, взялась за книгу, но сразу отложила. Если не может прийти, хоть бы позвонил! Она сняла трубку в надежде, что аппарат сломан, но услышала гудок. А может, он просто не захотел? При этой мысли она застыла в неестественной позе, как смертельно раненные солдаты на старинных гравюрах. В памяти вихрем пролетали обрывки их встреч: то, что выглядело упреком, могло оказаться скупой. А мягкость, объяснима желанием скрыть горькую правду: он не любит ее. Она вспоминала, как и что он ей говорил, выискивая в словах признаки безразличия. «Что ж, он меня не любит», — произнесла она вслух. Люсиль сказала это спокойным голосом, но фраза тут же обрушилась на нее, как удар хлыста, ею самую занесенного. «Как же я буду жить, если Антуан не любит меня?» Жизнь вдруг показалась ей пустой, унылой и безрадостной, вроде покрытой пеплом каменной равнины в Перу на любимой фотографии Антуана.

Люсиль стояла посреди комнаты, ее била дрожь. Это было так мучительно, что она принялась сама себя утешать.

— Спокойнее, — сказала она вслух, — спокойнее.

Она обращалась к своим душе и телу, точно к паре испуганных лошадей. Ничего не получалось. Она обхватила плечи руками и, уткнувшись лицом в подушку, простонала: «Антуан, Антуан». Она удивлялась самой себе, она и не знала, что способна испытывать такую боль. Она уговаривала себя: «Не сходи с ума», но другой голос все громче кричал: «Дура, как ты будешь жить без золотистых глаз Антуана, без его голоса?» В церкви по соседству прозвонили пять часов.

Ей чудилось, что это в ней самой бьет жестокий и безумный колокол. В эту секунду в дверь влетел Антуан и бросился на кровать. Люсиль все-таки дождалась его! Он чувствовал себя несказанно счастливым, целовал ей лицо, волосы и на чем свет стоит клял своего шефа, от которого не мог избавиться битый час. Прижавшись к нему, она шептала его имя. Она никак не могла поверить своему счастью. Выпрямившись, она села на край кровати спиной к нему.

— Знаешь, Антуан, — сказала она, — я, кажется, люблю тебя по-настоящему.

— Я тоже, так что это весьма кстати.

Минуту они задумчиво молчали. Потом Люсиль снова повернулась к нему и серьезно смотрела, как склоняется над ней лицо мужчины, которого она любит.

Глава 10

Двумя часами позже, выходя из его дома, утомленная любовью и с пустой головой, она подумала, что это был просто нервный срыв. И решила побольше спать, меньше пить, вести здоровый образ жизни. Она слишком привыкла быть сама по себе, чтобы легко смириться с мыслью, что кто-то мог стать для нее столь необходим. Ей казалось, такая зависимость еще хуже одиночества. Она ехала по набережным. Стоял теплый вечер, в воде отражались огни, было такое впечатление, словно светится сама река. Она улыбалась своим мыслям. «Что на меня нашло? В мои-то годы. В моем положении». В конце концов, она ведь женщина на содержании, а значит, циничная женщина. Эта мысль рассмешила ее. Мужчина за рулем соседней машины улыбнулся ей. Она рассеянно ответила на улыбку и снова погрузилась в свои размышления. «Кто я?» Ей было совершенно безразлично, что о ней думают окружающие. Копаться в себе она уже давно отвыкла. Ну и что? Может, это признак отупения?

Раньше, в юности, она много читала. До того, как поняла, что счастлива. Раньше она задавала себе много вопросов. До того, как стала красивой, ухоженной, хорошо одетой домашней зверушкой. До того, как научилась избегать любых осложнений. У нее был своеобразный предлог не задумываться о будущем: короткая линия жизни. Когда-то давно ей нагадали раннюю смерть. Так она и полагала, беспечно примирившись с судьбой. А вдруг случится дожить до старости? Она попробовала представить себя старой, брошенной Шарлем, бедной, добывающей хлеб насущный тяжким трудом. Но напрасно пыталась она запугать себя этими картинами. Что бы с ней ни случилось, Сена у Гран Пале останется все так же сверкать золотом. И это представлялось ей самым главным в жизни. И еще ей казалось, что она может обойтись и без дорогого автомобиля, и без мантии от Лароша. Та же мысль приходила в голову Шарлю, и это его расстраивало. Как всегда после свидания с Антуаном, на нее накатила волна нежности к Шарлю, ей захотелось поделиться с ним своим счастьем.

Она не могла подумать, что как раз в эти минуты Шарль, привыкший, что в дневные часы она почти никогда не выходит из дома, метался по квартире, точно зверь в клетке — как она сама три часа назад, мучаясь: «А вдруг она не придет?». Она никогда об этом не узнает. Когда Люсиль вошла, Шарль с «Мондом» в руках лежал на диване: он слышал, как она подъехала.

— Хорошо прошел день? — спокойно спросил Шарль. Она нежно поцеловала его в щеку. От него пахло ее любимым одеколоном. Надо купить такой же Антуану.

— Хорошо, — ответила она, — только мне стало страшно...

Она спохватилась. Ей хотелось поболтать с Шарлем, все ему рассказать. У нее чуть было не вырвалось: «Мне стало страшно, что Антуан не придет, я испугалась, что люблю его». Но так нельзя говорить. И не с кем поделиться переживаниями этого страшного дня. Она не любила открывать сердце и никогда о том не жалела. Сегодня ей впервые сделалось грустно, что не с кем поговорить по душам.

— ...мне стало страшно, что я оказалась в стороне...

— В стороне от чего?

— От жизни. Такое чувство, словно она проходит мимо. То, что люди называют жизнью. Шарль, скажите, неужели правда необходимо любить, страдать в любви, работать, заботиться о деньгах, — неужели без всего этого жизнь не бывает полной?

— Вовсе нет, — ответил Шарль. — По крайней мере, если вы и без того счастливы.

— Так вы считаете, это возможно?

— Вполне.

Что-то в его голосе, какая-то странная, отрешенная интонация, растрогало Люсиль.

Она под села к нему на диван и стала гладить это красивое усталое лицо, Шарль закрыл глаза, на губах блуждала улыбка. Люсиль показала себе доброй, способной сделать его счастливым. Она гнала мысль, что доброта эта проснулась в ней потому, что Антуан пришел. Что, не приди он, она бы возненавидела Шарля. Когда мы счастливы, все окружающие кажутся нам пусть второстепенными, но соучастниками нашего счастья. Только потеряв его, мы понимаем, что то были лишь случайные его свидетели.

— Что мы делаем нынче вечером? — поинтересовалась она.

— Мы приглашены на ужин к Диане, разве вы забыли?

В его голосе прозвучало недоверие и радость. Она поняла, почему, и покраснела. Ответив «да», она бы сказала правду, но в то же время и обманула бы его. Не могла же она заявить: «Я забыла про ужин, но не про Антуана. Я сейчас от него. И завтра у меня с ним опять свидание».

— Про ужин я помнила, но позабыла, что у Дианы. Какое мне платье надеть?

Она с удивлением обнаружила, что предстоящая встреча с Антуаном ее не радует. Скорее даже раздражает. Сегодня чувства ее достигли такого накала, что ей казалось, чаша переполнена (если так можно сказать о чувствах). Она предпочла бы поужинать с Шарлем вдвоем, И уже открыла рот сказать ему об этом, но передумала: это посеяло бы напрасные надежды. Она не хотела ему лгать.

— Вы собирались что-то сказать?

— Уже забыла.

— Когда вы размышляете на отвлеченные темы, вид у вас еще более безалаберный, чем обычно.

— Обычно я кажусь безалаберной?

— Ужасно. Я бы, например, не отпустил вас одну путешествовать. Через неделю бы я нашел вас где-нибудь на полпути в зале для транзитных пассажиров. Рядом — стопка прочитанных книг, и все местные бармены успели стать вашими приятелями.

Он обсуждал эту перспективу с такой искренней тревогой, что она расхохоталась. Он считал ее абсолютно не приспособленной к жизни. Пожалуй, вот это всего сильнее привязывало ее к Шарлю. Именно это, а вовсе не его недостаток. Он принимал как должное ее безответственность, он поддерживал выбор, бессознательно сделанный ею лет пятнадцать назад: никогда не расставаться с детством. Антуана же это выводит из себя. Созданный ею собственный образ вполне совпадает с тем, какой ее видит Шарль. Он его устраивает. Как знать, не окажется ли это сильнее страсти, если ради нее надо всем этим жертвовать?

— Давайте выпьем виски, я устал, просто с ног валюсь, — предложил Шарль.

— Полина мне не позволяет пить. Попросите двойную порцию, я глотну у вас из стакана.

Шарль улыбнулся и позвонил. «Ну вот, я уже начинаю разыгрывать маленькую девочку. Еще немного, и заведу себе кукол и плюшевых мишек». Она потянулась, прошла к себе и, глядя на свою кровать, подумала: настанет ли день, когда она проснется рядом с Антуаном?

Глава 11

Гостиная Дианы утопала в цветах. Было тепло, так что высокие окна оставались распахнутыми. Но в обоих каминах пылал огонь. Люсиль это сочетание показалось восхитительным. Она то подходила к окну подышать запахами улицы, предвещавшими лето — пыльное, жаркое, томное лето, — то возвращалась к камину с его ароматом горящего дерева. Этот терпкий запах напоминал ей Солонь, куда они с Шарлем прошлой осенью ездили на охоту.

— Дивная мысль — соединить два времени года, — улыбнулась она Диане.

— Да, только весь вечер чувствуешь себя не по погоде одетой.

Люсиль рассмеялась. Она смеялась искренне и заразительно, говорила с Дианой без тени смущения, и Диане стало стыдно за свою ревность. Люсиль изумительно держится, так не бывает, когда у человека совесть нечиста. У нее, положим, и впрямь такой же рассеянный и отстраненный вид, как и у Антуана, но почему бы этому не быть единственным, что у них общего? Да и Блассан-Линьер вполне спокоен. И Антуан весел. Право, ей просто померещилось. Она посмотрела на Люсиль с симпатией, почти с благодарностью.

— Пойдемте со мной, — предложила Диана, — я покажу вам квартиру.

Люсиль с серьезной миной оценила итальянскую керамику в ванной, восхитилась удобствами стеновых шкафов. Диана повела ее в свою комнату.

— Здесь небольшой беспорядок, не обращайте внимания. Антуан опоздал и переодевался у нее. Рубашка и галстук, в которых он бегал днем, валялись на полу. Диана украдкой бросила быстрый взгляд на Люсиль. Но по лицу той проскользнуло лишь вполне естественное смущение воспитанного человека, не более. И все же что-то не давало Диане покоя. Ей было стыдно за себя, но она ничего не могла с собой поделать. Она подобрала с пола одежду, положила на кресло. Люсиль оставалась невозмутимой. Диана заговорщицки улыбнулась:

— Мужчины такие неряхи...

И посмотрела Люсиль прямо в глаза.

— Шарль очень аккуратен, — любезно возразила Люсиль. Ее разбирал смех. "Может, она еще расскажет мне, что

Антуан вечно оставляет открытой зубную пасту?" Она ни капли не ревновала. Галстук взволновал ее не больше, чем случайная встреча с одноклассницей у подножия египетских пирамид. Она подумала, что Диана очень красива, и удивилась, почему Антуан предпочел ее, Люсиль. В этот момент она казалась себе мудрой, беспристрастной, доброжелательной. Как, впрочем, всякий раз, когда случалось выпить лишнего.

— Надо идти к гостям, — вздохнула Диана. — Сама не знаю, зачем устраиваю эти приемы. Роль хозяйки дома — не мое амплуа. Да и гостям, пожалуй, не слишком весело.

— Ну что вы, сегодня у вас просто замечательно, — убежденно возразила Люсиль. — Кстати, Клер дуется, а это хороший признак.

— Вот как? — улыбнулась Диана. — Ни за что бы не подумала, что вы подмечаете такие вещи, У вас обычно вид несколько...

— Безалаберный? — подсказала Люсиль. — Вот и Шарль говорит. Буквально сегодня у нас об этом зашел разговор. В конце концов я и сама поверю.

Они посмеялись. Люсиль подумала, что Диана достойна всяческого уважения. Несомненно, она из редких в этом кругу женщин, способных на благородство. Люсиль никогда не слышала из ее уст ни грубости, ни пошлости. И Шарль хорошо о ней отзывался, а ведь он весьма щепетилен в таких вопросах и совершенно не выносит пошлости, столь распространенной в их

среде. Как жаль, что им не суждено стать подругами! Но может, если Диана и правда умная женщина, когда-нибудь все и уладится? Эта наивная мысль показалась Люсиль верхом мудрости. Только появление Антуана удержало ее от откровений, последствия которых было бы трудно предсказать.

— Вас ищет Дестре, — обратился он к Диане, — он рвет и мечет.

Антуан с тревогой посмотрел на женщин.

«Верно, думает, я ревную и пытаюсь что-то выведать, — промелькнуло у Дианы, успокоенной разговором с Люсилью. — Бедный Антуан...»

— У меня совесть чиста. Я показывала Люсиль квартиру. Растерянная физиономия Антуана развеселила Люсиль.

Женщины смеялись, точно сообщницы. Антуан почувствовал, что начинает злиться: его мужская гордость была уязвлена. «Одна только что из моей постели. С другой я проведу ночь. А они вместе потешаются надо мной. Это уж слишком».

— Я сказал что-нибудь смешное?

— Да нет, — покачала головой Диана. — Просто вы так переживаете, плохое настроение Дестре, хотя всякий знает, что ему вечно что-нибудь не по нутру. Это показалось нам забавным, только и всего.

Она вышла, Люсиль последовала за ней, состроив на ходу уморительно-презрительную гримасу. Антуан не выдержал и тоже расхохотался. Два часа назад она сказала: «Я тебя люблю». Какое у нее было лицо! А теперь смеет корчить ему рожи! В гостиную Люсиль сразу столкнулась с Джонни. Тот скучал и бросился ей навстречу, предложил стакан виски, подвел к окну.

— Я обожаю вас, Люсиль. С вами, по крайней мере, можно чувствовать себя спокойно. Я знаю, что вы не станете приставать ко мне с глупыми вопросами: что я думаю о последней премьере или о ком-нибудь из гостей.

— Вы мне это каждый раз говорите.

— Будьте осторожны, — Джонни неожиданно перешел на шепот. — У вас вызывающе счастливый вид.

Люсиль провела ладонью по лицу, как если бы счастье было маской, которую можно так запросто снять. Сегодня она сказала «люблю» человеку, который ответил: «Я тебя тоже». Неужели это так бросается в глаза? Ей вдруг показалось, что все вокруг на нее уставилось. Она покраснела и залпом выпила едва разбавленный скотч, поднесенный Джонни.

— Просто я сегодня в настроении, — слабо возразила она.

— И все вокруг кажутся ужасно симпатичными.

Обычно на такого рода вечеринках, Люсиль не стремилась понравиться, считая это пустым занятием. Но сейчас ей захотелось заслужить прощение за свое слишком счастливое лицо. Так некрасивые женщины начинают порой трещать без умолку, отвлекая внимание от своей внешности. Люсиль переходила от группы к группе, источая любезности, приветливая и застенчивая. Она даже ошарашила Клер, одарив ее комплиментом по поводу платья. Шарль наблюдал за ней издали и не переставал удивляться. Когда они уже собрались уезжать, к нему подошла Диана,

— Шарль, нынче такой чудесный вечер. Никому не хочется спать, и Люсиль первой, по-моему. Что если нам поехать потанцевать?

Она глядела на Люсиль с симпатией. Шарль знал, что Диана ревнует, и видел, как женщины уединялись. Теперь он вздохнул с облегчением, решив, что тревога оказалась ложной. И этот вечер превратился для него в праздник по случаю всеобщего примирения. Он согласился с легким сердцем.

Они условились встретиться в ночном ресторане. Шарль с Люсилью приехали первыми, и сразу пошли танцевать. Люсиль была в ударе, она болтала, не закрывая рта. Внезапно она запнулась на полуслове. В дверях появился высокий мужчина, намного выше всех вокруг. Темно-синий костюм, золотистые глаза. Его лицо, его плечи, каждая складка на пиджаке — все в нем было родным. Он подошел к их столику, сел. Диана задержалась внизу у зеркала. Он пригласил Люсиль на танец. Когда рука его коснулась ее плеча, ей стало тепло и чуть тревожно. Танцуя, он чуть отстранялся, словно боясь поддаться искушению. Чтоб скрыть волнение, она напустила на лицо скуку, пытаясь обмануть окружающих, хотя никто на них не смотрел. Она впервые танцевала с Антуаном — под сентиментальную и ритмичную песенку, которую той весной крутили повсюду.

Они вернулись к столику. Диана с Шарлем в это время ушли танцевать. Люсиль и Антуан сели на разных концах стола, друг против друга.

— Тебе весело? — спросил Антуан. Он едва сдерживал гнев.

— Да, — чуть удивленно отозвалась Люсиль. — А тебе разве нет?

— Ни капельки. Мне не по душе такого рода забавы. В отличие от тебя, терпеть не могу вранья.

Он не знал, о чем Люсиль говорила с Дианой. Он сгорал от желания. Мысль, что через несколько минут Люсиль уедет с Шарлем, казалась ему невыносимой. В нем проснулся моралист. Неудовлетворенное желание нередко играет с мужчинами подобные шутки.

— Ты же чувствуешь себя просто как рыба в воде.

— А ты?

— А я нет! Есть порода мужчин, почитающих за доблесть крутить сразу с двумя. Но я не могу считать себя мужчиной, заставляя сразу двоих страдать.

— Видел бы ты себя со стороны там, у Дианы, — воскликнула Люсиль. — У тебя была такая растерянная физиономия!

Она засмеялась.

— Не смейся! — Антуан насилил себя удерживал. — Через десять минут ты останешься с Шарлем или одна, только не со мной.

— Но завтра...

— Хватит с меня этих «завтра». Ты должна понять. Люсиль промолчала. Она тщетно пыталась придать себе серьезный вид. Алкоголь всегда приводил ее в состояние эйфории. Незнакомый молодой человек пригласил ее на танец, но Антуан ему сухо отказал, Люсиль надулась. Ей хотелось танцевать, болтать, веселиться, может, даже уйти отсюда с кем-нибудь третьим. Она не хотела ни о чем думать, она хотела только развлекаться.

— Я сейчас пьяненькая, — жалобно протянула она.

— Это заметно.

— Может, и тебе стоит выпить? А то ты такой мрачный... Они впервые поссорились. Но стоило ей взглянуть на его упрямое, детское лицо, как к ней вернулась нежность:

— Антуан, ты же знаешь...

— Да-да. Я знаю: ты любишь меня по-настоящему.

Он встал. К столику возвращалась Диана. Шарль выглядел страшно усталым. Он кинул умоляющий взгляд на Люсиль и извинился перед Дианой: завтра рано вставать, к тому же он слишком стар для такого шумного заведения. Люсиль безропотно последовала за ним. Но в машине впервые за два года она почувствовала себя пленницей.

Глава 12

Диана в ванной комнате смывала с лица косметику. Антуан включил проигрыватель и, усевшись возле него на полу, слушал бетховенский концерт. Дверь в ванную была приоткрыта. Диана с улыбкой смотрела на его отражение в зеркале. Антуан всегда садился на пол у проигрывателя, как язычник перед идолом или дикарь у огня. Она сколько раз объясняла, что это

стереосистема и звук динамиков на стене идет к середине комнаты, туда, где кровать. Он все равно норовил усесться ближе к проигрывателю, вращение черного диска зачаровывало его. Диана тщательно смыла дневной макияж и снова взялась за кисточку. Она знала свое лицо наизусть, и умело прятала морщинки под гримом. Ей было не до того, чтобы дать коже отдохнуть, как советуют дамские журналы. Ее сердце тоже не знало отдыха. На это не было времени. Ей казалось, что только красота поможет удержать Антуана. Поэтому она не берегла ее на будущее. Есть натуры, кстати, самые щедрые, что живут лишь настоящим, и отмахиваются от остального. Диана была из их числа.

Все в Антуане напряглось. Слабые звуки, долетавшие из ванной, раздражали его, заглушая скрипки и трубы Бетховена. Вот Диана вскрыла пакетик с косметическими салфетками, вот провела щеткой по волосам. Через пять минут она вернется. Ему придется встать, раздеться и лечь в постель с этой ухоженной женщиной, хозяйкой этой изысканной комнаты. А ему хотелось быть рядом с Люсилью. Люсиль приходила к нему и падала на колченогую кровать из хозяйской мебелировки. Люсиль торопливо сбрасывала с себя одежду. Люсиль торопливо исчезала. Она была неуловима, как ветер, быстра, как воровка. Неуловима. Никогда она не будет жить у него. Никогда им не проснуться в одной постели. Она вечно будет лишь мимолетным видением. Да еще сегодняшний вечер он сам испортил. От всех этих мыслей к горлу подкатывал комок, как у ребенка.

Вошла Диана в голубом пеньюаре. Он не шелохнулся. Секунду она стояла на пороге, разглядывая его спину, затылок. От них словно исходит какая-то враждебность. Но не смея об этом думать. Она устала. Нынче она позволила себе выпить лишнего, что с ней редко случалось. Она была в прекрасном настроении. Ей хотелось просто поболтать с Антуаном, вместе посмеяться. Хотелось, чтобы он рассказал о своем детстве. Хотелось не физической близости, а просто человеческой. Она не представляла, что его-то как раз терзает мысль о предстоящей постельной сцене. Иных желаний он в ней не предполагает. Она под села рядом на ковер, по-дружески продев руку ему под локоть. В голове у него промелькнуло: «Да-да, сейчас будет исполнено, сию минуту». Обычно он не был таким циничным. Даже в случайных приключениях у него сохранялась капля уважения к любви. Ему всегда требовалось какое-то время, чтобы настроиться, прежде чем обнять женщину.

— Мне так нравится этот концерт, — произнесла Диана.

— И, правда, очень красивый, — вежливо отозвался Антуан. Так отвечает человек на пляже, которого выдернули из сладкой дремоты, призывая полюбоваться красотой моря.

— Правда, удачный вышел вечер?

— Да, это было нечто, — ответил он, вытягиваясь с закрытыми глазами на ковре.

Диане подумалось: «Он выглядит таким одиноким и несчастным». А у него в ушах еще звучали только что произнесенные им слова, верней их злой саркастический тон, которого он не мог себе простить. Диана затихла у его плеча, «Красивая, старая, размалеванная». Откуда это? Может, из Пеписа?

— Тебе было скучно?

Она встала, прошла по комнате, поправила цветок в вазе, на ходу провела рукой по мебели. Антуан наблюдал за ней из-под прикрытых век. Она любила вещи, эти проклятые вещи. И он был одной из них. Самой роскошной вещью среди прочей роскоши. Мужчина на содержании. Не совсем, конечно. Но он обедал «у ее друзей», спал «в ее квартире», жил «ее жизнью». И он еще смеет осуждать Люсиль! Она-то, по крайней мере, женщина.

— Почему ты молчишь? Тебе было очень скучно?

Ее голос, ее вопросы. Ее пеньюар. Ее духи. Невыносимо. Нет, это просто невыносимо. Перевернувшись на живот, он уронил голову на руки. Диана опустила рядом с ним на колени.

— Антуан, Антуан...

В ее голосе было столько нежности и неподдельной печали, что Антуан повернулся к ней. Глаза ее блеснули. Секунду они так смотрели друг на друга. Потом он отвел глаза и притянул ее к себе. Она неловко и осторожно улеглась рядом с ним. Как если б была стеклянной и боялась разбиться. Или как при приступе радикулита. Он не любил ее, но в нем проснулось желание.

Шарль отправился в Нью-Йорк один и всего на четыре дня. Люсиль каталась по городу на машине. Она встречала лето. Она узнавала его приближение в каждом запахе, доносимом ветром, в каждом блике Сены. Она предвкушала парижское лето: запах пыли, листьев и земли вскоре повиснет над бульваром Сен-Жермен. Широкие листья каштанов, почти заслонившие розовое небо. Неуместно ярко горящие фонари. Летом их цеховая гордость ущемлена: такие нужные зимой машинам и людям, теперь они стали едва ли не паразитами. Тщетно пытаются они подыскать себе дело. Им негде вклиниться между никак не желающим угасать днем и занимающейся зарею, которой не терпится воцариться на парижском небе.

В первый же вечер Люсиль натолкнулась в Сен-Жермен де Пре на своих приятелей университетских и последующих лет. Они приветствовали ее радостными, но удивленными возгласами, точно явившееся невесте откуда привидение. Однако она быстро почувствовала, что успела стать для них чужой. Когда иссякли воспоминания и старые шутки, Люсиль поняла: все они обременены работой, денежными и личными проблемами, ее беззаботность раздражает их. Им с ней неинтересно. Сломать стену, воздвигнутую деньгами, оказалось не легче, чем преодолеть звуковой барьер. Все слова доходят до собеседника лишь несколько секунд спустя, слишком поздно.

Люсиль отказалась поужинать с ними в старом бистро на улице Кюжа. В половине девятого она вернулась домой, слегка подавленная этой встречей. Полина была рада ее раннему возвращению и поджарила ей бифштекс. Люсиль распахнула окно и легла в постель. День быстро угасал, уличный шум становился все тише. Она вспомнила, как месяца два назад ее разбудил ветер. Не вялый и монотонный, как теперь, а дерзкий, быстрый, веселый. Тот ветер разбудил ее, а этот навевал сон. С тех пор в ее жизнь вошел Антуан. Эти два месяца сами были целой жизнью. На завтра у них условлена встреча, они решили вместе поужинать. Впервые вдвоем. Было немного тревожно на душе. Не из-за себя, Люсиль об этом никогда не думала, а — вдруг ему с ней окажется скучно? Вместе с тем какое-то умиротворение низошло на нее. Комната постепенно погружалась в темноту. Выткнувшись в постели, Люсиль думала о том, что земля круглая и что, хотя жизнь сложная штука, ничего плохого не может произойти.

Случается порой, что человек совершенно счастлив один, сам по себе. Воспоминания о таких минутах скорее любых других спасают в трудный момент от отчаяния. Вы знаете, что способны быть счастливым в одиночестве и без всяких видимых причин. Вы знаете, что это возможно. И если человек несчастен из-за другого безнадежно, почти органически зависим от него, такие воспоминания возвращают уверенность. Счастье представляется чем-то круглым, гладким, совершенным, навеки свободным, доступным — пусть оно далеко, но достижимо. И это лучше помогает удержаться на плаву, чем память о счастье, разделенном когда-то с кем-то еще. Та любовь ушла и кажется теперь ошибкой, а связанные с нею счастливые воспоминания — обманчивыми.

Завтра в шесть вечера Люсиль заедет за Антуаном, Они поедут за город. У них впереди целая ночь. Она заснула с улыбкой на губах.

Гравий поскрипывал под ногами гарсонов. Летучие мыши шныряли между висящими на террасе лампами. Краснолицая упитанная пара молча уплетала омлет за соседним столиком. Они находились километрах в пятнадцати от Парижа. Стало прохладно, и хозяйка пригласила Люсиль большую шаль. Они ужинали в одной из тысяч придорожных гостиниц, где тайные любовники и просто усталые горожане могут рассчитывать на уединение и чистый воздух. Ветер трепал волосы Антуана. Он был в прекрасном настроении. Люсиль рассказывала о своем детстве, о своем счастливом детстве.

— Мой отец был нотариусом. Он обожал Лафонтена. Мы гуляли с ним по берегу Индра, и он читал вслух басни. Да и сам сочинял, баловался. Во Франции не так уж много женщин, знающих наизусть «Ягненка и ворону», так что тебе повезло.

— Мне безумно повезло. Я знаю. Продолжай.

— Он умер, когда мне было двенадцать лет. Тогда же мой брат заболел полиомиелитом. С тех пор он прикован к инвалидной коляске. Мать думает только о нем, на шаг от него не отходит. По-моему, ей не до меня.

Люсиль умолкла. Переехав в Париж, она каждый месяц посылала матери деньги, не без труда отрывая их от своего скудного бюджета. Последние два года деньги посылает Шарль. Они никогда не обсуждали с ним эту тему.

— А мои родители ненавидели друг друга. Они не разводились, чтобы у меня была семья. Лично я предпочел бы иметь две семьи.

Антуан улыбнулся, перегнулся через стол и взял ее за руку.

— Представляешь? Весь вечер, всю ночь вместе.

— Мы поедem в Париж очень осторожно. Поднимем верх. Ты будешь вести потихоньку. Я сама стану прикуривать тебе сигареты, чтобы ты не отвлекался.

— Конечно, я буду вести осторожно, ведь рядом ты. Сперва где-нибудь потанцуем, потом поедem ко мне. И завтра утром ты, наконец, узнаешь, что я пью за завтраком — чай или кофе. И сколько кладу сахара.

— Танцевать? А вдруг встретим кого из знакомых?

— Ну и что? — помрачнел Антуан. — Надеюсь, ты не думаешь, что я собираюсь всю жизнь прятаться?

Она опустила глаза и ничего не ответила.

— Ты должна принять решение, — мягко продолжил Антуан, — но не волнуйся — не сегодня.

На ее лице отразилось облегчение, и он не смог сдержать смех:

— Я знаю, ты рада любой отсрочке. Ты же всегда живешь сегодняшним днем, так ведь?

Люсиль промолчала. Рядом с ним ей было так хорошо, она была самой собой. Ей хотелось с ним смеяться, заниматься любовью. Ей было настолько хорошо, что даже делалось немножко страшно.

Люсиль проснулась очень рано. Обвела глазами комнату. В ней царил беспорядок. Длинная рука Антуана мешала ей приподняться. Она снова закрыла глаза, перевернулась на живот и улыбнулась. С Антуаном она впервые поняла смысл выражения «ночь любви». Они поехали танцевать и никого не встретили. Потом отправились к нему, занимались любовью, курили, болтали, снова занимались любовью. И заснули только на рассвете, опьяненные словами и жестами, умиротворенные и изнуренные. Ночью, в неистовстве любви, им начало казаться, что они вот-вот умрут, не вынеся непомерности чувства. Сон пришел как избавление, как чудесный плот к потерпевшим кораблекрушение. Они взобрались на него, вытянулись на его тверди и впали в беспамятство, но рук так и не разжали. Она смотрела на профиль Антуана, и ей было странно, что прежде она могла просыпаться не рядом с ним, а где-то еще. Ей нравилось, что он, такой беззаботный и рассеянный днем, становится столь заботливым и внимательным ночью. Как если бы любовь пробуждала в нем язычника, чья единственная и непреложная заповедь — доставлять ей удовольствие.

Антуан повернул голову и открыл глаза. Взгляд у него был, как у новорожденного младенца. Многие мужчины первый миг после пробуждения смотрят на мир вот с таким младенческим удивлением. Теперь его тяжелая и теплая со сна голова покоилась на плече Люсиль, большие ступни торчали из-под скомканных простыней. Он вздохнул, и что-то жалобно простонал.

— А у тебя по утрам глаза совсем-совсем желтые, — сказала она, — прямо как пиво.

— Тоже мне, нашла поэтический образ.

Он взял ее за подбородок и повернул лицом к свету.

— А у тебя почти синие.

— Нет, — возразила она, — серые. Серо-зеленые.

— Хвастунья.

Как были, нагишом, они сидели на кровати. Он пристально смотрел ей в лицо. Оба улыбались. У него были широкие плечи. Она выскользнула из его объятий и прижалась щекой к груди. Сердце его колотилось почти так же сильно, как у нее.

— Как сильно бьется. Это что, от усталости?

— Нет, — ответил Антуан, — это шамада.

* Шамада — барабанный бой, означающий сигнал к капитуляции. Второе значение — сильное сердцебиение. — *Прим. пер.*

— А что такое шамада?

— Посмотришь в словаре. Сейчас неохота объяснять. Он нежно опрокинул ее на спину. На улице уже было совсем светло.

В полдень Антуан позвонил в свое издательство и сказал, что у него поднялась температура, однако после обеда он придет.

— Все это сплошное мальчишество, но мне нельзя потерять место. Приходится думать о хлебе насущном.

— Тебе хорошо платят? — небрежно поинтересовалась Люсиль.

— Нет, гроши, — ответил он, тем же тоном. — По-твоему, это важно?

Люсиль засмеялась:

— Нет, просто, по-моему, легче жить, когда много денег.

Взгляд Антуана удивил ее.

— Почему ты спросил?

— Потому что хочу, чтобы мы жили вместе. Значит, я должен обеспечивать тебя.

— Прости, — поспешно прервала она, — но я сама могу себя обеспечить. Я целый год проработала в «Аппеле», пока газета не закрылась. Это было даже забавно, только у всех там такой деловой и озабоченный вид, что...

Антуан перебил:

— Ты все слышала. Я хочу, чтобы мы или жили вместе, или больше не встречались. Я живу в этой квартире, мало зарабатываю. Я не смогу обеспечить тебе ту жизнь, что ты ведешь сейчас. Ты слушаешь?

— А как же Шарль? — слабым голосом возразила она.

— Или я, или он. Он ведь на днях возвращается. Так вот: либо ты переезжаешь ко мне, либо мы больше не увидимся. Все.

Он встал и ушел в ванную. Люсиль грызла ногти. Ей никак не удавалось сосредоточиться. В голове крутилась одна и та же мысль: «Так я и знала. Это должно было случиться. Как с мужчинами тяжело!» Через два дня надо принять решение. Решение! Само это слово бросало ее в дрожь.

Глава 13

Аэропорт Орли заливал холодный солнечный свет. Он отражался в стеклах, в серебристых спинах самолетов, разбивался на тысячи мелких осколков в лужах на посадочной полосе, слепил глаза. Рейс Шарля опаздывал на два часа, и Люсиль, вне себя от тревоги, нервно прохаживалась по залу ожидания. Если с Шарлем что-то случится, она не перенесет, это будет ее вина — она отказалась поехать с ним, изменяла ему. Решительное и печальное выражение лица, с каким два часа назад она приехала в аэропорт и которое должно было еще до начала разговора дать Шарлю понять, что что-то неладно, помимо ее воли сменилось на тревожное и нежное. Такой он и увидел ее, выйдя в зал после таможенного досмотра. Издали он послал ей ласковую, успокоительную улыбку, подошел, нежно поцеловал. Краем глаза Люсиль заметила во взгляде какой-то молодой женщины откровенную зависть. Люсиль всегда забывала, что Шарль очень красив. Он слишком любил ее, чтобы она об этом помнила. Он любил ее такой, какая есть, не требовал отчета в поступках, вообще ничего не требовал. Она смотрела не на Шарля, и в ней подымалось глухое раздражение против Антуана. Легко ему говорить о выборе, требовать разрыва. Но ведь нельзя же прожить с человеком два года и не привязаться! Она взяла руку Шарля, сжала в своей. У нее было чувство, что он нуждается в защите, —

ей и в голову не пришло, что защищать его приходится от нее самой.

— Я очень по вам соскучился, — сказал Шарль. Он улыбнулся, расплатился с носильщиком, кивнул шоферу на свои чемоданы. С житейскими делами, не в пример душевным, он всегда обходился с легкой непринужденностью. Люсиль давно привыкла, что с ним можно ни о чем таком не задумываться. Он отворил ей дверцу машины, обошел вокруг и сел рядом. Потом почти робко взял ее за руку и сказал шоферу «домой» тем радостным тоном, каким говорят люди, радующиеся возвращению. Она почувствовала, что попала в ловушку.

— Не понимаю, отчего вы скучали. Ну что вы во мне нашли?

Голос ее прерывался от отчаяния, но Шарль улыбнулся, усмотрев в ее тоне простое кокетство.

— Я нахожу в вас все, вы прекрасно знаете.

— Я этого не заслуживаю.

— Разве можно говорить о заслугах применительно к чувствам? — возразил он. — Я привез вам из Нью-Йорка очень красивый подарок.

— А какой?

Он не хотел раскрывать секрет, и они ласково препирались до самого дома. Полина приветствовала их возгласами облегчения. Она полагала воздушные путешествия смертельно опасными. Они вместе распаковывали чемоданы Шарля. Он привез ей норковое манто. мех был светло-серый, под цвет ее глаз, мягкий и шелковистый. Пока она вертелась перед зеркалом, Шарль радовался как ребенок. Во второй половине дня она позвонила Антуану и сказала, что им надо встретиться, что ей не хватило мужества поговорить с Шарлем.

— До тех пор мы с тобой не увидимся, — отрезал Антуан и бросил трубку. В его голосе прозвучали непривычные нотки.

Они не виделись уже четыре дня, но Люсиль так на него разозлилась, что сначала даже не ощущала боли. То, как он оборвал разговор, привело ее в бешенство. Люсиль терпеть не могла грубостей. К тому же не сомневалась, что Антуан скоро позвонит сам. Та ночь неразрывно связала их: они слишком далеко зашли по дороге любви. Они сделали двумя жрецами одного культа, и отныне этот культ существовал как бы вне их, независимо от их желания. Умом Антуан мог сердиться на Люсиль, но тела их уже стали вечными союзниками, половинками целого. Тела их теперь уподоблялись двум лошадям, разлученным ссорой хозяев, но уверенным, что скоро вместе ускачут в солнечные долины блаженства. Она и мысли не допускала, что может быть иначе. Она не могла представить, что человек способен сопротивляться своим желаниям, никогда не понимала, ни зачем, ни почему это делается. В этой лицемерной, слезливой Франции она не находила лучшей морали, чем та, которую диктует живая горячая кровь.

Особенно ее злило, что он не дал ей объясниться. Она рассказала бы, что пережила, пока ждала в аэропорту, объяснила бы, что вправду намеревалась порвать. Конечно, ничто не мешало поговорить с Шарлем дома, вечером. Но ей было так трудно решиться на этот разговор, настроить себя на драматическую ноту разрыва, что неудача первой попытки показалась знаком судьбы, дурным предзнаменованием. Когда замыслишь недоброе, легко впадаешь в суеверие. Однако Антуан все не звонил, и она все больше тосковала.

Близилось лето, и приемы начали устраивать на свежем воздухе, Люсиль с Шарлем были приглашены на ужин в Пре-Кателан. Антуан и Диана стояли в центре оживленной компании под деревом. Еще прежде, чем его увидеть, Люсиль услышала его смех. «И он смеется без меня!» — пронеслось у нее в голове, но она уже шагнула к нему, еле сдерживая радость. С озаренным лицом она протянула ему руку. Он холодно поклонился и отвернулся. Утопающий в свежей зелени, ярко освещенный, Пре-Кателан вмиг потускнел, сделался мрачным, враждебным. Ей стало невыносимо скучно, все вокруг представилось ничтожным, а собственная жизнь постылой. Без Антуана, без его золотистых глаз, без его комнатушки, где три раза в неделю она познавала с ним несколько часов истины, этот суматошный и веселый мир превращался в декорацию бездарного художника. Клер Сантре показалась ей безобразной, Джонни нелепым, Диана злой. Она попятилась.

— Люсиль, — позвала Диана своим властным голосом, — не покидайте нас так скоро. Какое на вас красивое платье!

Теперь Диане нравилось расточать Люсиль любезности. Ей казалось, что так она укрепляет свои позиции. Зато Клер и Джонни перемигивались у них за спиной: Джонни в конце концов раскололся, Клер немедленно оповестила всех приятельниц, и теперь, когда Антуан и Люсиль стояли друг против друга, бледные, смятенные, страдающие, на них устремились десятки полузавистливых, полуироничных взглядов. Люсиль вернулась:

— Я купила его только вчера, — машинально отозвалась она.

— Но мне кажется, оно немного не по погоде.

— Все ж не настолько, как у Коко Дуред, — вмешался Джонни. — Сроду не видел так мало ткани на таком большом теле. Она говорит, его стирают, как носовой платок. Только, по-моему, на это уходит еще меньше времени, Люсиль поглядела в сторону Коко Дуред, прогуливавшейся под электрическими гирляндами и впрямь полуголой. Чудный, глубокий запах мокрой земли поднимался от Булонского леса.

— Что-то вы, милочка, нынче как в воду опущенная, — обратилась к ней Клер.

В глазах ее горел огонек. Она взяла Джонни под руку. Тот тоже умирал от любопытства. Повисла неловкая пауза. Теперь и Диана вопросительно посмотрела на Люсиль. «Они как свора гонимых на охоте. Любопытства ради готовы меня на куски растерзать», — мелькнуло у Люсиль. Она с трудом выдавила улыбку:

— Я что-то замерзла. Попрошу Шарля принести мне манто.

— Я сейчас схожу, — отозвался Джонни. — Там в гардеробе очень милый молодой человек.

Он быстро воротился с манто в руках. Люсиль избегала смотреть на Антуана, но точно птица видела его боковым зрением.

— У вас новое манто! — воскликнула Клер. — Что за прелесть, какой дивный серый цвет! Отчего вы раньше его не носили?

— Шарль недавно привез его из Нью-Йорка, — пояснила Люсиль.

В этот миг она перехватила взгляд Антуана. И прочла в нем такое, что почувствовала желание ударить его. Она резко развернулась и пошла к другим гостям.

— В молодости норковые манто производили на меня большее впечатление, — прокомментировала Клер.

Диана нахмурилась: на лице Антуана появилось выражение, которого она так боялась. Неподвижное, пустое лицо, незрячие глаза.

— Принесите мне виски, — попросила она.

Она не смела задавать вопросов и потому отдавала приказания. Это слегка утешало ее.

На протяжении всего вечера Люсиль и Антуан старательно избегали друг друга. Но позже, когда началась музыка и все ушли танцевать, они остались одни за столом. Сидели они на противоположных концах, и этикет требовал, чтобы он к ней подошел. Он был буквально раздавлен переживаниями последних дней. Его преследовало видение: она в объятиях Шарля, говорит Шарлю те же слова, что и ему. Перед глазами стояло ее лицо, лицо женщины, у которой есть тайна. Это выражение появилось из-за него, и он бы отдал все на свете, чтоб вновь его увидеть. Он жестоко ревновал. Обойдя вокруг стола, он сел рядом с Люсилью.

Она отвернулась, и тут что-то в нем оборвалось. Он склонился к ней. Совершенно невозможно, невыносимо, что эта женщина, всего несколько дней назад бывшая с ним, лежавшая рядом обнаженной, держится теперь точно незнакомка.

— Люсиль, — прошептал он, — что ты с нами делаешь?

— А ты? Тебе приспичило, а я должна порвать в один день. Это было невозможно.

Она казалась спокойной, но была в отчаянии и чувствовала себя совершенно опустошенной.

— Что значит приспичило? — взвился он. — Я ревную. И ничего не могу с собой поделать. Я теперь не могу лгать, это просто убивает меня. Поверь, мысль о том... о том, что...

Он оборвал фразу, провел ладонью по лицу, потом заговорил опять:

— Скажи, после возвращения Шарля вы... ты с ним... Люсиль резко повернула к нему лицо:

— Ты хочешь спросить, спала ли я с Шарлем? А как же, ведь он привез мне норковое манто!

— Ты не соображаешь, что говоришь...

— Нет. Но ты-то подумал именно это. Как ты на меня посмотрел! Ненавижу тебя.

Возвращались их соседи по столу. Антуан вскочил:

— Пойдем танцевать, нам надо поговорить.

— Нет. Разве я сказала неправду?

— Возможно. Порой в голову лезут скверные мысли.

— Но когда лезут вульгарные... — Она снова отвернулась. «Послушать ее, выходит, я во всем виноват. Она мне изменяет, и я же виноват», — подумал Антуан. Его охватил гнев. Он так грубо схватил ее за руку, что на них начали поглядывать.

— Пойдем танцевать.

Антуан почувствовал, что загнал себя в западню — он не мог ни отпустить ее, ни тащить силой. Ее слезы словно зачаровали его. «Никогда прежде, я не видел ее слез. Господи, если бы она плакала, прижавшись ко мне, и я мог утешать ее, успокаивать».

— Отпусти меня, Антуан, — процедила она сквозь зубы. Со стороны они выглядели нелепо. Понятно, он был намного сильнее и ему удалось приподнять ее, она почти висела у него на руках. Слишком нелепо, чтоб она могла улыбнуться этому как глупой шутке. На них глазели. Антуан был вне себя, он был безумен и зол. Ей сделалось страшно. Он нравился ей как никогда раньше.

— Вот это и называется вальс-сомнение? — раздался голос Шарля у них за спиной.

Антуан выпустил руку Люсиль и резко обернулся. Он готов был со всей силы врезать по морде этому старому ослу и навсегда покинуть их ненавистный круг. Но рядом с Шарлем стояла Диана, спокойная, улыбающаяся, точно все происходящее ее не касалось. Она выглядела такой далекой.

— Уж не собирались ли вы силком заставить Люсиль танцевать?

— Именно, — ответил Антуан, пристально глядя ей в глаза.

Сегодня же вечером он уйдет от Дианы. Как только он сформулировал для себя это решение, у него сделалось спокойно на душе. И еще ему стало жалко Диану. Ее роль так ничтожна, она никогда не занимала его всерьез.

— Странно видеть у вас уличные замашки, вы уже вышли из этого возраста.

Она повернулась и направилась к столу. Шарль склонился к Люсиль и с улыбающимся, но напряженным лицом принялся расспрашивать, что случилось. Люсиль, тоже с улыбкой, что-то ему отвечала. У нее богатая фантазия. Впрочем, тут каждому хватит изворотливости, чтоб выкрутиться из щекотливого положения, чтоб сохранить и уберечь свои секреты. Каждому, только не Антуану. С секунду он постоял в нерешительности, потом развернулся и быстро пошел прочь.

Глава 14

За окнами лило. В комнату доносился шум, с которым тяжелые капли разбивались о тротуар. Летний дождь, меланхоличный и теплый, напоминал скорее душ, чем разбушевавшуюся стихию. Сквозь ставни просачивался утренний свет. Люсиль никак не удавалось заснуть. Сердце колотилось. Она прислушивалась к его неровным толчкам и словно со стороны наблюдала, как тяжелеют пальцы и пульсирует голубая вена на левом виске. Вот уже два часа она никак не могла совладать со своим сердцем. Она прислушивалась к себе со смесью удивления, иронии и отчаяния. Они уехали из Пре-Кателан, как только Люсиль заметила исчезновение Антуана, бледность Дианы и всеобщее оживление по поводу очередного скандала.

Люсиль уже не сердилась. Она даже спрашивала себя, какая муха ее укусила. Во время эпизода с манто его взгляд показался ей оскорбительным. В нем сквозило: ты продажна. Но, может, отчасти он и прав? Живет-то она на содержании Шарля. Ей нравятся его подарки — конечно, не из-за их стоимости, а как знаки внимания. Этого Люсиль не могла отрицать, да и не собиралась. Ей представлялось вполне естественным жить на попечении богатого мужчины, которого к тому же уважаешь. Антуан все извратил: по его выходит, она живет с Шарлем из-за денег и потому-то не хочет от него уходить. Антуан думает, она способна на такую расчетливость, вот и осуждает, и презирает ее. Люсиль знала, что ревность нередко толкает людей на низости, порождает недостойные мысли и суждения. Но ей невыносимо было, что это исходит от Антуана, как бы он ни ревновал. Она верила в него, между ними установилось нечто вроде внутреннего родства, морального сообщества. И потому Люсиль казалось, что он нанес ей удар из-за угла.

Что она могла ответить? «Да, Шарль привез мне манто, и мне это было приятно. Да, после мне случилось спать с ним. Конечно, это совсем не то, что бывает у нас с тобой. Подлинная страсть вообще ни на что не похожа. Мое тело становится умным, изобретательным только рядом с твоим. Ты должен бы это знать». Но он бы ее не понял. Старая, тысячи раз проверенная истина: в таких делах мужчине никогда не понять женщину. Люсиль поймала себя на том, что рассуждает, как суффражистка, и разозлилась — сперва на себя, потом опять на него. «Я вот не упрекаю его за Диану, не ревную. И что, из-за этого я — урод, чудовище? А если и так, ничего не могу с собой поделать». Но если она оставит все как есть, то навсегда потеряет Антуана. От этой мысли Люсиль похолодела. Слово «навсегда» заставляло ее биться в постели, точно вытасненную из воды рыбу. Было четыре утра.

В ее комнату тихо вошел Шарль и сел на край кровати. Лицо его осунулось. При резком утреннем свете он выглядел на все свои пятьдесят. Домашний халат из дорогой тонкой ткани был скроен в спортивном стиле, но это его не молодило. Он положил руку ей на плечо. С минуту они молчали.

— Тоже не спите? — спросил Шарль.

Люсиль отрицательно качнула головой, попыталась изобразить что-то вроде улыбки, принялась было лепетать какую-то чепуху насчет слишком острой кухни. Но она была чересчур измучена, не было сил на притворство. Она умолкла и закрыла глаза.

— Может, нам стоит... — начал Шарль. Он запнулся, секунду помолчал и продолжил более твердо: — Как вы посмотрите, если вам на время уехать из Парижа? Одной или со мной. Вам хорошо бы съездить на юг. Вы как-то говорили, что море вас от всего излечивает.

Она не спросила, от чего именно, по мнению Шарля, ей следует лечиться. Не стоило затевать такого разговора. Она поняла это по его голосу.

— На юг? — мечтательно переспросила она. — На юг?.. Она лежала с закрытыми глазами. Она представила себе волны, набегающие на берег, вспомнила песчаные пляжи в час заката. Господи, как она это любит! Ей так не хватало всего этого!

— Я поеду с вами, как только вы сможете, — ответила она и, наконец, открыла глаза. Но Шарль сидел отвернувшись. На миг она этому удивилась, а в следующую секунду удивилась тому, что ощутила тепло бегущих по щекам слез.

В начале мая отдыхающих на Лазурном берегу негусто. Единственный открытый в это время ресторан, как впрочем, и чуть не вся гостиница, и пляж, были в их распоряжении. Через неделю у Шарля вновь проснулась надежда. Люсиль целые дни проводила на пляже, часами не выходила из воды, много читала и пересказывала ему прочитанное. Она лакомялась жареной на углях свежей рыбой, играла в карты с немногочисленными пляжными соседями. Она выглядела вполне счастливой. По крайней мере, довольной. Правда, по вечерам она много пила. И еще. Однажды она была необычайно страстной в постели,

почти агрессивной; прежде с ней такого не случалось. Шарль не знал, что все, что бы она ни делала, питалось надеждой вновь увидеть Антуана. Она загорала, чтобы ему понравиться. Ела, чтобы не показаться слишком тощей. Читала книги, вышедшие в его издательстве, чтобы после с ним обсудить. И пила, чтобы не думать о нем, а иначе ей вообще не заснуть. Она самой себе не признавалась, что живет лишь надеждой на эту будущую встречу. Она жила, как существо, у которого отрезали половину, и которое с этим смирилось. Но стоило расслабиться, на миг потерять контроль, вовремя не напомнить себе о горячем Солнце, прозрачной воде, желтом песке, как воспоминания об Антуане обрушивались на нее, точно спущенный с горы Камень. И она растворялась в этих видениях, лежа на спине с раскинутыми руками, словно пригвожденная к песку. Только не гвозди впились в ладони, а наплывающие из памяти образы кололи сердце. Удивленно, точно со стороны, она наблюдала, как сердце ее до краев наполняется горечью, она точно видела, как оно опрокидывается, опустошаясь, и тогда, пустое, становится вовсе ненужным. К чему теперь солнце, море, это чувство телесного блаженства — все, чего еще недавно ей было довольно для счастья? Зачем все это, если рядом нет Антуана, если нельзя этого с ним разделить? Они бы вместе уплывали в море. От солнца и соли его волосы совсем бы выгорели. В ложбине между двумя волнами они бы целовались. В дюнах, за пустующими домиками в двух шагах от пляжа, занимались бы любовью. Вечерами, тесно прижавшись к нему, она бы любовалась ласточками, снующими у розовых крыш. И не надо было бы убивать время. Напротив, его бы следовало беречь, лелеять, тормозить его неумолимый бег. Когда думать об этом становилось невмочь, Люсиль лениво поднималась и брела к бару. Выбрав у стойки место, где Шарлю не было видно, она заказывала один или два коктейля и быстро, почти залпом выпивала их под ироничный взгляд бармена. Ей было наплевать, что он считает ее тайной алкоголичкой. Все равно в конце концов так и случится. Она возвращалась на пляж, ложилась на песок у ног Шарля. Она зажимивалась, и солнце обращалось в ослепительный белый круг. Она не чувствовала уже ни его горячих лучей, ни огня алкоголя в крови. Образ Антуана затуманивался, расплывался, он больше не мог причинять ей боль. На несколько часов она освобождалась от него, получала передышку. Шарль выглядел счастливым, а это уже кое-что. Когда он, в безупречных фланелевых брюках, в элегантно темно-синем блейзере, в дорогих мокасинах, с тщательно повязанным на шее платочком, поворачивалась к ней, Люсиль изо всех сил гнала от себя мысли об Антуане. Об Антуане в распахнутой на груди рубашке, в полотняных брюках, ловко облегаящих длинные ноги, босом, с волосами растрепанными ветром. У Люсиль бывали романы с молодыми людьми. И конечно она любила Антуана не за то, что он молод. Будь он старик, она бы его все равно любила. Но ей нравилось, что они ровесники. И нравилось, что у него светлые волосы. Ей нравилась требовательность его морали и его чувственность. Ей нравилось, что он любил ее, а теперь больше не любит. Не может быть, чтоб он ее не разлюбил. И любовь ее стеной вставала между нею и солнцем, между нею и беззаботностью. А может, и жизнью вообще. Она стыдилась этого. Ее единственный жизненный принцип вмещался в два слова: быть счастливой. Ей казалось просто недопустимым, что люди сами себе осложняют жизнь. Окружающие не могли этого понять и часто ее осуждали.

«Это расплата», — с горечью думала она. Она всегда презирала понятие долга, всю жизнь отвергала любые моральные и социальные табу. То, как люди себе портят ими кровь, казалось ей отвратительным, точно постыдная болезнь. И вот она сама ею заразилась. Она страдала и даже не могла упиваться своим страданием. А это хуже всего. У Шарля были дела в Париже. Она проводила его на вокзал, обещала держаться паинькой, вообще выказывала нежность. Он обещал вернуться через шесть дней и звонить каждый вечер. На пятый день около четырех дня раздался звонок. Небрежно сняв трубку, она услышала голос Антуана. Они не виделись пятнадцать дней.

Глава 15

Покинув Пре-Кателан, Антуан быстрыми шагами пошел через Булонский лес. На ходу он громко, как умалишенный, разговаривал сам с собой. Шофер Дианы кинулся, было к нему, но к его великому изумлению Антуан протянул ему пять тысяч франков со словами: «Извините, это не Бог весть что, но у меня при себе больше нет». Антуану так не терпелось побыстрее избавиться от Дианы, что ему казалось: все должны узнать об этом как можно скорее. На улице Гранд-Арме он заявил проститутке, предложившей свои услуги, что сыт по горло такими, как она. Потом вернулся, чтоб извиниться, и целых полчаса понапрасну ее разыскивал, рна как сквозь землю провалилась. Верно, нашелся кто-нибудь ее утешить. С твердым намерением напиться Антуан зашел в бар на Елисейских полях. Там он чуть не подрался с каким-то пьянчужой под предлогом туманных политических разногласий. А на деле же из-за того, что бедняга прилип к музыкальному автомату. Антуану же хотелось еще и еще слушать вальс, под который он танцевал здесь с Люсилью. «Раз ты несчастен, будь несчастным до конца», — растреваял он себя, одержав победу над алкашом, он добрался-таки до автомата и ко всеобщей скуке раз восьмью заводил свой вальс. Потом ему пришлось оставить бармену удостоверение личности, поскольку в карманах не оказалось ни гроша. Домой Антуан вернулся в три часа ночи, совершенно обессиленный и уже протрезвевший от утренней прохлады. Он ощущал себя эдаким подгулявшим молодым холостяком — горе порой подбадривает и освежает, вызывая подобие эйфории.

У подъезда стоял Дианин «ройс». Антуан заметил машину издали, но поборол искушение свернуть, подумав о несчастном шофере, что вынужден был, засыпая от усталости, дожидаться, пока соблаговолит вернуться дружок мадам. Подойдя к автомобилю, Антуан открыл дверцу и подал Диане руку. Не проронив ни звука, та вышла из машины. Поджидая его, она успела несколько раз подкраситься, и теперь, когда рассвело, рот казался слишком ярким. Из-за этого лицо ее, несмотря на притворное безразличие, казалось каким-то новым, молодым, растерянным. Диану и правда терзали сомнения, правильно ли она поступила, среди ночи приехав разбираться с любовником. И не ошибку ли она сделала, полюбив его. Прежде тема ошибки звучала в фильме ее жизни постоянным, но приглушенным фоном, как музыка за кадром. Теперь же она грохотала, точно тамтам, жестоко и неумолимо. Как во сне Диана вышла из машины, опираясь на его руку. Она из последних сил старалась сохранить непринужденный вид, еще чуть-чуть продлить роль любимой женщины, прежде чем вступить в новую, незнакомую и ужасную роль брошенной. Она отпустила шофера, улыбнувшись ему заговорщицки. Словно записала в последние и бесценные свидетели своего счастья.

— Я вам не помешала? — спросила Диана.

Антуан покачал головой. Он повернул ключ в замке и пропустил ее вперед. Она всего второй раз была у него дома. Впервые — вскоре после их знакомства. Тогда ей показалось забавным провести их первую ночь в доме этого неуклюжего и плохо одетого молодого человека. Затем она распахнула перед ним двери своей роскошной квартиры на улице Камбон. В тот раз его комната показалась ей жалкой и неудобной. Сейчас она отдала бы все на свете, чтобы спать на этой колченогой кровати и складывать одежду на убогий стул.

Антуан прикрыл ставни, зажег красный ночник и провел ладонью по лицу. Щетина уже успела отрасти. Казалось, за эти несколько часов он похудел. Он был похож на бродягу. Когда у мужчин горе, они часто выглядят оборванцами. У Дианы вмиг вылетели из головы заготовленные слова. С момента его поспешного бегства она твердила себе: «Он обязан со мной объясниться». Но что значит обязан? Как вообще можно быть кому-то обязанным? С прямой спиной, с гордо поднятой головой она присела на кровать. С каким удовольствием она бы вытянулась на ней, сказала; «Антуан, мне просто хотелось увидеть вас, я беспокоилась. Я так устала, мне хочется спать, давайте ляжем». Но Антуан выжидающе остановился посреди комнаты. Было ясно, ему не терпится прояснить ситуацию, а это, значит, порвать с ней, сделать ей нестерпимо больно.

— Вы слишком внезапно уехали, — произнесла она как можно спокойней.

— Приношу свои извинения.

Они говорили, как актеры на сцене. Он это сознавал и собирался с силами, чтобы бросить банальную, но неизбежную реплику: «Между нами все кончено». В глубине души он надеялся, что она станет попрекать его, заговорит о Люсиль. Тогда бы на него накатил гнев, придал сил быть жестоким. Но у нее был такой нежный, такой кроткий вид, она казалась почти испуганной. И он с ужасом подумал, как плохо он ее знает и даже пальцем не пошевелил, чтобы узнать получше. А вдруг он для нее больше, чем только неутомимый любовник? Всегда он полагал, что ее привязывает к нему лишь удовлетворенная им чувственность плюс неудовлетворенное тщеславие (ибо так и не удалось ей подчинить его, как всех прочих самцов). А может, дело не только в этом?

А вдруг Диана расплчется? Нет, немыслимо! Легенда о неуязвимой, гордой Диане так прочно укоренилась в Париже. Антуан слишком часто про это слышал,

В эти минуты им еще не поздно было и в самом деле узнать друг друга. Но Диана достала из сумочки золотую пудреницу и принялась поправлять косметику. За этим жестом крылось отчаяние. Но Антуан увидел в нем лишь признак холодности. «И правда, раз меня не любит Люсиль, кто ж может меня полюбить!» — подумал он с присущим отчаянию мазохизмом. Антуан закурил, резким, измученным движением швырнул спичку в камин. Однако Диана приняла это за выражение скуки, ей показалось, что ему не терпится от нее отделаться. Она задохнулась от ярости. Она забыла про Антуана, про свою любовь. В эту секунду лишь одно хлопотало в ней: любовник посмел у всех на глазах бросить ее, Диану Мербель. Дрожащей рукой она взяла сигарету, Антуан поднес огонь. Сигарета неприятно горчила. Перед тем Диана слишком много курила. До нее вдруг дошло, что смутный, разноголосый шум, долетавший с улицы, — просто-напросто пение птиц. Они проснулись и радостно приветствовали первые лучи солнца, встающего над Парижем. Она взглянула на Антуана:

— Могу ли я спросить о причине вашего бегства? Или это меня не касается?

— Можете, — ответил он. Он смотрел ей прямо в глаза, в уголках рта пролегла незнакомая ей складка. — Я люблю Люсиль. Люсиль Сен-Леже, — добавил он, точно могла идти речь о какой-то иной Люсيلي.

Диана опустила глаза, взгляд ее упал на сумочку. Сверху свежая царапина. Надо купить новую. Она смотрела на эту царапину, пытаясь думать только о ней и ни о чем больше.

«Где же я могла так ее зацепить?» Она затаилась, ожидая, что замершее сердце вновь начнет биться, что наступит день, что хоть что-нибудь произойдет — зазвонит телефон, взорвется атомная бомба, что, наконец, ее немой вопль перекроет уличный шум. Но ничего не происходило, только птицы продолжали беспечно щебетать, и их веселый гомон был невыносим.

— Вот как... вы могли бы раньше мне сказать.

— Я сам этого не знал, — ответил Антуан. — Я не был уверен. Мне казалось, я просто ревную. Но теперь, узнав, что она меня не любит, я очень несчастен.

Он мог бы еще долго продолжать на эту тему. Впервые он говорил о Люсиль с кем-то посторонним. Это доставляло ему болезненное наслаждение. С чисто мужским эгоизмом он не думал, каково это слушать Диане. Особенно задело ее слово «ревную».

— Вы ревновали? Но ревновать можно лишь то, чем обладаешь, вы же сами много раз говорили. Вы были ее любовником?

Он промолчал. Нараставший в Диане гнев заглушил ее страдание. Ей стало немного легче.

— Вы ревновали к Блассан-Линьеру? Или у нее кроме вас еще любовники? Так ведь вам, мой бедный Антуан, не под силу содержать ее в одиночку, если это вас может утешить.

— Не в этом дело, — сухо отрезал Антуан.

Он ненавидел Диану, посмевавшую судить о Люсиль так же, как сам он несколько часов назад. Она не имеет права ее презирать. Теперь, когда он признался, ей остается только уйти. Ему хочется остаться наедине с воспоминаниями об их последней встрече в Пре-Кателан, о ее слезах. Почему она плакала — ей было больно или она все-таки любит его?

— И где же вы встречались? Здесь? — будто издалека донесся голос Дианы.

— Да, здесь. Днем, после обеда.

И он представил лицо Люсиль в мгновения любви, ее тело, голос — все, что он потерял из-за собственной глупости, нетерпимости. Он был готов убить себя за это. Не будет больше ее шагов на лестнице. Не повторятся их вечера, великолепные и жаркие, все в красном и черном. На его лице отразилась такая тоска, что Диана дрогнула.

— Я никогда и не думала, что вы меня любите по-настоящему, — произнесла она, — но полагала, что достойна хотя бы уважения. Боюсь...

Он бросил на нее непонимающий взгляд. Мужчина не может уважать любовницу, если не любит. Конечно, Диана многим его устраивала. Конечно, он испытывал к ней долю уважения. Но инстинктивно, в глубине души, относился к ней, как к последней проститутке. Ведь она жила с ним, так и не потребовав слов любви, не сказав, их сама. Слишком поздно она разглядела в золотистых глазах Антуана жестокую и сентиментальную детскость, которая не может обойтись без слов, сцен, страстей. Сдержанность и светский такт ничто для молодых. Диана знала: дай она волю своему гневу, начини умолять Антуана, он растеряется, но почувствует лишь безгливость. Он слишком привык к образу, в каком видел ее все это время. И не захочет менять его. За гордую осанку приходится дорого платить. Но именно гордыня, гордость давали ей в это ужасное утро силы усидеть на краешке кровати с поднятой головой. Гордость, сделавшаяся неременной частью ее светского образа, столь привычная, что она перестала ее замечать, стала ее самым надежным союзником, ее опорой в эту горькую минуту. Так заядлому всаднику навык, обретенный за двадцать лет увлечения конным спортом, в одну прекрасную минуту помогает на городской улице увернуться от летящего автомобиля. Диана с удивлением обнаружила, что именно гордость — сокровище, о котором она не думала, которым почти не пользовалась, — именно она спасает ее от самого худшего — опротиветь себе самой.

Стараясь говорить ровным голосом, она спросила:

— Зачем вы сейчас мне все рассказали? Ведь вы могли еще долго скрывать. Я ни о чем не догадывалась. Верней, отказалась от своих подозрений.

— Наверно, я сейчас слишком несчастен, чтоб лгать. Он мог бы лгать Диане всю ночь, утешать, уверять, если б знал, что завтра увидит Люсиль и что она его любит. Когда человек счастлив, для него нет невозможного. Теперь он понял Люсиль, то, почему она так легко, так охотно шла на обман. А он-то еще упрекал ее! Но поздно, слишком поздно до него дошло. Он смертельно ее ранил. Она не захочет его видеть. Какого черта здесь делает эта чужая женщина? Когда же она уйдет? Диана прочла его взгляд и нанесла удар вслепую:

— А как же Сара? — вкрадчиво спросила она. — Теперь она и для вас умерла?

Он промолчал. Его душа ярьась. Диану это устраивало больше, чем равнодушное, почти дружеское выражение, лежавшее у него на лице минуту назад. Ей хотелось дойти до предела — до отчуждения, злобы, с языка рвались слова, которых не прощают. Так ей было легче.

— Вам лучше уйти, — наконец выговорил он. — Мне б не хотелось расстаться врагами. Вы всегда были ко мне очень добры.

— Я никогда ни к кому не была добра, — отчеканила Диана. — Мне было приятно проводить с вами время — в определенных обстоятельствах. Только и всего.

Она держалась очень прямо, твердо смотрела ему в лицо. Ему и в голову не могло прийти, что, появившись на его лице хоть тень раскаяния, сожаления, она бы рухнула в его объятия, заливаясь слезами. Но он ничуть не жалел о разрыве, и она лишь протянула руку для поцелуя. Он машинально над ней склонился. Когда он выпрямился, выражение муки, промелькнувшее по ее лицу при виде этого светловолосого затылка, в последний раз склоненного над ее рукой, уже исчезло. Она прошептала «прощайте», стукнулась, выходя, о косяк и шагнула на лестницу. Он жил на четвертом этаже, но только на площадке второго она остановилась и дала волю слезам, уткнувшись своим прекрасным лицом в грязную влажную стену.

Глава 16

Две недели Антуан прожил отшельником. Он много бродил пешком по Парижу, ни с кем не общался. Его не удивляло, что при встрече знакомые из числа приятелей Дианы делают вид, что его не узнают. Он знал правила игры: Диана ввела его в чуждый ему круг; порвав с нею, он автоматически из него выбывает. Ему даже показалось излишним, что Клер, столкнувшись с ним как-то вечером, соблаговолила обратить на него внимание. Она сообщила, что Шарль с Люсилью уехали отдыхать в Сен-

Тропе. Она воспринимала как должное, что Антуан ничего об этом не знает. По ее понятиям было очевидным, что, расставшись с одной женщиной, он автоматически теряет другую. Его это немного развеселило, хотя в тот период ему редко хотелось смеяться. Его преследовал обрывок из Аполлинера: «По моему прекрасному Парижу брожу, где нету смысла умирать. Рычащие автобусов стада...» Он не помнил как дальше, да и не искал. Париж был прекрасен надрывной, синей, щемящей красотой. Антуан тоже не видел смысла здесь умирать, как, впрочем, и жить. Все, что ни делается, к лучшему. Люсиль на средиземноморском берегу. Она говорила, что обожает море. Наверное, снова счастлива, ибо создана для счастья. Может, изменяет Шарлю с каким-нибудь местным красавцем. Диана повсюду появлялась с молодым кубинским дипломатом. Антуан видел в газете снимок этой парочки на премьере балета. Сам он много читал, не пил. По ночам часто думал о Люсиль. И в бессильной ярости метался по постели. Случилось непоправимое, надеяться не на что. Память не в силах была отыскать ни единой зацепки, дающей надежду. Зато она неумолимо являла лицо Люсиль, озаренное страстью. Воспоминания не давали покоя, мучили, опустошали. Правда ли, что им было вместе так хорошо? Ведь никогда не знаешь наверняка, насколько с тобой хорошо в постели. И невозможно быть уверенным, что такое же, а то и большее наслаждение не испытают с кем-то другим. О себе Антуан твердо знал, что ему никогда и ни с кем не изведать такого блаженства, как с Люсилью. Но не мог поверить, что стал ей столь же необходим. Иногда он вспоминал ее встревоженное лицо в тот вечер, когда она опоздала на коктейль. Вновь и вновь слышал ее голос: «Ты знаешь, я люблю тебя по-настоящему». Антуан готов был убить себя: упустил счастье. Он познавал лишь тело Люсиль и совсем не думал о человеке.

Овладев ею физически, не коснулся ее души. Да, они вместе смеялись, а смех — верный спутник любви. Верный, но не единственный. Он понимал это особенно ясно, вспоминая ее слезы в Пре-Кателан. Чтобы мужчина и женщина полюбили, друг друга, недостаточно вместе смеяться. Надо еще заставлять друг друга страдать. Вряд ли б Люсиль с ним согласилась. Но поздно об этом думать — она ушла. Мысленно он вновь и вновь затевал с нею этот спор, прерывал его и снова спорил. Он то резко вскакивал с места, то останавливался как вкопанный посреди улицы. Заколдованный круг.

На пятнадцатый день случайно повстречал Джонни. У того был отпуск, и он без дела спонялся возле кафе «Флора», облюбованного гомосексуалистами, а в последнее время еще и художниками. Джонни страшно ему обрадовался и потащил за стол. Они заказали виски. Антуан забавляло, как горделиво Джонни приветствовал своих знакомых. Антуан знал, что красив, но не придавал этому ни малейшего значения.

— Как поживает Люсиль? — осведомился Джонни.

— Не знаю. Джонни рассмеялся.

— Я так и думал. Вы правильно поступили, порвав с нею. Она очаровательное, но опасное существо. В конце концов, она сопьется, а Шарль будет с нею нянчиться.

— Почему вы так решили? — спросил Антуан с напускным безразличием.

— Да она уже начала сиваться. Один мой приятель видел, как она надралась на пляже. Но удивляться тут нечему.

Заметив выражение, с каким сидел Антуан, он снова засмеялся:

— Только не делайте вид, будто не знаете, что она была в вас влюблена. Это за версту в глаза бросалось. Что с вами?

Антуан хохотал и не мог остановиться. Его переполняли счастье и стыд. Боже, какой он глупец! Ну конечно, Люсиль его любит, помнит о нем! Разве они могли быть так счастливы вместе, если б она не любила его? Как мог он оказаться таким мрачным, эгоистичным дураком? Она любит его! Не забыла! Из-за него она потихоньку спивается. Наверно, думает, что это он ее забыл. А он все эти пятнадцать дней ни о чем другом думать не мог. Она страдает из-за его глупости. Надо немедленно ехать к ней, все объяснить. Пусть будет так, как она захочет, лишь бы обнять ее, вымолить прощение. Где находится Сен-Тропе? Он вскочил.

— Да успокойтесь же, — тщетно зывал Джонни. — У вас взгляд буйнопомешанного.

— Простите, — бросил на ходу Антуан. — Мне надо срочно позвонить.

Он чуть не вприпрыжку понесся домой. Полаялся с телефонисткой, недостаточно толково объяснявшей, как звонить по автомату в департамент Вар. Он принял обзванивать местные отели. В четвертом по счету ответили, что мадемуазель Сен-Леже действительно проживает, но сейчас на пляже. Он попросил соединить, когда она вернется. Он прилег на диван и стал ждать, положив руку на телефонную трубку, как Ланцелот Озерный на эфес меча. Он был готов ждать два часа, шесть часов, всю жизнь. Он был счастлив, как никогда. В четыре телефон зазвонил, он сорвал трубку.

— Люсиль? Это Антуан.

— Антуан, — мечтательно, как во сне, протянула она.

— Нам надо... Я хочу тебя видеть. Мне можно приехать?

— Да, — ответила она, — когда?..

Хотя голос ее звучал спокойно, по отрывистой краткости фраз он почувствовал, что нечто чудовищное, жестокое, пятнадцать дней пытавшее, корежившее, истязавшее их обоих, отступает. Он смотрел на свою руку, удивляясь, что она не дрожит.

— Может, я успею на самолет. Я выезжаю прямо сейчас. Ты сможешь встретить меня в Ницце?

— Да, — выдохнула она и после секундного колебания спросила: — Ты дома?

Прежде чем ответить, он трижды пропел в трубку ее имя: Люсиль, Люсиль, Люсиль.

— Приезжай скорей, — сказала она и повесила трубку.

Только теперь Антуану пришло в голову, что там может быть Шарль, и что нету денег на билет. Но все это промелькнуло между прочим. Сейчас он был способен ограбить прохожего, убить Шарля, самому усесться за штурвал «Боинга». В половине восьмого стюардесса предложила желающим полюбоваться в иллюминатор Лионом, Но Антуану было не до того.

Повесив трубку, Люсиль закрыла книгу, достала из шкафа свитер, захватила ключи от машины, взятой Шарлем напрокат, и спустилась вниз. На ходу она ободряюще улыбнулась своему отражению в зеркале гостиничного холла. Так улыбаются казавшемуся безнадежным больному, который неожиданно выздоровел и выписывается из больницы. Она подумала, что надо ехать очень осторожно, — дорога извилистая, да и покрытие плохое. Лишь бы по пути не попало какой-нибудь глупой собаки или встречного лихача. Их свиданию с Антуаном ничто не должно помешать. Она гнала от себя все мысли кроме заботы об этих мелочах. До самого аэропорта она усыпляла себя словесным наркотозом, возводила стену от самой себя. Первый рейс из Парижа прибывал в шесть. Хотя было абсолютно нереально, чтоб Антуан на него успел, она вышла встречать. Следующий самолет ожидался в восемь. Люсиль купила какой-то детектив и поднялась в бар на втором этаже. Тщетно она пыталась вникнуть в похождения частного сыщика. Герой был проворен и забавен, но ей было не до него. Ей доводилось слышать выражение «трудное счастье», однако на собственной шкуре она испытывала это впервые. Она чувствовала себя такой усталой, разбитой и измученной, что испугалась: вдруг не выдержит и хлопнется в обморок или заснет, сидя на стуле. Она позвала гарсона и сообщила, что встречает пассажира с восьмичасового рейса. Похоже, эта информация мало его заинтересовала. Но ей стало спокойнее: теперь, если с ней что случится, гарсон предупредит Антуана — она не представляла себе, каким образом, но это уже не важно. Ей хотелось все предусмотреть, принять все возможные предосторожности, чтоб не спугнуть то новое, хрупкое, что в ней зарождалось, — счастье. Она даже пересела за другой столик, чтоб лучше видеть часы и слышать объявления. Когда она закончила старательно и бессмысленно перебирать глазами черные знаки букв, так и не вникнув в их смысл, и захлопнула книгу, было еще только семь. Какая-то женщина со слезами на глазах целовала раненого, но одержавшего верх детектива в больнице Майами. Сердце болезненно ныло.

Прошел еще час, а может, два месяца или тридцать лет, прежде чем появился Антуан. Он вышел первым, поскольку не имел багажа. Они шагнули навстречу друг другу. Люсиль заметила, что он похудел, побледнел и плохо одет. Шевельнулась

рассеянная мысль, что на деле они едва знакомы, и еще — что она любит его. Он неловко приблизился. Несколько секунд, не поднимая глаз, они держались за руки, потом пошли к выходу. Он что-то пробормотал насчет ее загара. Она вполне по-светски выразила удовлетворение, что он добрался благополучно. Они подошли к машине. Антуан сел за руль, она показала, где у этой модели стартер. Было тепло. В воздухе пахло морем и бензином, ветер колыбал вершушки пальм вдоль дороги. Несколько километров они проехали молча, даже не задумываясь, куда именно едут. Антуан остановил машину и привлек ее к себе. Он не целовал ее, просто прижимал, охватив руками. Так они и сидели, щека к щеке. Люсиль готова была расплакаться, так ей вдруг сделалось легко. Потом он заговорил очень тихо и очень нежно, как с младенцем:

— Где Шарль?

Теперь ему надо все сказать.

— Да, — согласилась она. — Но Шарль в Париже.

— Мы уезжаем ночным поездом. В Каннах есть ночной поезд?

Она кивнула и слегка отодвинулась, чтобы посмотреть на него. Он придвинулся ближе и поцеловал ее. В Каннах они взяли билеты в спальный вагон. Ночь была полна перестуком колес, криками поездов, постукиванием молоточков в руках обходчиков. Они заботились, чтобы колеса были в порядке, чтобы поезд благополучно пришел в Париж, заботились об их судьбе. Казалось, поезду нравится мчаться изо всех сил. Локомотив точно сошел с ума, и адские вопли исторгались из его груди, будоража сонные равнины.

— Я знал, — сказал Шарль. Он стоял к ней спиной, прижавшись лбом к оконному стеклу. Люсиль сидела на своей кровати, еле живая от усталости. Ей казалось, в ушах еще стоит перестук колес. Поезд прибыл на Лионский вокзал очень рано. Накапывал мелкий дождь. Потом она позвонила Шарлю от Антуана, из их теперь общего дома. Они договорились встретиться у Шарля, и он сразу туда поехал. Она с порога призналась, что уходит, потому что любит Антуана. Шарль стоял у окна, не поворачиваясь к ней. Люсиль показалось странным, что вид его затылка ничуть не трогает ее, а вот затылок Антуана, его взлохмаченная светлая шевелюра вызывает такую нежность. Глядя на иных мужчин, никогда не скажешь, что они были когда-то детьми.

— Я знал, но думал, у этого не будет продолжения, — добавил он. — Понимаете, я надеялся...

Не кончив фразы, он наконец обернулся:

— Дело в том, что я люблю вас. Не думайте, будто я смогу кем-то вас заменить. Я слишком стар для таких замен. — Он жалко улыбнулся. — Видите ли, Люсиль, я знаю: вы вернетесь ко мне. Я люблю вас такой, какая вы есть. Антуан же любит вас такой, какая вы с ним. Он мечтает о счастье с вами, это свойственно молодости. А я желаю счастья вам — где бы вы ни были. Так что мне остается только ждать.

Она хотела возразить, но Шарль предостерегающе поднял руку:

— К тому же рано или поздно он начнет, а может, уже начал попрекать вас за то, какая вы: за ваше эпикурейство, беспечность, малодушие. Он полагает, все это — недостатки, они будут раздражать его. Он еще не понимает, что в них сила женщины. Что за это мужчины и любят ее, даже если порой именно из-за этого бывают несчастны. Антуан поймет это — с вашей помощью. Он поймет, что вы такая веселая, такая желанная благодаря своим недостаткам, а не вопреки. Но будет поздно. Так мне кажется. И тогда вы вернетесь ко мне. Потому что вы знаете, что я это знаю. Он горько усмехнулся:

— Вы не привыкли, чтоб я был столь многословен, верно? Еще чуть-чуть. Передайте ему от моего имени, что если вам придется из-за него страдать, если, вернувшись ко мне — через месяц или через три года, — вы не окажетесь такой же счастливой, как сейчас, я в порошок его сотру.

В его голосе прозвучала приглушенная ярость, и Люсиль взглянула на него с удивлением. "Она не подозревала, что Шарль может быть таким сильным, властным.

— Я не пытаюсь задержать вас, я знаю, это бесполезно. Но помните: я вас жду. Не важно, когда. И что бы вам от меня ни понадобилось, какие бы трудности перед вами ни встали, вы можете всегда рассчитывать на мою помощь. Вы уезжаете прямо сейчас?

Люсиль утвердительно кивнула.

— Заберите с собой все ваши вещи.

Она хотела возразить, но он опять прервал ее:

— Знаете, мне будет слишком больно видеть ваши платья в моих шкафах, вашу машину в гараже. Ведь вы, возможно, уезжаете надолго.

Люсиль смотрела на него, не в силах пошевелиться. Она знала, все так и будет: ужасно. А Шарль будет именно таким — безупречным. Все случилось, как давно ей представлялось. К отчаянию, что заставляет Шарля страдать, примешивалась гордость за любовь такого человека. Господи, ну разве можно бросить его одного в этой огромной квартире? Она встала:

— Шарль, я...

— Нет, — прервал он, — вы и так слишком долго ждали. Уходите.

Секунду они как статуи стояли друг против друга. Затем Шарль потрепал ее по волосам и снова отвернулся.

— Идите. Я пришлю ваши вещи на улицу Пуатье.

Ее не удивило, что Шарль знает адрес Антуана. Она ненавидела себя. Поникшие плечи Шарля, его седеющие волосы — все это ее рук дело. Она прошептала: «Шарль...», сама не зная, хочет ли сказать «спасибо», или «простите», или еще какую-нибудь бестактную глупость. Он, не оборачиваясь, махнул рукой. Это означало, что еще немытого, и он не выдержит. Люсиль вышла из комнаты едва ли не на цыпочках и только на лестнице заметила, что плачет. Всклипывая, она вернулась, зашла на кухню и бросилась на шею Полине. Та сказала, что от мужчин вечно одни неприятности, но не стоит лить из-за них слез. Антуан ждал ее на улице, на залитой солнцем террасе кафе.

Часть вторая

Лето

Глава 17

Люсиль чувствовала, как странная и прекрасная болезнь овладевает ею. Она знала: эта болезнь зовется счастьем, но не решалась называть ее по имени. Казалось чудом, что два таких неглупых и самостоятельных человека способны настолько слиться в одно целое, что каждому, с надрывом выдохнув «я тебя люблю», и правда нечего к этому прибавить. Но так и было, и невозможно было желать чего-то сверх. До нее дошел смысл слов «полнота бытия». Иногда у нее проскальзывала мысль, что когда-нибудь после, когда все кончится, вспоминать об этом будет невыносимо больно. Пока же она ощущала себя настолько счастливой, что ее это даже пугало.

Они рассказывали друг другу прошедшую жизнь с самого детства. Они неустанно перебирали события последних месяцев. Как все влюбленные на свете, они вновь и вновь возвращались к своим первым встречам, к мельчайшим подробностям истории своей любви. И как это всегда бывает, искренно и простоудушно удивлялись, что могли так долго сомневаться в своих чувствах. Они совершали длительные вылазки в тревожное прошлое, но никогда не мечтали о спокойном будущем. Люсиль еще в большей мере, чем Антуан, терпеть не могла строить планы и питала отвращение к размеренной, будничной, обыкновенной жизни. Они как зачарованные ловили каждый миг настоящего — встающий рассвет, всегда заставлявший их спящими в объятиях друг друга, наступление сумерек, в которые они любили бродить по парижским улицам, по теплому, нежному, несравненному Парижу.

Порой счастье так переполняло их, что они переставали ощущать самое любовь.

Когда утром Антуан уходил в издательство, Люсиль воспринимала это так равнодушно, что даже закрадывалось сомнение, она ли была в Сен-Тропе тем загнанным, страдающим, безголосым зверем. Но стоило Антуану задержаться хоть на полчаса, и она уже металась по квартире, осажденная страшными видениями: Антуан под колесами автобуса или что-то еще в этом роде. Тогда она решила, что счастье — это когда он рядом. А все то, что без него, называется отчаянием. В свой черед, стоило Люсиль улыбнуться другому мужчине, Антуан бледнел. Хотя ежедневное обладание ее телом вроде успокаивало его вполне, он сознавал, что ночная близость — счастье хрупкое, мимолетное, неуловимое. Даже в минуты наивысшей нежности в их отношениях проскальзывало нечто тревожное, надрывное. Порой эта тревога становилась мучительной, но оба смутно сознавали, что исчезли она, это будет конец их любви. Во многом их отношения окрашивались двумя эпизодами, двумя потрясениями почти равной силы. Для нее таким было памятное опоздание Антуана, Для него — отказ Люсиль переехать к нему в день возвращения Шарля из Нью-Йорка. Вообще-то оба были людьми скорее легкомысленными. Но ее неуверенность по силе почти не уступала эгоизму. Она порой не могла совладать со страхом, что в один прекрасный день Антуан не вернется. А его преследовала мысль, что однажды она изменит ему. Только время могло исцелить их раны, но они почти сознательно бередили их. Так человек, чудом, выживший после жестокого ранения, находит удовольствие в том, чтобы полгода спустя ночью отковыривать корочку с последней царапины: сравнивая ее со всем остальным, он полней ощущает вернувшееся здоровье. Каждый из них нуждался в подобной царапине. Он — по природной склонности, она — потому что ей было совершенно неведомо разделенное счастье, счастье вдвоем.

Антуан всегда просыпался рано. Тело его узнавало о присутствии Люсиль еще прежде, чем он осознавал это умом. Не успев открыть глаз, он уже хотел ее. Он поворачивался к ней и зачастую окончательно просыпался только от стонов Люсиль, от прикосновения ее рук. Антуан спал очень крепко, как ребенок, у мужчин такое редко бывает. Больше всего на свете ему нравились эти сладостные пробуждения. Первое, что ощущала Люсиль, покидая мир грез, было наслаждение. Она просыпалась, уже удовлетворенная и слегка оскорбленная этим полунасилием. Оно нарушало ее привычный утренний ритуал: открыть глаза, снова закрыть, согласиться с тем, что наступило утро, или игнорировать его — вести нежную битву с самой собой. Она пробовала схитрить, проснуться прежде Антуана. Но он привык спать по шесть часов в сутки и всегда ее опережал. Его смешило, как она дуется. Ему приятно было вырывать ее из тенет сна, чтобы сразу же поймать в тенета наслаждения. Он ловил тот миг, когда она открывала еще полные сна глаза, ее растерянный взгляд, в котором постепенно появлялось узнавание. Она снова смежала веки и обвивала руками его шею.

Чемоданы Люсиль стояли не разобранными на шкафу. Только несколько платьев, особенно полюбившихся Антуану, заняли место на вешалке по соседству с двумя его костюмами. Зато полочка в ванной сразу выдавала присутствие женщины. Она была уставлена баночками и флаконами. Люсиль ими почти не пользовалась, зато Антуан получил пищу для шуток. Бреясь по утрам, он громко разглагольствовал о пользе масок от морщин и прочих косметических зелий. Люсиль парировала замечаниями, что скоро ему самому все это пригодится, он ведь стареет на глазах и вообще урод. Он целовал ее. Она хохотала.

В том году парижское лето выдалось на диво. В половине десятого он уходил на работу. Она оставалась в одиночестве, вздыхая о чашке чая, но не находя сил сбросить оцепенение и спуститься в ближайшее кафе. В комнате по всем углам были навалены груды книг; Она брала первую попавшуюся и принималась читать. Часы на стене, когда-то заставившие ее так страдать, били каждые полчаса. Но теперь она их обожала. Иногда, слыша их мелодичный перезвон, Люсиль откладывала книгу и улыбалась им, как встрече с детством. Антуан звонил между одиннадцатью и половиной двенадцатого. Порой он беззаботно с ней болтал, а то говорил быстро и решительно, как человек по горло в работе. В таких случаях Люсиль отвечала ему очень серьезно, хотя в глубине души его деловитость ее смешила: она знала, что Антуан рассеян и ленив. Но они были на том этапе любви, когда в любимом нравится не только то, чем он на деле обладает, но и то, каким он хочет казаться, — когда нравится принимать не только правду, но и полуправду о нем. Ведь не скрывая, что это не совсем истина, он как бы оказывает тебе высшее доверие. В полдень, в обед, они встречались в бассейне возле площади Согласия. Устроившись на солнцепеке, сядили по сэндвичу. Потом он возвращался в издательство. Возвращался, если только солнце, вид полунагого тела, слова, слетавшие с губ, не возбуждали их настолько, что они чуть не вприпрыжку мчались домой. Тогда он опаздывал на работу. А Люсиль отправлялась бродить по Парижу. Она встречала друзей и знакомых, пила томатный сок на открытых террасах кафе. У нее был счастливый вид, и люди к ней тянулись. Вечером они снова соединялись, и все радости жизни открывались им: кино, запорошенные теплой пылью парижские улицы, полупустые кафе, где она учила его танцевать. Неведомое прежде, умиротворенное лицо летнего города, И все слова, что им хотелось друг другу сказать, все жесты, которых желали руки.

Как-то в конце июля они толкнулись неподалеку от «Флоры» на Джонни. Тот только что возвратился из Монте-Карло, где провел утомительный уик-энд в компании завитого молодого человека по имени Бруно. Джонни сказал, что рад видеть их такими счастливыми, и спросил, отчего они не поженятся. Его вопрос их очень рассмешил. Они ответили, что не принадлежат к тем, кто задумывается о будущем, и что брак вообще предрассудок. Джонни согласился и посмеялся вместе с ними. Но когда они ушли, пробормотал: «Какая жалость». Его интонация озадачила Бруно, и тот поинтересовался, о чем речь. На лице Джонни появилось меланхоличное выражение, какого упомянутый Бруно никогда прежде у него не наблюдал. «Тебе все равно не понять. Все это слишком поздно». Бруно и правда ничего не понял, да от него никто и не требовал.

В августе у Антуана начался отпуск. Но у них не было денег, так что пришлось остаться дома.

Тот август выдался в Париже особенно знойным. Удушливая жара перемежалась бурными ливнями. После них освеженные улицы походили на выздоравливающих тяжелобольных. Три недели Люсиль почти целыми сутками валялась в постели в одном халате. Ее летний гардероб состоял главным образом из купальников и легких брюк. Они годились для Монте-Карло или Капри, где она проводила лето, живя с Шарлем, но не для Парижа. О том, чтобы обновить гардероб, не могло быть и речи. Она много читала, курила, покупала на обед помидоры, занималась с Антуаном любовью, говорила с ним о литературе, лежала спать. Люсиль панически боялась грозы. Заслышав вдалеке первые раскаты грома, она искала спасения в объятиях Антуана. Его это умиляло. Не скупясь на научные термины, он объяснял, что молния — всего лишь электрический разряд, но она не могла этому поверить. Он растроганно называл ее «моя язычница», однако не в силах был выдать из нее слова, пока гроза не удалялась прочь. Иногда он украдкой бросал на нее вопросительные взгляды. Люсиль была необычайно ленива. То, как мало ей нужно для счастья, ее способность абсолютно ничего не делать, ни о чем не думать, ее дар довольствоваться столь пустыми, бездеятельными, однообразными днями — все это казалось ему странным, почти чудовищным. Антуан знал, что она его любит и потому ей не бывает с ним скучно. Но он догадывался также, что подобный образ жизни вполне соответствует ее натуре, тогда как для него эта пустота была временной паузой, данью страсти. Порой ему казалось, что рядом с ним не женщина, а непонятный зверек, неведомое растение, мандрагора. Тогда он обнимал ее, их дыханье, пот, вздохи смешивались, тела их вновь и вновь познавали друг друга. Так он доказывал себе самым доступным и убедительным способом, что она все-таки женщина. Постепенно каждый до мельчайших секретов изучил тело любимого. Это стало для них почти наукой, хотя не из разряда точных дисциплин. Предметом изучения было наслаждение другого. Но иногда, под натиском наслаждения собственного, эта цель забывалась. У них в голове не укладывалось, как могли они тридцать лет прожить на белом свете порознь. День, когда они признались себе, что в мире не существует ничего, кроме «здесь и сейчас», кроме нынешней минуты, навсегда запал в их души.

Август пролетел как сон. Накануне первого сентября они легли спать в полночь. Бездельничавший целый месяц будильник Антуана был заведен на восемь часов. Антуан неподвижно лежал на спине, рука с зажженной сигаретой свесилась с кровати. Начался дождь. Тяжелые капли лениво спускались с небес и плюхались на асфальт. Антуану почему-то казалось, что дождь теплый, а может, и соленный, как слезы Люсиль, тихо скатывавшиеся из ее глаз ему на щеку. Было бессмысленно спрашивать о причине этих слез — что у облаков, что у Люсиль. Кончилось лето. Он знал, прошло самое прекрасное лето в их жизни.

Я увидел, что всякий живущий фатально должен быть счастлив. Поступки не жизнь, но лишь способ расходовать силы, снимать напряжение.

Артюр Рембо

Глава 18

Люсиль ждала автобуса на площади Альма. Она нервничала. Ноябрь выдался на редкость холодным и дождливым. Под навес на остановке набилась целая толпа озябших, угрюмых, раздраженных людей. Люсиль предпочла остаться под дождем. Мокрые волосы липли к лицу. Она забыла сразу купить посадочный талон, и какая-то женщина злорадно усмехнулась, заметив, как минут через шесть Люсиль, наконец, спохватилась. Вот когда Люсиль пожалела, что осталась без машины. Она представила, как тяжелые капли разбиваются о капот, как на мокром асфальте машину чуть заносит на поворотах. И подумала, что если в деньгах и есть что хорошее, то это возможность избежать вот такого кошмара: очередей, толкотни, нервов. Она возвращалась из кинозала Дворца Шайо. Антуан очень советовал, почти приказал, посмотреть очередной шедевр Пабста. Фильм действительно оказался шедевром. Но Люсиль пришлось полчаса отстоять за билетами в толпе шумливых и непочтительных студентов. И ей подумалось, что приятней было остаться дома и спокойно дочитать завлекательный роман Сименона. Уже полседьмого. Она вернется позже Антуана. Может, это послужит ему уроком. А то у него появилась навязчивая идея вытаскивать ее из дому, вовлекать во внешнюю жизнь. Он утверждает, что после трех лет бурной светской жизни ненормально, даже дико замкнуться в четырех стенах, избегать людей. А она не могла ему объяснить. Нельзя же признаться, что, познав другую жизнь, слишком трудно вновь привыкать к пустому карману, к очередям, к талонам на автобус. Теряешь вкус даже к прогулкам по Парижу, самому прекрасному городу на свете. Такой разговор был бы унизителен для обоих. Когда ей было двадцать, она жила в бедности, но не хотела к этому возвращаться в тридцать.

Автобус, наконец, подошел. В него залезли счастливые обладатели первых номеров. Ее очередь еще далеко. Оставшиеся понуро побрели обратно к своей стеклянной конуре. Почти животная тоска охватила Люсиль. Если повезет, через полчаса она сядет. От остановки до дома еще пешком метров триста. Все равно придется тащиться под дождем. Она вернется усталая, растрепанная, некрасивая. Антуан примется расспрашивать про фильм, а ей бы хотелось сказать ему про сутолоку, про автобусы, про то, как убивает ее адский ритм жизни людей, вынужденных работать. Но говорить об этом нельзя, Антуан расстроится. Следующий автобус проехал мимо, даже не замедлив, хода. Люсиль решила пойти пешком. К очереди подошла и остановилась рядом пожилая женщина. Повинуясь внезапному порыву, Люсиль протянула ей свой талон:

— Возьмите, я, пожалуй, пройдусь.

Ей показалось, что женщина посмотрела на нее вопросительно, почти враждебно. Может, решила, что Люсиль сделала это из жалости. Бог знает, что она подумала. Люди так недоверчивы. Они с головой ушли в свои заботы и неприятности. Мозги у них запудрены глупыми телепередачами, идиотскими газетными статьями. Они забыли, что бывают просто бескорыстные поступки.

— Мне тут недалеко. Да и ждать нет времени. А дождь, похоже, стихает, правда? — извиняющимся, почти умоляющим тоном добавила Люсиль.

На самом деле дождь как раз припустил. Люсиль подумала: «Какая разница, что она мне ответит? Не хочет брать талон — выброшу. Охота ей лишних полчаса мокнуть, ей же хуже». Люсиль сама себе удивлялась: «Что со мной? Почему было не сделать как все — просто бросить талон. Что за мания всем нравится? О каком добросердечии может идти речь на площади Альма, да еще в этот час? С чего я вбила в башку, будто все должны меня любить? Братские отношения, благородные порывы — все это подходит богатым, в уютном баре за стаканчиком виски, или во время революции». Но в глубине души Люсиль хотелось поверить в обратное. Женщина протянула руку и взяла талон:

— Вы очень любезны, — сказала она и улыбнулась. Люсиль ответила ей неуверенной улыбкой и пошла. Она шла по набережным, через площадь Согласия, по улице де Лилль, вспоминая, как однажды проделала этот же путь в день знакомства с Антуаном. Тогда было начало весны. Было тепло. Они отправились пешком, потому что им так хотелось. Сейчас она бы с удовольствием поехала на такси. «Хватит ворчать, — одернула себя Люсиль. — Что мы делаем нынче вечером?» Ах, да, они приглашены к журналисту Люке Сольдеру. Это приятель Антуана. Он весь какой-то дерганный, болтливый и способен часами рассуждать на отвлеченные темы. Общение с ним забавляло Антуана. Может, оно забавляло бы и Люсиль, если б не жена Люки. Погрязшая в домашних заботах, она всякий раз пыталась развлечь Люсиль разговорами о безденежье и женских болезнях. К тому же Николь одержима манией экономии, так что стряпня ее малосъедобная. «Вот бы поужинать в „Реле-Плацца“, — пробормотала Люсиль на ходу. — У стойки я выпила бы с барменом холодный дайкири, а потом заказала бы гамбургер и салат. Вместо жидкого супа, мерзкого рагу, засохшего сыра и вялых фруктов. Неужели только богачи могут позволить себе изысканную простоту?» Она тешила себя этой картинкой: полупустой бар «Плацца», на стойке, как всегда, гладиолусы в вазах, приветливое лицо метрдотеля. Она одна за столиком, листает газету, рассеянно поглядывая на американок в норковых манто. Люсиль спохватилась, что в этих мечтах нет места Антуану, и у нее защемило сердце. Уже давно ей не случилось ужинать без него, но она почувствовала себя виноватой, как если б все было на самом деле. Она ускорила шаг, почти бегом поднялась по лестнице. Антуан валялся на кровати с «Мондом» в руках. Видно, это ее судьба — мужчины, читающие «Монд». Антуан встал, она прикинула к нему. Он был большой и теплый, от него пахло табачным дымом. Никогда, никогда ей не надоест его длинное худое тело, светлые глаза, большие ладони, ласкающие сейчас ее волосы. Он принялся рассуждать о глупых женщинах, разгуливающих под дождем.

— Как тебе фильм? — наконец поинтересовался он.

— Замечательно.

— Прав я был, что тебя туда отправил?

— Прав.

Люсиль в этот момент была в ванной, вытирала мокрые волосы. Произнося «прав», она посмотрела на себя в зеркало. По лицу блуждала незнакомая прежде улыбка. Секунду Люсиль изучающе ее разглядывала, потом провела по зеркалу полотенцем, словно пытаясь стереть нежелательную общность.

Глава 19

По вечерам, около половины седьмого, они встречались в маленьком баре на улице де Лилль. Поджидая Антуана, Люсиль болтала с гарсоном по имени Этьен. Он был смазлив и ужасно разговорчив. Антуан подозревал, что он питает к Люсиль далеко не братские чувства. Помимо того Этьен считал себя знатоком лошадей. Следуя его наставлениям, Люсиль несколько раз играла на скачках. Результат оказался самый, что ни на есть плачевный. Так что подозрительность, с какой Антуан обычно на них поглядывал, объяснялась не только ревностью, но и опасениями финансового краха. У Люсиль было прекрасное настроение. Накануне они заснули очень поздно. Всю ночь они строили планы на будущее — туманные, но далеко идущие. Сейчас она уже не могла припомнить, что они там решили, но твердо знала, что осуществление вышеназванных проектов даст им возможность поехать на отдых к морю или в Африку или снять на лето домик под Парижем. Этьен с пылающим взором расписывал ей некоего Амбруаза Второго (ставка один к десяти), который завтра же, вне сомнений, выиграет скачки в Сен-Клу. Последняя тысячефранковая бумажка, сиротливо покоившаяся в кармане Люсиль, уже готова была вот-вот перекоцывать к Этьену. Но тут появился Антуан. Вид у него был радостно-возбужденный. Поцеловав Люсиль, он заказал два виски. Учитывая, что было двадцать шестое число, это могло означать лишь одно: случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Что стряслось? — поинтересовалась Люсиль.

— Я говорил с Сире, — выпалил Антуан. В глазах Люсиль отразилось недоумение. — Ну как же, Сире, редактор «Ре-вей». Он

берет тебя на работу. У них есть место в архиве.

— В архиве?

— Ага. Это довольно занятно, и работа не пыльная. Он будет платить тебе сто тысяч в месяц, для начала совсем неплохо.

Люсиль растерянно посмотрела на него. Теперь она вспомнила, о чем они говорили ночью. Они решили, что то, как она живет сейчас, не жизнь. Ей надо чем-нибудь заняться. Она с энтузиазмом подхватила мысль о работе и даже набросала идиллическую картину грядущих трудовых будней. Она найдет место в газете. Все выше взбираясь по служебной лестнице, станет знаменитой журналисткой, пишущей о женских проблемах. Конечно, придется много работать, но у нее хватит упорства и целеустремленности, она добьется успеха. Они переедут в роскошную квартиру, платить за которую будет газета — ведь им придется часто принимать разных людей. Но каждый год они хотя бы на месяц станут сбегать от этой суеты и отправятся в плавание по Средиземному морю. Она рассуждала с таким воодушевлением, что Антуан, поначалу настроенный скептически, тоже увлекся ее проектом. Да и кто в силах устоять перед аргументами Люсиль, когда она возводит воздушные замки? Господи, что же она вчера пила, что такое читала, чтобы связаться в подобную историю? Сейчас она не ощущала в себе ни честолюбия, ни упорства. Работать ей хотелось не больше, чем, скажем, повеситься.

— Для такого еженедельника это вполне приличная зарплата, — добавил Антуан.

Он чуть не лопался от гордости. Она взглянула на него с умилением: он принял всерьез их ночные разговоры. Ему, верно, пришлось поставить на ноги весь Париж, чтобы найти ей место. В Париже полно светских женщин, страдающих от безделья и впадающих в депрессию на почве скуки. Любая из них сама бы охотно заплатила, чтоб хоть полы мыть, лишь бы это были полы какого-нибудь издательства, газеты или дома моделей. А этот чокнутый Сире согласен платить зарплату ей, ни о чем кроме безделья и не мечтающей. Странная штука жизнь. Люсиль изобразила что-то вроде улыбки.

— Ты не рада? — спросил он,

— Это слишком хорошо, — мрачно отозвалась она.

В его взгляде промелькнуло любопытство. Он знал, что обычно она сожалеет о решениях, принятых ночью. Еще он знал, что она не посмеет об этом сказать. Но он был совершенно уверен, что невозможно не скучать, ведя такой, как Люсиль, образ жизни. В конце концов она от этого устанет, и заодно и от него самого. К тому же внутренний голос нашептывал, что, прибавленные к его зарплате сто тысяч франков улучшат их финансовое положение. Со свойственным многим мужчинам оптимизмом он представлял, как Люсиль каждый месяц покупает себе парочку недорогих платьев. Пусть не творения знаменитых модельеров, но она прекрасно сложена, ей все пойдет. Она сможет ездить на такси, будет видеть людей. Постепенно она заинтересуется политикой, происходящим в мире, в ней проснется интерес к людям. Конечно, в минуты возвращения домой ему будет не хватать ее, затаившейся в квартире, как зверек в своей норке. Ему будет скучно без этой странной женщины, живущей лишь книгами да любовью. Но все-таки ему будет спокойней. В ее застывшей жизни не существовало ничего кроме настоящего, будущее просто отменялось. Это пугало и даже оскорбляло Антуана. Он чувствовал себя декорацией на съемочной площадке, декорацией, которую неминуемо сожгут, отсняв последний кадр.

— Когда начинать? — спросила Люсиль.

Теперь она улыбалась по-настоящему. В конце концов, отчего не попробовать? Работала же она когда-то в юности. Конечно, ей будет смертельно скучно, но не обязательно делиться этим с Антуаном.

— В первых числах декабря. Дней через пять-шесть. Ты рада?

Она бросила на него недоверчивый взгляд. Неужели он и правда полагает, что можно этим ее обрадовать? Ей уже случалось замечать в нем черточки садизма. Но у него такой невинный вид, вопрос прозвучал столь просто и душевно. Она серьезно кивнула:

— Да, конечно. Ты прав, долго так не могло продолжаться. Он перегнулся через стол и поцеловал ее так порывисто, так нежно, что ей стало ясно: он все понимает. Люсиль улыбнулась, и они вместе снисходительно посмеялись над ней. Она почувствовала облегчение от того, что он сумел ее разгадать. Ей не хотелось, чтобы он обманывался на ее счет. Но в то же время было неприятно, что он разыграл ее.

Вечером, дома, Антуан с карандашом в руках занялся математическими выкладками. Результаты его расчетов оказались самыми обнадеживающими. Он учитывал все — квартплату, телефон, прочую прозу жизни. На свои сто тысяч Люсиль сможет одеваться, платить за транспорт, обедать. В «Ревей» прекрасная столовая, иногда он тоже будет заходить к ней в обед. Люсиль, сидя на кровати, слушала его словно в оцепенении. Ей хотелось сказать, что платье от Диора стоит триста тысяч, что она ненавидит метро, даже без пересадок, что одно лишь слово «столовая» внушает ей неодолимое отвращение. Ее снобизм неизлечим. Но когда Антуан наконец прекратил кружить по комнате и обратил к ней свое вдохновенное, радостно-недоверчивое лицо, она ответила ему искренней, счастливой улыбкой. Он вел себя, как ребенок. Вернее, подсчитывал мелочи, как ребенок, а бюджет составлял, как министр. Как и для большинства мужчин, цифры были для него игрой. Быть по сему! Пусть ее жизнь управляется этими несбыточными расчетами, раз они вышли из-под его карандаша.

Глава 20

У Люсиль было такое чувство, точно она провела уже долгие годы в «Ревей», хотя она начала работать всего две недели назад. Архив размещался в большой серой комнате, загроможденной столами, шкафами и картотеками. Единственное окно выходило на узенькую торговую улицу. Ее напарницей оказалась молодая женщина по имени Марианна, очень любезная и деловая. Она была на четвертом месяце беременности. С одинаково нежным и заботливым выражением Марианна рассуждала о будущем еженедельника и своего ребенка. Она была уверена, что родится мальчик. Поэтому всякий раз, когда она высокопарно заявляла что-нибудь вроде «у него большое будущее», Люсиль терялась в догадках, кто имеется в виду — «Ревей» или еще не родившийся Жером. Они делали вырезки из газет и подшивали их по папкам. Им заказывали подборки об Индии, о пенициллине, о Гарри Купере. Они выдавали папки и, получив их назад в растерзанном виде, приводили в порядок и расставляли по местам. Люсиль раздражалась не столько сама работа, сколько вечная атмосфера озабоченности, нарочитой серьезности, царившая в офисе, — ненавистный ей дух деловитости. Ей все уши прожужжали разговорами о работе. В начале второй недели в редакции состоялось собрание персонала. Это походило на совещание в улье, где пчелы назойливо жужжат навязывая в зубах истины и куда из лицемерия пригласили еще и муравьев с первого этажа и из архива. Битых два часа Люсиль ошалело созерцала человеческую комедию — то, как подхалимство, самодовольство, показная серьезность и посредственность наперегонки соревновались в заботе об увеличении тиража Жеромова конкурента. Только трое не изрекали глупостей. Первый дулся на весь белый свет. Вторым был сам редактор, и Люсиль показалось, что он ошеломлен происходящим не меньше ее. Третий выглядел попросту умным человеком. Дома она нарисовала Антуану эпическую картину этого собрания. Он очень смеялся, но потом сказал, что она все преувеличивает и видит в черном цвете. Люсиль таяла на глазах. Ей было так тоскливо, что в обеденный перерыв она не находила сил доест сандвич. Первое посещение столовой стало и последним. Она обедала в ближайшей кафешке, но за столом больше читала, чем ела. Рабочий день заканчивался в шесть, а иногда и в восемь (Люсиль, милочка, простите, что я вас задерживаю, но послезавтра у нас выпуск). Люсиль пыталась поймать такси, потом, потеряв надежду, спускалась в метро. Обычно она ехала стоя. Сражаться за сидячее место казалось унижением. У ее спутников были усталые, озабоченные, суровые лица. В ней подымалось чувство протеста, причем она больше думала о них, чем о себе: ей казалось совершенно очевидным, что она всего лишь в странном сне и вот-вот проснется. Зато дома ее ждал Антуан. Он обнимал ее, и в его объятиях она вновь оживала.

На пятнадцатый день Люсиль не выдержала. В час дня она пошла в кафе и к великому изумлению гарсона заказала коктейль. Потом второй. Раньше она никогда там не пила. Полистав взятое с собой досье, она зевнула и захлопнула папку. Ей дали понять, что она может написать несколько строчек на эту тему и, если хорошо получится, их опубликуют. Но она была не в

силах написать и строчки. Во всяком случае, сегодня. Вернуться сейчас в эту серую комнату было выше ее сил. Она не могла больше играть навязанную ей роль энергичной молодой женщины перед людьми, изображающими великих писателей или деловых людей. Все это дрянные роли. По крайней мере, дрянная пьеса. А если Антуан прав и пьеса, в которой она участвует, вполне нормальна и полезна, значит, нехороша ее собственная роль. Или просто не для нее написана. Но Антуан не прав. Теперь она была в этом уверена. Выпитые коктейли ярко высветили очевидную истину. Иногда алкоголь придает взгляду на жизнь беспощадную зоркость. Сейчас перед Люсилью раскрылись тысячи мелких обманов, которыми она сама себя усыпляла, пытаясь убедить, что счастлива. Она несчастна, и это так несправедливо! Жгучая жалость к себе переполняла ее. Она заказала еще коктейль. Гарсон сочувственно спросил: «У вас что-нибудь не ладится?» — «Все», — мрачно ответила Люсиль. Гарсон сказал, что бывают дни, когда белый свет не мил, и посоветовал заказать сандвич. И вообще побольше есть, ато недолго и туберкулез заработать, как его кузен. Тот уже полгода в горах лечится. Значит, гарсон заметил, что она почти ничего не ест, значит, беспокоится о ней, хотя она с ним едва знакома, значит, он ее любит. У Люсиль выступили слезы на глазах. Помимо ясности ума алкоголь прибавлял ей и сентиментальности. Она просто об этом забыла. Она заказала сандвич и прилежно открыла книжку Фолкнера, взятую с утра у Антуана. Ей сразу же попался монолог Гарри.

«Серьезность. От нее все наши беды. Я тут понял, что только беспечности мы обязаны лучшим, что в нас есть, — созерцательностью, ровным настроением, ленью; благодаря ей мы не мешаем жить окружающим и сами можем наслаждаться жизнью: есть, пить, заниматься любовью, нежиться на солнце. Нет в жизни большей радости, чем знать, что свободно дышишь и живешь в тот краткий срок, что отпущен нам на земле».

Люсиль захлопнула книгу, расплатилась и вышла из кафе. Вернувшись в редакцию, она пошла к Сире, сказала, что увольняется, и попросила не говорить об этом Антуану. Она держалась раскованно, улыбалась. Сире был ошеломлен. Поймав такси, Люсиль поехала в ювелирный магазин на Вандомской площади. Там она за полцены продала жемчужное кольцо, подаренное Шарлем на Рождество. Она заказала копию из фальшивого жемчуга, не обращая внимания на заговорщицкий взгляд продавщицы. Полчаса провела в «Зале для игры в мяч» перед картинами импрессионистов. Потом еще два часа в кино. Вечером она сказала Антуану, что начинает привыкать к работе. В конце концов, лучше обманывать его, чем себя.

Пятнадцать дней Люсиль была счастлива. Она вновь обрела Париж. Она ублажала свою лень, теперь у нее были для этого средства. Она жила, как привыкла жить, только тайком. Она чувствовала себя прогульщицей. Запретный плод всегда сладок. На втором этаже ресторанчика, на левом берегу, она обнаружила что-то вроде бара-библиотеки. Она стала часто туда заглядывать и постепенно свела знакомство с тамошними бездельниками и пьяницами. Один из них, старик с благородной внешностью, выдававший себя за князя, как-то пригласил ее пообедать в «Рице». Собираясь, Люсиль целый час вертелась перед зеркалом, решая, какой из подаренных Шарлем костюмов меньше вышел из моды. Было нечто нереальное и восхитительное в этом обеде, в обстановке, в обществе человека, с серьезным лицом лгавшего про свою жизнь. Его рассказ напоминал Толстого и Мальро одновременно. Она из вежливости тоже рассказала о себе. То была повесть в духе Скотта Фицджеральда. Итак, он — русский князь и историк. Она — богатая американская наследница, чуть лучше образованная, чем это обычно бывает. В жизни обоих было слишком много любви и слишком много денег. Официанты так и порхали вокруг их столика, а они вспоминали Пруста, которого оба очень любили. Счет за обед, вероятно, подорвал финансы «князя» на весь следующий месяц. В четыре они расстались в полном восторге друг от друга.

По вечерам Люсиль рассказывала Антуану тысячи забавных историй из повседневной жизни редакции. Он хохотал до упаду. Она лгала, потому что любила его, потому что была счастлива и хотела разделить с ним это счастье или хотя бы как-то сделать его счастливым. Конечно, рано или поздно все откроется. В один прекрасный день Марианна ответит по телефону, что Люсиль уже месяц как на минуточку вышла. Поскольку каждый день этого безоблачного счастья мог стать последним, он обретал особую ценность, особый аромат. Она покупала Антуану галстуки, пластинки, книги. Она выдумывала авансы, гонорары, сверхурочные. Ей было весело, и она заражала Антуана своим весельем. На деньги, вырученные за кольцо, можно было позволить себе два месяца праздной жизни, два месяца роскоши и лжи, два месяца счастья.

Полные праздности, одинаковые дни сменяли друг друга. Дни, переполненные пустотой. Дни, бурные оттого, что так спокойны. Ничем не примечательные, бесцельные дни лениво перекачивались в безбрежном океане времени. Они напоминали ей студенческие годы, тогда она часто прогуливала занятия в Сорбонне. Сейчас ей снова было что прогуливать, что преступать. Шарль никогда не спрашивал, как она проводит свободное время, при нем Люсиль не приходилось скрываться. С Антуаном все иначе. А лучшие воспоминания детства — память о той сладкой и нежной лжи, когда обманываешь и других, и себя, и будущее. Люсиль знала, что с каждым днем приближается к неотвратимой катастрофе. В конце пути ее неизбежно ожидал гнев Антуана, утрата его доверия. Ему придется примириться — она никогда не сможет жить нормальной, размеренной жизнью, какую он ей предлагает. Она отдавала себе отчет, что, заварив эту кашу, вряд ли сможет потом все уладить, вряд ли сумеет ее расхлебать. Ее переполняла решимость, только она не знала, на что. Она, не смела себе признаться, что решила делать лишь то, что ей нравится. Когда кого-нибудь любишь, в таком нелегко признаться. Каждый вечер рядом был Антуан, его тепло, его смех, его тело. Люсиль настолько в нем растворялась, что временами ей казалось, что она его вовсе не обманывает. Жить без Антуана было так же невыносимо, как ходить на работу. Необходимость такого выбора казалась ей просто абсурдной.

Дни становились все холодней, и постепенно Люсиль впала в спячку. Она вставала вместе с Антуаном, они пили кофе в ближайшем бистро, иногда она провожала его до издательства. Потом, по официальной версии, она направлялась на службу, а в действительности возвращалась домой, опять ложилась и спала до полудня. Затем читала, слушала пластинки, много курила. В шесть часов она убирала постель, замечала следы своего присутствия и шла в маленький бар на улице де Лилль, где они встречались. Иногда, движимая чем-то вроде садизма, она отправлялась сперва в бар на улице Пон-Руааль и сидела там до восьми. Тогда при встрече с Антуаном она всем видом высказывала утомление непосильным трудом. Антуан жалел ее, она купалась в его нежности, сочувствии и ласке, не испытывая ни малейших угрызений совести. В конце концов она и правда достойна жалости — из-за этого мужчины с таким непростым характером ей приходится ломать и собственную жизнь. Казалось бы, чего проще сказать: «Я ушла из „Ревей“. Не могу больше ломать эту комедию». Но Антуана эта комедия так радовала, так успокаивала, что она не могла так поступить. Временами она казалась себе почти святой.

Поэтому разоблачение застало ее врасплох. — Я звонил тебе трижды после обеда, — сказал Антуан. Он бросил плащ на стул. Даже не поцеловав, он неподвижно навис над ней. Она улыбнулась:

— Да, я выходила надолго. Разве Марианна тебе не сказала?

— Как же, как же, сказала. И во сколько же ты ушла?

— Около часа. — Что-то в его голосе встревожило Люсиль. Она подняла глаза, но он избегал ее взгляда.

— У меня неподалеку от «Ревей» была деловая встреча, — выпалил он. — Я звонил тебе предупредить, что зайду. Тебя не было. Тогда я подошел к половине шестого. Вот.

— Вот, — машинально повторила она.

— Ты почти три недели не ходишь в редакцию. Они не заплатили тебе ни гроша. Я...

Он говорил очень тихо, но тут голос его взвился. Он сорвал с шеи галстук и запустил в нее:

— На какие шиши ты купила этот галстук? И пластинки? Где ты обедала?

— Послушай, Антуан, успокойся... Ведь не думаешь же ты, в самом-то деле, что я выхожу на панель... Это смешно.

Антуан залепил ей пощечину. Она была так потрясена, что даже не шелохнулась. С лица не сразу сползла улыбка. Щека горела, и она провела по ней ладонью. Но этот детский жест только взбесил Антуана. Как это часто случается с беззаботными обычно людьми, вспышки гнева бывали у него продолжительными и мучительными. Мучительными для палача даже более, чем для жертвы.

— Я не знаю, чем ты занималась. Я знаю только, что три недели ты мне врешь без остановки. Больше я ничего не знаю.

Повисло молчание. Люсиль думала о пощечине. К ярости примешивалось что-то вроде любопытства. Она размышляла, как вести себя в такой ситуации. Гнев Антуана всегда казался ей несоразмерным причине.

— Это Шарль, — заявил Антуан. Она не сразу поняла, про что он:

— Шарль?

— Да, это все Шарль — эти галстуки, эти пластинки, твои кофточки, твоя жизнь...

До нее дошло. Она чуть не засмеялась, но, взглянув на бледное, искаженное лицо Антуана, сдержалась. Она слишком боялась его потерять.

— Да нет, это не Шарль, — торопливо начала она. — Это все Фолкнер. Подожди, я сейчас тебе объясню. Деньги у меня за колье, Я продала его.

— Я вчера его видел.

— Это фальшивый жемчуг, любой бы заметил. Попробуй раскусить, бусинку, сам убедишься...

Момент был явно неподходящий, чтобы кусать бусы и вспоминать Фолкнера. Лгать у нее получалось куда лучше, чем говорить правду. Щека горела.

— Я не могла больше ходить в эту контору.

— Ты проработала всего две недели...

— Да, две недели. Я поехала в магазин Дори на Вандом-ской площади и продала жемчуг. А вместо него заказала копию, вот.

— И чем же ты целые дни занималась?

— Гуляла, дома сидела. Как раньше.

Он так посмотрел на нее, что ей захотелось куда-нибудь спрятаться. Но всякий знает, что если прятать глаза при таких разговорах, тебя уж точно заподозрят во лжи. Она заставила себя выдержать взгляд Антуана. Его золотистые глаза потемнели. Ей пришло в голову, что ярость красит его — довольно редкий случай.

— Почему я должен тебе верить? Ты три недели только и делаешь, что врешь.

— Потому что я ни в чем больше не виновата, — устало ответила она и отвернулась. Прижавшись лбом к стеклу, она бессмысленно следила, как по двору прогуливается кот, казалось, не замечающий мороза. Она добавила примирительно:

— Я говорила, что не создана для этого... Я умерла бы. Или стала бы некрасивой. Мне было так плохо, Антуан! Это единственное, в чем ты можешь меня упрекнуть.

— Почему ты ничего мне не сказала?

— Тебе так нравилось, что я работаю, интересуюсь «жизнью». Я не хотела тебя огорчать.

Антуан повалился на кровать. Два часа перед тем он терзался отчаянием и ревностью. Вспышка гнева отняла у него последние силы. Он верил ей. Он знал, сейчас она говорит правду. Но легче от такой правды не делалось. Она вызывала лишь безбрежную тоску. Люсиль всегда была одна и всегда будет одна, до нее не достучаться.

У него мелькнула мысль, не легче ли ему было б, узнай он о ее измене. Тихо и устало он спросил:

— Люсиль, ты мне совсем не доверяешь?

Она бросилась к нему, стала целовать его щеки, лоб, глаза. Она бормотала, что любит его, что он ничего не понимает, что он безумен и жесток. Антуан лежал неподвижно. Он даже слегка улыбался. Он был в полном отчаянии.

Минул месяц. Люсиль перешла на легальное положение и почти не покидала свою норку. Ей было хорошо. Только когда вернувшись с работы Антуан по вечерам спрашивал, чем она занималась днем, ей всякий раз было немного стыдно отвечать «ничем». Впрочем, он задавал свой вопрос машинально, без тени издевки. Но все-таки задавал. Иногда в его взгляде проскальзывала грусть, неуверенность. В минуты любви в нем появилась теперь какая-то ярость, надрыв. Потом он откидывался на спину, и когда Люсиль склонялась над ним, она виделась ему кораблем, уходящим в море, или облаком, плывущим по ветру, — чем-то зыбким, ускользающим. Ему казалось, она и впрямь ускользает, и он говорил, что любит ее, как никогда. Она падала на подушки рядом с ним, закрывала глаза, молчала. Нередко сетуют, что люди стали забывать цену словам. Но часто они забывают и то, как много безумства и абсурда может заключать молчание.

В ее памяти пролетали обрывки детских воспоминаний, вереницей попроплывали давно забытые лица ее мужчин и среди них замыкавшее галерею лицо Шарля. Она видела то галстук Антуана на ковре в Дианиной комнате, то крону дерева в Пре-Кателан. В пору счастья из этих осколков в ее воображении складывалась мозаика, которую она звала «своей жизнью». Теперь выходило лишь бесформенное крошево. Антуан прав: непонятно, к чему они идут, что с ними будет. Их кровать — еще недавно чудесный корабль, уносивший в прекрасную даль, вдруг оказалась хлипким плотом, бессмысленной игрушкой волн. Ставшая такой родной комната превратилась в нелепую декорацию. Антуан слишком много говорил о будущем, потому-то у них его и не будет.

Однажды в январе Люсиль проснулась от тошноты. Антуан уже ушел на работу. Теперь он часто уходил, не разбудив ее. Он вообще стал обращаться с ней подчеркнуто бережно, как с больной. Она пошла в ванную, там ее вырвало. На маленькой батарее сушились чулки — последняя целая пара. Глядя на них, Люсиль почему-то подумала, что комната немногим больше ванной. И вообще нельзя этого делать — оставлять ребенка.

От проданного колье у нее оставалось сорок тысяч, она была беременна. Долго она боролась с жизнью, и, наконец, та настгла ее, зажала в угол. Безответственность наказуема. Так учат книги, так считают люди вроде ее попутчиков в метро, только не она. Антуан любит ее, а значит, только от нее зависит, как он воспримет ее беременность. Если сказать: «У меня прекрасная новость», он обрадуется. Но она не имеет на это права. Ребенок лишит ее последней свободы, счастья он ей не принесет. И еще. Она не оправдала любви Антуана, сама довела их отношения до той черты, когда любая мелкая неприятность превращается в испытание. Она любит Антуана или слишком сильно, или слишком мало, но ребенка она не хочет. Она хочет только Антуана — счастливого, светловолосого, золотоглазого Антуана, свободного в любой момент ее покинуть. Хотя бы в одном она честна до конца — не желая брать на себя никакой ответственности, она по крайней мере не пытается переложить ее на чужие плечи. Не время мечтать о трехлетнем карапузе Антуане, играющем в песочек, или об Антуане-папе, со строгим лицом листающем дневник сына. Надо трезво взглянуть на вещи: сопоставить размер комнаты и детской кроватки, жалование Антуана и зарплату няни. Немыслимо. Многие женщины смогли бы ко всему этому приспособиться, но Люсиль не из их числа. Когда Антуан пришел с работы, Люсиль сказала о своей неприятности. Слегка побледнев, он обнял ее, тихо и нежно спросил:

— Ты уверена, что не хочешь ребенка?

— Я хочу только тебя. — Она не стала говорить о материальных проблемах, боясь его унижить. Глядя ее по волосам, он думал, что, захоти она ребенка, он полюбил бы его. Но она неуловима, как вольный ветер. Да ведь за это он ее и любит. Как же ее упрекать. Он сделал последнюю попытку:

— Мы поженимся, переедем на новую квартиру.

— Ну, куда мы переедем?! — вырвалось у нее. Она тут же спохватилась. — Ребенок — это так хлопотно. Я буду уставать, стану злой, некрасивой...

— Но все ведь как-то справляются...

— Мы не все, — сказала Люсиль и отвернулась. Это означало: «Другие не одержимы такой всепоглощающей жадой счастья, как мы». Он промолчал. Вечером они много выпили. Завтра он постарается раздобыть врача.

Презрительное выражение, похожее, никогда не сходило с плоской, некрасивой физиономии лекаря-недоучки. Не совсем ясно было, относится ли оно к нему самому или к женщинам, которым он помогает «избавиться от неприятности». Он занимался этим уже два года и ценил свои услуги недорого — восемьдесят тысяч франков. Но оперировал на дому у клиенток и без анестезии. Случись осложнение, обращаться не к нему. Прийти он должен был завтра вечером. Одна мысль, что снова придется увидеть эту мерзкую морду, вызывала у Люсиль содрогание. Антуан выбил в издательстве аванс на сорок тысяч. К счастью, он не видел этого пресловутого эскулапа. По непонятным соображениям, может просто из осторожности, тот отказывался встречаться с «кавалерами». У Люсиль был еще адрес врача в Швейцарии, под Лозанной. Но у того операция стоила двести тысяч плюс дорога. Это совершенно нереально, она даже не стала говорить Антуану. Это — для избранных. Клиника, медсестры, обезболивание — все это не для нее. Она пойдет под нож к мяснику, авось как-нибудь выкарабкается. Вряд ли после такого скоро придешь в себя. Никогда прежде Люсиль не приходилось жалеть о сделанных глупостях, сейчас же она с горечью вспоминала жемчужное кольцо. Ей суждено умереть от заражения крови, как фолкнеровской героине. Антуана же посадят в тюрьму. Люсиль металась по комнате, точно загнанный зверь. Встречаясь в зеркале со своим отражением, она представляла себя подурневшей, изурнутой, навеки лишившейся здоровья, такого необходимого, чтобы быть счастливой. Эта мысль приводила ее в исступление. В четыре она позвонила Антуану. Он ответил усталым и озабоченным тоном, и ей расхотелось говорить с ним о своих переживаниях. Хотя в этот момент, попроси он оставить ребенка, она бы согласилась. Но он показался ей далеким, отчужденным, бессильным. А ей так хотелось спрятаться к кому-нибудь под крыло. У нее не было ни одной знакомой, с кем можно было бы поделиться, расспросить о подробностях предстоящей операции. Пожалуй, единственной близкой ей женщиной была Полина. Подумав о ней, Люсиль автоматически вспомнила Шарля. До сих пор она гнала из памяти это имя, как угрызение совести, как нечто обидное для Антуана. Она сразу поняла, что именно к Шарлю она обратится за помощью и ничто ее не остановит. Шарль — единственный человек, способный рассеять этот кошмар.

Люсиль набрала его рабочий телефон, поздоровалась с секретаршей. Шарль оказался на месте. Услышав его голос, Люсиль испытала странное чувство и не сразу обрела дар речи.

— Шарль, мне надо с вами увидеться. У меня неприятности, — сказала она, овладев собой.

— Через час за вами заедет машина, — спокойно ответил Шарль. — Вам это удобно?

— Да. До свидания.

Секунду она ждала, что он. повесит трубку. Потом вспомнила его непогрешимую вежливость и сделала это сама. Она быстро оделась и еще добрых три четверти часа ждала, прижавшись лбом к оконному стеклу. Шофер приветливо улыбнулся ей. Машина тронулась, и Люсиль поняла, что спасена.

Полина открыла дверь и бросилась ей на шею, В квартире ничего не переменялось — она была теплой, просторной, спокойной, на полу ее любимый голубой ковер. Среди этого великолепия Люсиль почувствовала себя плохо одетой. Потом рассмеялась: ей пришло в голову, что все это похоже на возвращение блудного сына, верней дочери. Притом дочери, несущей в себе другое дитя. Шофер поехал за Шарлем. Люсиль, как и в былые дни, пошла к Полине на кухню и попросила виски. Полина немножко поворчала, что Люсиль похудела и у нее усталый вид. Люсиль захотелось положить голову ей на плечо и обо всем рассказать. Люсиль восхищалась тактом Шарля. Он устроил, чтобы она оказалась здесь раньше него, одна, точно пришла к себе домой. У нее было время вспомнить прошлое. Мысль, что в этом может заключаться своего рода уловка, не пришла ей в голову. Когда, войдя в квартиру, он весело окликнул ее, Люсиль показалось, что последних шести месяцев в ее жизни вовсе не бывало. Шарль осунулся и постарел. Он взял ее под руку, и они перешли в гостиную. Не слушая возражений Полины, он заказал ей два скотча, закрыл дверь и уселся в кресле напротив Люсиль. Оглядев комнату, она сказала, что здесь ничего не изменилось. Он повторил за ней — действительно, ничего не изменилось, и он в том числе. В его голосе слышалось столько нежности, что Люсиль с ужасом подумала: вдруг он решил, что она хочет вернуться. Поэтому заговорила так быстро, что ему порой приходилось переспрашивать.

— Шарль, я беременна. Я не хочу ребенка. Мне надо съездить в Швейцарию, но у меня нет денег.

Шарль пробормотал, что ожидал чего-нибудь в этом роде.

— Скажите, вы уверены, что не хотите ребенка?

— Я не могу... Мы не можем себе это позволить, — покраснев, поправилась она. — И потом, я хочу оставаться свободной.

— Вы абсолютно убеждены, что дело не только в деньгах?

— Абсолютно.

Он встал, прошелся по комнате, повернулся к ней с печальной улыбкой:

— Жизнь все-таки нелепо устроена. Чего бы я только ни дал, чтобы вы подарили мне ребенка. Вы имели бы двух нянь и все, что душе угодно... Но ребенка от меня вы, верно, тоже не захотели бы оставить?

— Нет,

— Вы не желаете иметь ничего своего. Ни мужа, ни ребенка, ни дома, совсем ничего. Странно все-таки.

— Вы же знаете, мне претят собственнические чувства. Шарль сел за стол, заполнил чек и протянул ей.

— У меня есть адрес прекрасного врача в Женеве. Очень прошу вас, поезжайте лучше к нему. Так мне будет спокойнее. Обещайте.

Она кивнула. В горле стоял комок. Хотелось крикнуть ему, что нельзя быть таким добрым и надежным, иначе она заплачет. Слезы уже наворачивались на глаза — слезы облегчения, горечи, тоски по чему-то ушедшему. Она устала сидеть на ковре, вдыхала запахи табака и кожи, слышала, как внизу Полина смеется с шофером. Ей тепло и хорошо. Наконец-то она почувствовала себя в безопасности.

— Помните, — сказал Шарль, — я жду вас. Я очень скучаю, Я понимаю, неделикатно говорить вам об этом сейчас, но мы так редко видимся.

Последние силы оставили Люсиль. Она вскочила, бросилась к двери, на ходу бормоча слова благодарности. Она сбежала по лестнице, вся в слезах, как прошлый раз. Шарль крикнул ей вслед: «Непременно мне потом позвоните. Если меня не будет, передайте хоть через секретаршу. Я вас очень прошу...» На улице шел дождь. Люсиль знала, что спасена, понимала, что погибла.

— К чертям эти деньги! — взвился Антуан. — Ты подумала, кто я теперь в его глазах? Хуже сутенера. Сперва отнимаю у него женщину, потом он же должен платить за мои грехи.

— Антуан...

— Нет, это уж слишком. Я не образчик добродетели, но всему есть предел. Ты не хочешь от меня ребенка, врешь мне, тайком продаешь свои побрякушки. Ты делаешь все, что взбредет тебе в голову. Но брать деньги у прежнего любовника, чтоб убить ребенка от нынешнего... Я не могу допустить! Это невозможно!

— По-твоему, мне лучше под нож к тому мяснику, на которого у тебя хватает денег? Который будет резать по живому без капли наркоза? Который и пальцем не шевельнет, если я стану подыхать? Тебя больше устраивает, чтоб я на всю жизнь осталась калекой, раз платишь не ты, а Шарль?

Они погасили красный ночник. Говорили они едва слышно — настолько этот разговор был ужасен для обоих. Впервые они презирали друг друга. Каждый злился на себя за это презрение, но оба не владели собой.

— Ты малодушна, Люсиль. Не знаю даже, чего в тебе больше — трусости или эгоизма. К пятидесяти годам ты останешься у разбитого корыта. Твои чары уже никого не привлекут. Ты останешься одна.

— Ты тоже трус, Антуан. Да еще и лицемер. Тебя волнует не то, что ты собираешься убить ребенка, а что это сделают на

деньги Шарля, а не на твои. Тебе твоя честь дороже моего здоровья. Ты ее в рамочке, что ль на стену собираешься повесить, свою честь?

Оба замерзли, но избегали касаться друг друга. Раньше в этой постели можно было укрыться от любых невзгод. Теперь вся сила всемирного тяготения припечатывала к ней, не давая шевельнуть пальцем. Перед ними вихрем проносились мучительные видения: неуютные одинокие вечера, безденежье, приближение старости. В огненных столпах взмечались вывсы атомные ракеты. Будущее являлось враждебным и безрадостным. И каждый впервые представил жизнь без другого, жизнь без любви. Он чувствовал, что если отпустит Люсиль в Швейцарию, то никогда не простит ни себе, ни ей. Это будет конец их любви. Чувствовал и что связываться с тем коновалом действительно опасно. А если они оставят ребенка, Люсиль быстро согнется под бременем забот, заскукает, разлюбит его. Она создана для мужчины, а не для ребенка. Она и сама никогда не станет по-настоящему взрослой. А если ей все же случится повзростеть, она перестанет любить себя, полюбит жизнь, полюбнет. Сколько раз он уговаривал себя: «Рано или поздно все женщины через это проходят: рожают детей, сталкиваются с бытом. Такова жизнь, она обязана это понять и переступить через свой эгоизм». Но стоило ему увидеть безмятежное лицо Люсиль, как начинало казаться, что не постыдная слабость, а глубокий, потаенный, почти животный инстинкт отворачивает ее от обыденной жизни. И он начинал даже испытывать нечто вроде уважения к тому, что минуту назад презирал. Она была неприкосновенна. Такой ее делало неукротимое стремление к счастью, к радостям жизни. Благодаря ему, эгоизм превращался в цельность характера, а безразличие в бескорыстие. Он слегка застонал. Наверное, такой же стон он издал, появившись на свет.

— Люсиль, умоляю тебя, давай оставим ребенка. Это наш последний шанс.

Она промолчала. Он протянул к ней руку, погладил по лицу. По щекам, по подбородку текли слезы. Он неуклюже стал их утирать.

— Я попрошу прибавку к жалованью, — начал он, — выкрутимся как-нибудь. Сейчас полно студентов, готовых по вечерам присматривать за детьми. А днем можно отдавать его в ясли. Не так уж все это сложно. Ему исполнится год, потом десять. Это будет наш ребенок! Я должен был сразу тебя уговорить. Сам не знаю, почему не сказал тебе этого раньше. Мы должны, мы обязаны попытаться...

— Ты прекрасно знаешь, почему ты не сказал. Ты в это не веришь. И я тоже.

Она говорила ровным голосом, но слезы не переставая, катились у нее из глаз.

— У нас с самого начала так. Мы долго скрывались, обманывали, мучили других. Мы созданы для обмана и для удовольствия, но не для того, чтоб вместе быть несчастными. Мы вместе для счастья. И ты это знаешь, Антуан. Ни ты, ни я, мы не можем жить как все. — Она перевернулась на живот, прильнула к его плечу. — Солнце, море, беспечность, свобода.. Вот что нам нужно. Мы бессильны это изменить. Это у нас в крови. Пусть нас обзывают «плесенью», если угодно. Лично я чувствую, что плесеневаю, лишь, когда делаю вид, что, верю этим ханжам.

Он не ответил. Уставившись в потолок, в светлый блик от уличного фонаря, он вспоминал, как силой хотел заставить Люсиль танцевать с ним, как ему хотелось тогда, чтоб она плакала, прижавшись к нему. И вот сбылось: она плачет. Но он не в силах ее утешить. Не надо себя обманывать, он не хочет ребенка. Он хочет только ее — свободную и неуловимую. Их любовь с первых шагов замешена на тревоге, беззаботности, чувственности. Он ощутил прилив нежности. Он обнял эту полуженщину-полуребенка, полукалеку, единственную свою любовь, и прошептал ей на ухо:

— Завтра утром я куплю билет в Женеву.

Глава 23

Минуло пять недель. Операция прошла легко. Вернувшись в Париж, Люсиль позвонила Шарлю. Его не оказалось на месте, пришлось передать, что все в порядке, через секретаршу. Люсиль почему-то расстроило, что не удалось поговорить с ним самим. Антуан теперь много работал — ему поручили выпуск новой серии. В издательстве произошла очередная перетряска, в результате ой продвинулся по служебной лестнице. Они часто ходили в гости к его сотрудникам и друзьям. Они никогда не говорили о Женеве, просто стали осторожнее. Это было тем более несложно, поскольку Люсиль чувствовала себя усталой, а Антуан по уши увяз в работе. Иногда они ограничивались теперь лишь нежным поцелуем, прежде чем повернуться друг к другу спиной и погрузиться в сон. Однажды во «Флоре» Люсиль встретила Джонни. Был конец февраля, на улице лило как из ведра. Джонни рассеянно листал какой-то искусствоведческий журнал. Рассеянно — потому что за соседним столом сидел красивый молодой блондин, Люсиль хотела незаметно прошмыгнуть мимо, но Джонни окликнул ее, пригласил за свой столик. Бронзовый от загара, он в ярких красках описал последние приключения Клер на швейцарском курорте. Потом рассказал об остальных. Диана дала отставку кубинскому дипломату и жила теперь с писателем-англичанином. Джонни особенно забавляло, что тот изменяет ей с мальчиками. Затем Джонни мимоходом осведомился о делах Антуана. Люсиль ответила в той же манере. Болтовня Джонни развлекала Люсиль. Давно ей не случалось смеяться так свободно и зло. Друзья Антуана по большей части были люди умные, но утомительно серьезные.

— А ведь Шарль по-прежнему ждет вас, — сказал Джонни. — Клер пыталась подsunуть ему малышку де Клерво, но Шарля с трудом хватило на два дня. Давно не видел, чтобы мужчина так грустил. Он как неприкаянный слонялся по всему отелю — из холла до ресторана и обратно, и так весь день. На всех нагонял тоску. Просто ужас! Чем вы его приворожили? И вообще, что вы такое делаете с мужчинами? Право, ваши советы мне быгодились.

Джонни улынулся. Он по-прежнему хорошо к ней относился, и ему было неприятно видеть ее в старом платье, с плохой прической. Она, как и полгода назад, была очаровательна и рассеянна, но похудела и побледнела. Джонни встревожился:

— Вы счастливы?

Она быстро, слишком быстро ответила: да. И Джонни сделал вывод, что она скучает. В конце концов, Блассан-Линьер всегда был с ним крайне любезен. Почему бы не попытаться ему подыграть? Это будет добрый поступок. У Джонни и мысли не было связать озарившую его идею с завистью, остро кольнувшей его восемь месяцев назад, на коктейле у какого-то американца, когда он увидел, как Антуан и Люсиль, недавно ставшие любовниками, бледные от желания, не сводят друг с друга глаз.

— Вам надо как-нибудь позвонить Шарлю. Он неважно выглядит. Клер опасается, что он серьезно болен, как бы не...

— Вы хотите сказать...

— Сейчас все только и твердят о раке. Но, боюсь, в данном случае есть для этого основания.

Джонни солгал. Он с интересом наблюдал, как Люсиль побледнела. Шарль... Милый Шарль. Такой одинокий в своей громадной квартире... Шарль, брошенный всеми этими людьми, которые не любят его и которых он не любит, покинутый всеми этими женщинами, падкими на его деньги. Шарль болен... Она просто обязана ему позвонить. Кстати, на той неделе у Антуана все вечера заняты — то деловые обеды, то ужины. Люсиль искренне поблагодарила Джонни. Тот слишком поздно вспомнил, что Клер терпеть не может Люсиль. Она придет в ярость, если Люсиль вернется к Шарлю. Но Джонни был иногда не прочь воткнуть шпильку своей покровительнице.

Через несколько дней Люсиль позвонила утром Шарлю. Он пригласил ее в ресторан. Стояла ясная, но холодная погода. Шарль сказал, что для тепла надо выпить. Они заказали по коктейлю, потом еще и еще раз. Руки официантов порхали над столом, как ласточки. Ей стало тепло и уютно. Невнятный ресторанный шум напоминал гудение пчелиного улья. Она подумала, что лучшего аккомпанемента для беседы не придумаешь. Шарль заказал обед. Он помнил все ее вкусы. Люсиль пристально всматривалась в него, пытаясь разглядеть признаки болезни. Но со времени их последней встречи он, скорее, помолодел. Она ему об этом сказала, это прозвучало почти упреком. Он улынулся:

— Да, зимой я неважно себя чувствовал — бронхит замучил. Пришлось поехать на три недели в горы — катался на лыжах, загорал. Теперь все в порядке.

— А Джонни сказал, у вас что-то серьезное со здоровьем...
— Да нет, ничуть. А то я бы конечно дал вам знать, — любезно добавил он.
— Вы можете поклясться? Шарль искренне удивился:
— Господи, ну разумеется. Вот, клянусь. Вы по-прежнему так любите клятвы? Давненько мне не приходилось ни в чем клясться!

Они посмеялись.

— Знаете, а Джонни намекнул, будто у вас рак. Шарль помрачнел:

— Так вы поэтому мне позвонили? Выходит, не хотели, чтобы я умер в одиночестве?

Люсиль покачала головой:

— Мне просто хотелось вас увидеть.

К своему глубокому изумлению она поняла, что сказала правду.

— Я жив, дорогая Люсиль. Это прискорбно, но я жив, хотя о покойниках заботятся куда больше. Я по-прежнему работаю. И даже бываю в свете, потому что мне невыносимо одиночество.

Немного помолчав, он заметил:

— А у вас все такие же темные волосы и серые глаза. Вы все так же красивы.

Люсиль вспомнила, что уже давно никто не говорил ей ни о цвете глаз, ни вообще о внешности. Антуан считает, что его страсть говорит сама за себя и заменяет любые излияния. Люсиль было приятно видеть, что в глазах этого немолодого красивого мужчины, сидящего напротив, она — нечто ценное, недостижимое, не то, чем можно владеть по своему желанию.

— Скажите, вы свободны в четверг вечером? В особняке де ля Моллей будет музыкальный вечер. В программе Моцарт, ваш любимый концерт для флейты и арфы. Играет сама Луиза Вермер. Хотя вам, наверно, трудно будет выбраться.

— Отчего вы так решили?

— Я не знаю, любит ли музыку Антуан. К тому ж его может уколоть, что это я приглашаю.

В этом весь Шарль. Он приглашает ее вместе с Антуаном. Настолько предупредителен, что считает это за долг. И предпочитает видеть ее с Антуаном, чем не видеть вовсе. Он будет ждать ее, что б ни случилось, поможет в любой беде. А она за полгода ни разу о нем и не вспомнила. Только когда услышала, что он при смерти, в ней проснулась совесть. Это в конце концов несправедливо! Как может он выносить такую чудовищную неблагодарность? Что питает эту безответную любовь, нежность, щедрость? Она склонилась к нему через стол:

— Почему вы меня еще любите?

Вопрос прозвучал резко, почти зло. Шарль отозвался не сразу.

— Я мог бы ответить: потому что вы меня не любите. В принципе хорошее объяснение, но вам это трудно понять. Вы слишком любите быть счастливой. Но есть в вас нечто еще, страшно притягательное. Как бы сказать... Вечный порыв? Впечатление, будто вы всегда в движении, хотя никуда не едете. Что-то вроде ненасытности, хотя вы не желаете ничего иметь. Что-то вроде веселости, хотя вы редко смеетесь. Знаете, люди так часто выглядят уставшими от жизни, опустошенными. А из вас жизнь бьет ключом. Пожалуй, так. Я не могу, как следует объяснить. Хотите лимонного мороженого?

— Да, это очень полезно, — механически кивнула она и, помолчав, добавила: — У Антуана в четверг деловой ужин. Так что я приду одна, если не возражаете.

Он не возражал. Он представить себе не мог ничего лучше. Они условились встретиться дома, в половине девятого вечера. Шарль сказал «дома», и ей ни на секунду не пришло в голову, что речь может идти об улице Пуатье. Там была комната. Она не была домом даже в ту пору, когда в ней вмещались и рай и ад разом.

Глава 24

Один из де ля Моллей в восемнадцатом веке дослужился до королевского министра. Залы особняка на острове Сен-Луи были огромны, а деревянные панели на стенах просто великолепны. При свечах все помещения казались еще просторней, гостиная еще пышней. Блеск свечей был беспощаден и милосерден. Беспощаден — ибо явственной высвечивал на лицах, как ум, так и его отсутствие. Милосерден, потому что сглаживал возраст. Музыканты расположились на маленькой эстраде в глубине гостиной. Люсиль с Шарлем сидели у окна. В каких-нибудь двадцати метрах неслась свои воды подсвеченная огнями Сена. Казалось, она сама светится. Было в этом вечере нечто нереальное. Все вокруг воплощало совершенство: вид из окна, обстановка гостиной, музыка. Год назад все это наводило бы на нее скуку. Звон упавшего стакана или чей-то кашель показались бы ей развлечением. Но сегодня ее радовали покой, порядок и красота, доставшиеся де ля Моллям благодаря колониальной торговле.

— А вот и ваш концерт, — прошептал Шарль. Они сидели совсем близко. Он протянул ей стакан скотча. В полутьме она различала его белую сорочку, элегантную стрижку, ухоженные руки, длинные веснушчатые пальцы. В зыбком свете он выглядел таким красивым, уверенным в себе и в то же время похожим на ребенка. Он казался счастливым. Джонни заметил, что они пришли вместе, и улыбнулся им, Люсиль не стала спрашивать, зачем он ее обманул. Пожилая дама на эстраде слегка улыбнулась и склонилась к арфе. Молодой флейтист вопросительно взглянул на нее. Было видно, как у него под воротничком рубашки ходит кадык. Сцена вполне в духе Пруста: вечер у Вердюренов, дебют молодого Мореля. Сваном был Шарль. Но в этой чудесной пьесе не было роли для нее. Как три месяца назад в той, что разыгрывалась в угремюле бюро «Ревей». Как и никогда, ни в одной пьесе мира не найдется для нее роли. Она ни куртизанка, ни интеллектуалка. Она никто. Первые же ноты, слетевшие со струн арфы, вызвали у Люсиль слезы. Она знала, что мелодия будет становиться все нежнее, все тоскливей. В ней будет усиливаться тема чего-то все более непоправимого, пусть даже к этому прилагательному трудно применить сравнительную степень. Есть в этой музыке нечто жестокое, как и в том, что пытался стать счастливым и добрым, а вместо того заставил других страдать и теперь сам не знает, кто он и что. В голосе арфы нарастала жестокость. Повинуясь порыву, Люсиль протянула руку к тому, кто был рядом — а рядом с ней в этот миг был Шарль, — и сжала ему ладонь. Его рука, его живое тепло заслонили ее от смерти и одиночества, от невыносимого ожидания того, что сплеталось и рвалось в споре флейты и арфы. Робкий молодой человек и увенчанная многими лаврами женщина в годах сделались, равны перед моцартовским презрением ко времени. Шарль сжимал руку Люсиль. В паузах он брал свободной рукой с подноса стакан виски и протягивал ей. В тот вечер было много виски и много музыки, то и другое в равной степени пьянило. Узкая ладонь Шарля казалась Люсиль все более надежной и теплой. Кто он, тот блондин, что заставляет ее ходить в кино под дождем, который хочет, чтобы она работала, из-за кого она чуть не попала под нож плоскореза мясника? Кто он такой, этот Антуан, чтоб называть гнилью всех этих милых людей, эти уютные канапе, музыку Моцарта? Конечно, он так говорил не о свечах, канапе и Моцарте. Но он называл так тех, благодаря кому она всем этим сейчас наслаждается. Этим и еще золотистой, обжигающей жидкостью, глотать которую легко, как воду. Она была пьяна и довольна всем вокруг. Она крепко держалась за руку Шарля. Она любит Шарля, любит этого молчаливого, нежного мужчину. Она всегда его любила. Ей не хочется с ним расставаться. Она не могла понять, отчего он так печально улыбнулся, когда в машине она ему об этом сказала.

— Я отдал бы все на свете, чтобы поверить вам; Но вы, к сожалению, слишком много выпили. Вы любите не меня.

И конечно, стоило ей увидеть светлые волосы Антуана, разметавшиеся по подушке, его длинную руку, лежавшую на ее, Люсиль, месте, как она сразу поняла, что Шарль был прав, она любит не его. И она об этом пожалела. В первый раз за все эти месяцы.

В первый, но не в последний. Она по-прежнему любила Антуана, но больше не любила свою любовь к нему. Ей

окончательно разонравился их размеренный и спокойный — из-за безденежья — образ жизни, опостылело однообразие дней. Антуан это чувствовал и старался поменьше бывать дома, почти забросил ее. Часы ожидания сделались для нее по-настоящему пустыми, ведь теперь она ждала не чуда, а все ту же обыденность. Иногда Люсиль встречалась с Шарлем, но Антуану о том не обмолвилась ни словом. К чему ревностью усугублять ту муку, что безнадежно поселилась в его золотистых глазах? Минуты близости теперь скорее напоминали поединок, чем акт любви. Они долго познавали друг друга, отыскивали все новые, неведомые пути, продлевающие блаженство. Теперь их умудренность обратилась в бездушную технику, служила тому, чтоб скорее со всем этим покончить. Не от скуки, а от страха. Каждый засыпал, успокоенный стонами другого. А прежде эти стоны, напротив, возбуждали их.

Однажды вечером, когда было выпито особенно много виски — а в последнее время она вообще много пила, — Люсиль осталась у Шарля. Она с трудом понимала, что делает. Только твердила себе, что рано или поздно это должно было случиться и надо сказать Антуану. Вернувшись на рассвете, она разбудила его. Однажды ему уже показалось, что он навсегда потерял ее, и он, безумно влюбленный, метался по этой самой комнате. Тогда, тоже на рассвете, к нему пришла прощаться другая женщина, Диана. Теперь он и, правда, потерял Люсиль. В нем не достало силы или еще чего-то, чему он не знал названия. Слишком давно он предвкушал чувство поражения, бессилия. Он чуть не сказал, что им не о чем говорить, что она всегда обманывала его — если не с Шарлем, то всей своей жизнью. Но он вспомнил лето, последний день августа, слезы Люсиль, и промолчал. После ее возвращения из Женевы он ждал, что она со дня на день уйдет. Есть на свете вещи, которые не могут не нанести смертельный удар любви, сколь ни свободны мужчина и женщина от предрассудков. Наверно, для них камнем преткновения стала Женева и все связанное с ней. А может, все было predetermined изначально, еще в тот день, когда, породненные смехом, они вышли из дома Клер Сантре? Не скоро ему удастся выпрямиться. Он думал об этом, глядя в ее усталое лицо, в глаза, обведенные темными кругами, на ее руку, лежавшую на простыне. Он знал каждую черточку этого лица, каждый изгиб ее тела. Такую геометрию забыть нелегко. Они обменялись несколькими банальными фразами. Ей было стыдно, что она в эти минуты ничего не чувствует. Если бы Антуан накричал на нее, Люсиль наверняка осталась бы. Но он не кричал.

— Ты и правда была несчастлива.

— Ты тоже.

Они улыбнулись друг другу — виновато, расстроено, почти по-светски — и Люсиль ушла. Когда за ней захлопнулась дверь, он не смог сдержать стона: «Люсиль, Люсиль...» — и разозлился на себя за это. Она пешком отправилась к дому Шарля, к своему одиночеству.

Им суждено было еще раз увидеться. Два года спустя они встретились у Клер Сантре. Люсиль, в конце концов вышла замуж за Шарля. Антуан стал директором отделения в своем издательстве. В этом качестве его и пригласили. Теперь он с головой уходил в работу. У него появилась привычка немного рисоваться своим красноречием. Люсиль оставалась все такой же очаровательной, выглядела счастливой. Молодой англичанин, некий Созмс, строил ей глазки. За столом Люсиль и Антуан оказались рядом — то ли случайно, то ли по коварному замыслу Клер. Они вели вежливую беседу о литературе.

— Скажите, что все-таки значит «шамада»? — поинтересовался на другом конце стола молодой англичанин.

— Словарь «Литтре» дает такое толкование: барабанный бой, означающий сигнал к капитуляции, — объяснил кто-то из эрудитов.

— Как это поэтично! — воскликнула Клер Сантре. — Пусть в английском больше слов, дорогой Созмс, но, согласитесь, в поэзии пальма первенства у Франции.

Антуан и Люсиль сидели в метре друг от друга, но слово «шамада» им ничего не напомнило и не пробудило в них смеха, как в былые времена.

[Купить книгу "Сигнал к капитуляции" у автора Саган Франсуаза](#)

Всего проголосовало: 26 Средний рейтинг 5.3 из 5

Оцените эту книгу